

YYEHSIE BANNCKU

ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

VERITAS IN MEDIO EST

TOM 4 HOMEP 3(13) 2024

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2024. ТОМ 4. №3(13)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:

Лебедев Александр Николаевич

Заместители главного редактора:

Гордякова О.В. (Москва), Панфилова А.С. (Москва)

Члены редакционной коллегии:

Акопов Г.В. (Самара), Аксеновская Л.Н. (Саратов), Александров Ю.И. (Москва), Аллахвердов В.М. (Санкт-Петербург), Богданчиков С.А. (Москва), Волченков Д. (США, Техас), Гагарина М.А. (Москва), Демидов А.А. (Москва), Знаков В.В. (Москва), Корнилова Т.В. (Москва), Мазилов В.А. (Ярославль), Махнач А.В. (Москва), Нестик Т.А. (Москва), Панов В.И. (Москва), Прохоров А.О. (Казань), Сергиенко Е.А. (Москва), Скотникова И.Г. (Москва), Ушаков Д.В. (Москва), Харламенкова Н.Е. (Москва), Хащенко В.А. (Москва), Холодная М.А. (Москва), Юревич А.В. (Москва)

Институт психология РАН: 129366, г. Москва, ул. Ярославская д. 13, корп. 1. Электронная почта: scientificnotesipras@gmail.com Полнотекстовая электронная версия журнала публикуется на сайте https://scientific-letters.ru

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН 2024. Том 4. № 3(13)

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

От главного редактора	2
ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ	
Прохоров А.О.	
Казанская школа психологии состояний: от: В.М. Бехтерева до наших дней	
(направления и результаты исследований)	4
Розов Н.С.	
Эволюционное происхождение плача	17
Aкопов Г.В., A копян Л. C .	
Образная, символическая и дискурсивная репрезентация	
представлений о добре и зле у детей и подростков	29
Наурузова М.А., Корнилова Т.В.	
Эмпатия и ценности медицинских работников при решении	
моральных дилемм в повседневных жизненных ситуациях	43
СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	[
Лебедев А.Н.	
Теория поиска значимости и методологические проблемы изучения	
феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп	57
Спасенников В.В., Голубева Г.Ф., Спасенникова Е.В.	
Патриотизм и патриотичность личности: теория и практика измерений	69
Iskajyan A.H.	
Cyberbullying and its impact on self-harm in adolescents	
(Кибербуллинг и его влияние на самоповреждение у подростков)	89
Шилова О., Волченков Д.	
Виртуальная реальность и психологические проблемы общения	
людей на сайтах для взрослых	96

Introductory speech of the editor-in-chief of the journal. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.2-3. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_01

От главного редактора

Уважаемые читатели журнала «Учёные записки Института психологии РАН», предлагаем вашему вниманию очередной номер журнала: Том 4, № 3(13), 2024. Как обычно в этом номере представлены статьи и наших постоянных авторов, и новых. Статьи распределены в два раздела: «Общая психология, психология личности, история психологии» и «Социальная, экономическая и политическая психология». Номер открывается статьей А.О. Прохорова.

Автор знакомит читателя с историей развития такого направления, как психология состояний. Казанская школа изучения психических состояний была основана В.М. Бехтеревым. В статье дается глубокий анализ исследований, выполненных в рамках данного направления, со второй половины XIX-го века и до наших дней. Особое внимание уделяется феномену саморегуляции психических состояний, а также категории сознания.

В статье Н.С. Розова представлена концепция эволюционного происхождения плача. Автор продолжает исследовать природу психики человека с позиций эволюционизма, а также комплексного и системного подходов. Подчёркивается, что, несмотря на обширное культурное разнообразие феномена плача, он остается универсальном поведенческим паттерном для всех эпох, обществ и культур. В современном достаточно жестоком мире, где плачущий человек вызывает у многих порой не сочувствие, а непонимание, тема природы и предназначения плача оказывается невероятно острой. Отсутствие глубоких исследований на эту тему делает ее, по нашему мнению, чрезвычайно интересной не только для науки, но и для практики.

Статья Г.В. Акопова и Л.С. Акопян посвящена нравственному сознанию школьников на начальном и среднем этапах обучения, в частности, их отношению к понятиям Добра и Зла. Очевидно, что в современном турбулентном мире эти понятия трактуются по-разному, иногда весьма тенденциозно и противоречиво, поэтому исследования в этом направлении

приобретают особую актуальность для современной психологии.

В статье М.А. Нарузовой и Т.Н. Корниловой проанализированы результаты эмпирического исследования эмпатии и ценностей медицинских работников при решении задач морального выбора в повседневных жизненных ситуациях. Были выделены подгруппы лиц с высокой и низкой трудностью выбора. На основе регрессионного анализа разработана математическая модель, раскрывающая полученные закономерности.

Раздел социальной, экономической и политической психологии открывает статья, посвященная феномену психологической поляризации социальных групп, а также — методологическим проблемам социальной психологии. На основе анализа ряда современных психологических теорий, в частности таких, как теория перспектив А. Тверски и Д. Канемана и теории поиска значимости А. Круглански (SQT), делается вывод о необходимости изучения психических явлений на основе принципа стохастического детерминизма.

Статья наших новых авторов В.В. Спасенникова, В.В. Голубевой и Е.В. Спасенниковой посвящена широко обсуждаемый сегодня теме патриотизма и патриотического воспитания. На основе эмпирического материала авторы анализируют особенности патриотического поведения молодых людей, рассматривают методы и возможности измерения уровня и типов патриотизма.

Наш новый автор коллега из Армении А.О. Искаджян представила статью, в которой проводится анализ чрезвычайно актуальной сегодня проблемы влияния кибербуллинга на самоповреждение у подростков. К сожалению, Интернет дает не только огромные преимущества, но и создает новые проблемы, к решению которых мы не всегда готовы. Поэтому их изучение приобретает все большую актуальность для целого ряда отраслей психологии: социальной, клинической, детской, возрастной, юридичес-

кой и других. По просьбе автора статья напечатано на английском языке.

Данный номер завершается публикацией О. Шиловой и Д. Волченкова. Статья посвящена актуальной для России проблеме, которая становится чрезвычайно острой вследствие стремительного распространения в мире новых цифровых технологий. Речь идет об общении и взаимодействии людей в социальных сетях Интернета, а именно, на сайтах для взрослых. Статья интересна прежде всего тем, что в отечественной психологии данная проблема, в связи с неоднозначным отношением к этому явлению российской общественности, практически не рассматривается. Выбранное авторами направление исследований крайне интересно также и потому, что в этот вид бизнеса в мире вкладываются огромные финансовые ресурсы. Кроме того, изучение интимной жизни людей глубже раскрывает сложную психологическую природу представителей биологического вида Homo sapiКоллеги, мы не обязываем наших авторов делать перекрёстные ссылки на публикации в журнале, однако было бы очень приятно и полезно, если бы авторы ссылались на статьи своих коллег, которые выходят в журнале. Мы с нетерпением ждём ваших новых публикаций и будем рады участию в работе Академического дискуссионного клуба ИП РАН, ассоциированного с нашим журналом.

С уважением, главный редактор журнала гл.н.с. ИП РАН, д.пс. н. А.Н. Лебедев

Казанская школа психологии состояний: от В.М. Бехтерева до наших дней (направления и результаты исследований) // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2024. Т.4. №3. С.4-16. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_02

Kazan school of psychology of states: from V.M. Bekhterev to the present day (directions and research results). Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.4-16. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_02

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ, ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

КАЗАНСКАЯ ШКОЛА ПСИХОЛОГИИ СОСТОЯНИЙ: ОТ В.М. БЕХТЕРЕВА ДО НАШИХ ДНЕЙ (НАПРАВЛЕНИЯ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ)

© Прохоров А.О.

доктор психологических наук, профессор, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия alprokhor1011@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8636-2576

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, грант № 23-18-00232

В статье анализируются направления и результаты исследований категории «психическое состояние», выполненные в Казанской школе психологии состояний. Первые исследования психических состояний в Казани, в том числе ив России, связаны с работами выдающегося российского психолога, психиатра и психоневролога В.М. Бехтерева. В первой психологической лаборатории, открытой им в Казанском университете, исследовался широкий спектр психических состояний, характерных как для нормы, так и патологии. Им были выделены и феноменологически описаны состояния, типичные для определенных видов деятельности, рассмотрены состояния сознания и их патология. Второй этап исследований психических состояний – советский период. Его основанием являются работы, выполненные в лаборатории индивидуальных различий Казанского университета Н.М. Пейсаховым и его сотрудниками. Основной цикл работ был посвящен изучению проявлений функциональных состояний в трудовой, учебной и спортивной деятельностях. Отдельный аспект исследований – работы в области саморегуляции психических состояний. Современный период исследований психических состояний связан с использованием научной методологии: субъектно-деятельностного, системного и синергетического подходов, метасистемной и динамических парадигм и др. Применение этих подходов позволило системно описать психические состояния и их функции в психическом целом, выделить и ввести в пространство психологии новые классы состояний: неравновесные, познавательные, повседневнотрансовые. Отдельное направление исследований – изучение взаимоотношений сознания и состояний. В этом направлении рассмотрены связи смысловых структур, рефлексии, переживаний, системы Я и др. с состояниями субъекта. Другое направление изучения состояний – исследование регуляторных процессов: особенностей саморегуляции состояний субъекта. Разработанная системно-функциональная концепция саморегуляции состояний является основой этого направления исследований в Казанской школе психологии состояний.

Ключевые слова: психическое состояние, Бехтеревский период, советский период, современный этап, сознание, регуляция

Введение

Понятие «психическое состояние» заняло прочное положение в психологической науке. Как категория психических явлений оно наполнено определенным содержанием: описаниями отдельных состояний и их проявлений, исследованием психологических механизмов возникновения, анализом места состояния среди других психических явлений, взаимоотношениями с другими категориями психических явлений и др.

«Бехтеревский» период исследований психических состояний

Существенный вклад в исследование конкретных вопросов, связанных с феноменологией, генезисом, объективными характеристиками психических состояний внесли отечественные исследователи. В работах В.М. Бехтерева и его учеников показаны методологические подходы к их объективному изучению, рассматривается феноменология и генезис психических состояний, особенности эмоциональных состояний, протекающих на фоне общего психического напряжения и др.

В отношении психологии В.М. Бехтерев писал: «Психология - наука, занимающаяся описанием и распознаванием состояний сознания как таковых.... В состав истолкования этих явлений должно, конечно, входить изучение как тех причин и условий, при которых они возникают, так и действий, непосредственно ими вызываемых, поскольку те и другие могут быть констатированы» [3, с.3]. В.М. Бехтерев считал, что психические состояния - это явления, отражающие внутренние и внешние раздражения, связанные с переживанием и «соотносительными процессами»; им отмечается, что состояния влияют на течение и развитие нервно-психических процессов.

В 1885 г. при Казанском университете под руководством В.М. Бехтерева была создана первая в России психофизиологическая лаборатория. На базе лаборатории были проведены экспериментально-психологические

исследования, часть из которых была связана с изучением психических состояний.

В.М. Бехтеревым изучались пограничные и патологические состояния: состояние психического возбуждения, психического угнетения, гипнотическое состояние, связанное с внушением, состояния психоанестезии и гиперестезии, самовнушенные состояния, психопатия (как приобретенное состояние) и др., а также состояния, относящиеся к отдельным сторонам деятельности человека: страх на экзамене у школьников, утомление, состояние сосредоточенного внимания, аффективные состояния: радость, умиление, испуг, душевная тревога, гнев, смущение и др. Особенно много исследований было посвященоутомлению и усталости (исследовалось утомление в течение рабочего дня).

В.М. Бехтерев использовал термины: «субъективные состояния», «нервно-психические состояния», «состояния сознания», «болезненные состояния». Основными методами исследования являлись самонаблюдение (интроспекция), методы экспериментальной психологии, а также анализ поведенческих проявлений.

Основными работами В.М. Бехтерева в Казанский период его деятельности являлись: «Сознание и его границы», 1888; «Классификация душевных болезней», 1891; «К вопросу о врачебном значении гипноза», 1893 [1; 2; 4].

Советский период изучения психических состояний

В советский период изучение психических состояний в Казанском университете (1970-1980 г.) было связано с работами Н.М. Пейсахова и его сотрудников. В лаборатории индивидуальных различий (впоследствии лаборатория психологических проблем высшей школы), которой он руководил, изучались функциональные состояния в учебной и трудовой деятельности, а также в спорте высших достижений. В частности, было установлено, что саморегуляция психических состояний в учебной деятельности только тогда

достигает эффекта, если учитывается исходный уровень (начальные значения) состояния. В трудовой деятельности были выделены формальные и содержательные характеристики изменения состояний в ходе дня и недели. Описаны девять типов динамики работоспособности. В спорте было показано, что влияние нагрузок на вегетативные сдвиги организма в ходе тренировочного процесса опосредуется субъективными переживаниями.

Основными работами того периода являлись: Пейсахов Н.М. Саморегуляция и типологические свойства нервной системы. Казань: КГУ, 1974; Психологические и психофизиологические особенности студентов/подред. Н.М. Пейсахова. Казань: КГУ, 1977; Пейсахов Н.М. Закономерности динамики психических явлений. Казань: КГУ, 1984; Габдреева Г.Ш. Основы самоуправления психическим состоянием. Казань: КГУ, 1981 и др. [5; 6; 7; 26]

Современный период изучения психических состояний

В настоящее время изучение психических состояний Казанскими исследователями может быть обозначено следующими направлениями:

- 1) исследование состояния как психического явления: феноменология, состав, структура, функции, динамика, взаимоотношение состояний с другими категориями психических явлений и пр.;
- 2)изучение отношений между психическим состоянием и составляющими сознания: смысловыми и рефлексивными структурами, образами психических состояний, ментальными репрезентациями, значениями, переживаниями, метакогнитивными особенностями и др.;
- 3) исследование регуляции психических состояний: механизмов и закономерностей.

Состояние как психическое явление

В рамках первого направления с позиций системного подхода и концепций самоорга-

низации (синергетики) были выделены и описаны системные и категориальные признаки психического состояния, показаны психологические механизмы возникновения психического состояния. Показано, что психическое состояние характеризуется целостностью, является отражением воздействий на субъекта внешних и внутренних факторов; занимает промежуточное звено между процессами и свойствами личности и имеет определенные временные границы; ситуация жизнедеятельности — одна из основных причин, вызывающих психическое состояние [8; 9].

Определены общие функции психических состояний:

- 1) интегративная (объединяет психические процессы и свойства в единое целое);
- 2) функция отражения (отражает особенности внешней предметной социальной среды без представленности в состоянии образа этой среды);
- 3) энергетическая функция (проявляется в продуктивности и успешности деятельности субъекта, в степени его активности, т.е. состояние характеристика психической активности субъекта);
- 4) регуляторная (состояние обусловливается регуляторной системой, но в то же время, состояния сами регулируют деятельность человека и его поведение);
- 5) функция развития (повторяющиеся состояния приводят к формированию качеств человека, определяют формированиесвойств личности).

Выделены частные, специфические, обусловленные качеством состояния функции: тревога — антиципирующая, утомления — защитная, страх — охранительная и др.

Описаны функциональные структуры состояний и рассмотрена их феноменология. Установлено, что в отрезке актуального времени (сек-мин) психические состояния выступают как реакция (гнев, лень, досада, страх/испуг, злость, решимость и пр.). Основная их функция — связывание психических процессов и свойств для обеспечения

адекватной реакции субъекта на ситуацию. Таких состояний около 40%.

В отрезке текущего времени функции состояний связаны с формированием и закреплением психологической структуры личности (строя) через их повторение. В этом временном диапазоне субъект овладевает саморегуляцией и самоорганизацией собственной деятельностью. Состояний, характерных для текущего времени — около 40%, их продолжительность — час/день. Это — радость, спокойствие, апатия, огорчение, вдохновение, озабоченность и др.

В длительном времени (неделя-месяц и более) психические состояния связаны с образом жизни субъекта. Состояния отражают сформированные и трансформированные черты характера, свойства, акцентуации, сложившиеся системы самоуправления и саморегуляции, и др., выполняя функцию регуляции деятельности и поведения. Это состояния-свойства. К ним могут быть отнесены (увлеченность, одержимость, психическое выгорание, хроническая усталость, переутомление и др.).

Выделены и описаны классы психических состояний: класс неравновесных состояний, познавательных и повседневных трансовых состояний. Установлено, что неравновесные психические состояния представляют собой группу состояний, проявления которой зависит от уровня психической активности (энергии) субъекта.

В качестве отправной точки возникновения неравновесного состояния может быть, например, направленное антиципирование собственного будущего состояния в трудной для субъекта ситуации, (например, в ситуации СВО) или в случае необратимой ситуации (когда действие завершено, и событие невозможно изменить: потеря близкого человека, увечье, инвалидность, несчастные случаи) и др.

Установлено, что ход динамических изменений неравновесных состояний характеризуется фазовыми процессами синусоидального типа, возрастанием однородности и

качественной близости в ситуациях высокой значимости и информационной насыщенности

Важнейшей функцией неравновесных состояний является обусловливание ими процесса возникновения новообразований в структуре ментальности и личности. Это — метапроцессы, приводящие к новым образованиям в структуре ментальности и личности, к «настоящему знанию», к построению новых смыслов, ценностей, новому пониманию и др. Возникшие новообразования связаны с механизмом, который называется «возникновение порядка через флуктуацию» (по И. Пригожину) [10].

Другой класс состояний – познавательные психические состояния [28]. Разработана психологическая концепция познавательных состояний как многоуровневой структуры, интегрирующей в свой состав совокупность разнородных психических явлений, необходимых для эффективной реализации познавательной деятельности. Показано, что рефлексия, смысл, образ состояния, переживания, когнитивная активность и другие составляющие сознания являются ключевыми компонентами в механизмах актуализации и функционирования познавательных состояний.

Актуализация познавательных состояний определяется когнитивной активностью субъекта,при условии активизации рефлексивно-смысловых структур сознания. Другим условием является «внутреннее принятие» задачи (познавательной ситуации) субъектом, обретение задачей личностной значимости, результатом которой являются переживания, лежащие в основе возникновения познавательных состояний.

Познавательные состояния характеризуются превалированием интеллектуально-когнитивных характеристик в значениях, а также их семантической близостью. Состояния размышления, задумчивости, рефлексии, сосредоточенности, заинтересованности имеют ярко выраженное «когнитивное ядро». Исследование активационных харак-

теристик познавательных состояний позволили выявить общую закономерность — взаимосвязь положительных познавательных состояний с мотивами познания, достижения и саморазвития, тогда как для отрицательных познавательных состояний характерна противоположная тенденция.

Выделен и описан класс повседневных трансовых состояний [25]. Повседневный транс – это естественное, часто возникающее в будничной жизни каждого человека психическое состояние, характеризующееся изменением фокусировки внимания и концентрацией на внутренних психических процессах с ослаблением отчетливости восприятия «внешнего» мира.

Ядром проявлений состояния транса являются когнитивные процессы. К числу центральных характеристик повседневного транса относятся: новизна в восприятии реальности, активность воображения, размышления философского характера на фоне снижения активности обыденного мышления, активность памяти и доступность личного опыта, высокий уровень сосредоточенности на внутренних переживаниях и ощущениях, ценности познания, развития и продуктивной жизни.

В психологический механизм «особой» продуктивности транса входят доступная обращенность к своему опыту, сопровождаемая интенсивными переживаниями, снижением чувствительности по отношению к стимулам внешней среды, нервно-мышечная релаксация вкупе с мобилизацией энергетических ресурсов организма.

Психическое состояние и сознание

В контексте этого направления изучались отношения между психическими состояниями и структурами сознания: смысловыми и рефлексивными структурами, исследовались образы психических состояний, значения (семантические пространства), ментальные репрезентации, переживания, метакогнитивные особенностями и др.

Было обнаружено, что семантическое пространство состояния характеризуется ядерным образованием, слоями и периферией. Выявлены общие характеристики семантических пространств психических состояний, разделенных на группы по различным основаниям: по уровню психической активности, по временным характеристикам, по уровню сложности, по ведущей психологической составляющей и др. Исследования показали, что семантические пространства состояний взаимодействуют между собой: в состояниях разной модальности есть элементы состояния другой модальности – это пересечение семантических пространств. Благодаря этому происходит переход из одного состояния в другое.

За семантическими слоями психического состояния стоят категориальные структуры сознания. Реконструкция субъективного семантического пространства состояний показывает, что могут быть выделены факторы–категории, которые дифференцируют состояния [11].

Исследования образа состояния показало, что образ психического состояния отображается в сознании как субъективное представление (мысленный» образ), переживаемой конфигурации различных субъективных и объективных характеристик человека, возникающих вслед за актуализированным состоянием.

Рассмотренные характеристики образа позволяют судить об образе состояния как об относительно стабильном образовании, интегрирующим различные психологические, физиологические и поведенческие показатели. Эти характеристики достаточно полно осознаются субъектом, что проявляется в оценках, описаниях и дифференцировании образов. Но это не предметный образ, а образ сознания, как результат влияний различных социальных, психологических и организменных составляющих на его актуализацию.

Установлено, что стабильность и интегрированность образа относительны и зависят от ряда переменных: энергетической составляющей состояния, времени-длительности, знака, модаль-

ности, содержания и других характеристик. Устойчивость образа связана с субъективным опытом переживания состояния и, прежде всего, с частотой, длительностью и интенсивностью его возникновения в тех или иных ситуациях жизнедеятельности человека. Вследствие этого происходит закрепление характеристик состояния в структуру образа.

Исследования дают основания считать, что структура образа состояния представляет собой относительно стабильное образование, интегрирующее различные психологические, физиологические и поведенческие показатели. Образ состояния когерентен и организован, особенно, в крайних временных диапазонах. Результаты свидетельствуют о включенности образа психического состояния в структуры сознания в качестве составной части ментальной организации человека. Образ выражает переживания и порождает их. Отраженные компоненты психического состояния закрепляются в сознании в определенном сочетании, формируя структуру. Последняя изоморфна реальному состоянию.

Упрочиваясь в структурах памяти, образ становится структурным элементом субъективного опыта переживания состояний. Через образы становится возможным проникновение в хранилища субъективного (индивидуального) опыта. Образ содержит в себе информацию о структурах опыта, является внутренней репрезентацией, частью феноменального опыта. Формирование образа может рассматриваться как приобретение опыта переживания состояния вследствие фиксации в памяти временных и пространственных (структурных) характеристик актуального состояния, скрепленных в единое целое регуляторными влияниями структур сознания. С одной стороны, образ является составляющей единицей субъективного опыта, с другой, сам образ хранит в себе опыт, служащий информационной базой человека [14].

Установлены универсальные закономерности репрезентаций состояний, позволяющие судить о психологических механизмах отображения состояния в сознании человека. Показано, что актуализированные репрезентации состояний определяют включенность регуляторных

структур сознания в изменение состояний человека и в выбор им соответствующих стратегий, способов и средств регуляции. Обнаружено, что репрезентации состояний устойчивы и маловариативны в различных ситуациях жизнедеятельности: образные, ассоциативные, понятийные и оценочные характеристики ментальных репрезентаций психических состояний стабильны, относительно независимы от условий, в которых они переживаются, т.е. вписаны в субъективный опыт человека и репродуцируются устойчиво вне контекста ситуаций, их актуализирующих.

Установлено, что ментальные репрезентации психических состояний представляют собой устойчивый и стабильный конструкт. Его изменения в ходе воздействий незначительны, касаются только лишь отдельных показателей целостной структуры и имеют характер тенденций. Динамика ментальных репрезентаций психических состояний характеризуется сохранением их основного ядра независимо от ситуаций, характера воздействий и временных факторов. Выявлены различия в устойчивости к воздействиям и в тенденциях к изменению показателей репрезентаций, обусловленные равновесностью/неравновесностью психических состояний, модальностью и знаком состояний [16; 17].

Показано, что рефлексия проявляется в осознании и понимании переживаемых состояний и, соответственно, в их регуляции. Последнее выражается в её «включенности» в регуляторный процесс субъекта, как начало его регуляторных действий. Благодаря рефлексии осуществляется осознание, оценка, сличение актуального состояния с искомым и, соответственно, в случае необходимости, субъектом вносится коррекция в применяемые способы и приемы регуляции. Она выступает в качестве полипроцессуального образования, синтезирующего в себе все многообразие процессов: когнитивного, регулятивного и коммуникативного характера, и рассматривается как центральное звено в регуляторном процессе субъекта, как самодетерминирующее и регулирующее начало его управляющих действий.

Влияние рефлексии на психические состояния опосредовано уровнем регуляторных

способностей субъекта: наиболее интенсивные психические состояния переживают лица с одинаковыми показателями уровня регуляторных способностей и рефлексии: при высокой регуляторной способности и высокой рефлексии, при низкой регуляторной способности и низкой рефлексии. Ключевым показателем, влияющим на психические состояния, служит уровень регуляторной способности субъекта, а рефлексия выполняет трансформационную функцию [20].

Исследования переживания как структурного образования сознания показало, что оно представляет собой накопленное обобщение во внутреннем мире субъекта. Именно через переживания субъекту передается реальность его психических состояний: переживание и психическое состояние вступают в разнообразные, разномерные и разноаспектные взаимоотношения, взаимопроникают в структуру другу друга, изменяют, усиливают или трансформируют друг друга.

Определена природа переживания как явления сознания, субстанциональности субъекта, образующего единство с рефлексией, функцией которого является «переработка» впечатления и встраивание его в структуры сознания. Показаны механизмы взаимоотношений переживания, психических процессов и состояний через сквозные пространственно-временные и энергетические характеристики, являющиеся основанием изменений субъектно-личностных характеристик. Выявлены отношения переживания и социально-психологических явлений, основанием которых являются структурно-динамические характеристики переживания.

Переживание входит в многомерные и многообразные отношения в сознании, структура которых меняется в зависимости от ситуации. В динамике переживания показано, что результатом переживания является изменение структур сознания и отношений между ними. Установлены отношения переживания со структурами и формами рефлексивного сознания. Отношения с синтезирующей формой рефлексии являются определяющими в актуализации переживания.

Переживание оказывает влияние на структурно-функциональную организацию состояния

как его собственный структурный элемент, как опосредующая структура в интрасистемных и интерсистемных взаимодействиях. Психическое состояние является частью процессуальности самого переживания для субъекта, играет роль «ландшафта», условий для процесса переживания, а также результатом переживания впечатления в системе «Переживание — Рефлексия». Переживание может находиться по отношению к психическому состоянию в различных психологических измерениях, минимально «соприкасаясь» с ним в ситуации реализации психологических защит или осознанного его подавления в ситуации необходимости решения более актуальных для человека проблем [27].

В исследованиях отношений смыслаи состояния была установлена следующая закономерность: смысловые структуры всегда «вмешиваются» во все проявления психических состояний: в их возникновение, перестройку, динамику, продолжительность, интенсивность, модальность и т.д. В свою очередь, смысловые структуры также подвержены регуляторному воздействию со стороны переживаемых состояний. Отличие этих отношений в том, что если психические состояния всегда являются объектом регуляторного воздействия смысла, то смысловые структуры изменяются, трансформируются только при переживании неравновесных состояний в трудных, напряженных, критических ситуациях, независимо от оценки этих ситуаций (неравновесные состояния, возникающие в положительных, но напряженных ситуациях, также изменяют смыслы, хотя изменения эти и менее выражены).

Отметим, что смысловая регуляция состояний опосредуется ситуацией, в которой находится субъект. Актуализированный в сознании образ ситуации определяет возникновение психического состояния в зависимости от ее оценки и осмысления. Последнее обеспечивается смысловыми структурами сознания.

Между смыслами и психическими состояниями существуют тесные связи: состояние означивается смыслом, а смысл, в своём предельном выражении, чаще всего является состоянием. Результаты исследования свидетельствуют о том, что каждая смысловая структура и каждый уровень организации смысловой системы целостно включены в регуляторный процесс: факторы-категории личностного смысла, смысловые установки и ценности, отражая и опосредуя различные влияния внешней, предметной, социальной среды, выполняют специфические функции в саморегуляции психических состояний. Способы и приемы саморегуляции категоризуются личностным смыслом, смысловые установки закрепляют эти способы в системе «ситуация – смысл – состояние», а ценности их актуализируют [13].

Показана роль «системы Я» в саморегуляции психических состояний. Выявлены взаимосвязи между компонентами «системы Я» и структурами сознания (рефлексия, смысловые структуры, переживания и др.) в процессе ментальной регуляции состояний.

Установлено, что характеристики сознания, входящие в субъективный (ментальный) опыт связаны между собой и оказывают влияние на процессы регуляции. Ведущими показателями в структуре взаимосвязей являются компоненты «системы Я». Выявлена специфика взаимоотношений показателей «системы Я» с характеристиками регуляторного профиля личности: используемыми способами и стратегиями саморегуляции, уровнем самоконтроля и самоуправления [19; 23; 24].

Изучение саморегуляции психических состояний

Разработана системно-функциональная теория саморегуляции психических состояний. Целостная функциональная структура регуляции психических состояний представляет собой иерархическую организацию, в основании которой находятся функциональные механизмы регуляции отдельного психического состояния [12; 18].

Базовый уровень — саморегуляция актуально переживаемого состояния. Она осуществляется через цепь переходных состояний. Такая цепь может состоять из одного или нескольких состояний. Переход от состояния к состоянию

осуществляется при использовании различных психорегулирующих средств и приемов: от простых до сложных. Нормализация состояния всегда осуществляется через этап относительно равновесного состояния.

Информация о достижении желаемого состояния реализуется при помощи обратной связи. Очевидно, что этот процесс осознается и связан с активностью сознания субъекта.

Процесс регуляции совершается при активном участии психических процессов (восприятия, представлений, мнемических процессов, мышления и др.). Регуляторный процесс осуществляется с опорой на психологические свойства (темперамент, характер и др.).

Регуляторный процесс происходит в конкретной социальной среде на фоне культуральных, этнических, профессиональных и др. влияний, осуществляется в определенной социальной ситуации жизнедеятельности: экономической, юридической, связанной с местом субъекта в малой группе: его социальными ролями, статусами и пр.

Другой уровень связан со спецификой функциональных комплексов (блоков), состоящих из состояний, образующихся в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности, а также с более сложной организацией механизмов регуляции. Функциональные комплексы являются основаниями этого уровня регуляции, обусловливая пролонгированную актуализацию «заданных» состояний с определенными параметрами со стороны знака, качества, интенсивности, длительности и пр

Актуализация механизмов регуляции и длительное поддержание субъектом психических состояний с «заданными» параметрами в диапазоне текущего времени и в условиях повторяющихся ситуаций жизнедеятельности связано с образованием более сложного по организации уровня саморегуляции ивключением в состав функциональной структуры социально-психологических характеристик: социальных ролей, диспозиций, отношений и др.

Устойчивые функциональные комплексы регуляции являются основой этого уровня. Они

обусловливают пролонгированную актуализацию «заданных» состояний с определенными параметрами со стороны знака, качества, интенсивности, длительности и др., в актуальных или заданных ситуацией условиях жизнедеятельности.

Типичный функциональный комплекс включает в себя наиболее часто употребляемые способы и приемы регуляции состояний, «наработанные» или «выработанные», или стихийно сложившиеся в ходе освоения профессиональной деятельности и в жизнедеятельности, в целом. Развертывание функционального комплекса состояний, а также его параметры и их изменения в «нормальных» и экстремальных ситуациях жизнедеятельности определяются требованиями социального функционирования субъекта и спецификой профессиональной деятельности, а также индивидуально-личностными характеристиками.

Более высокий уровень – целостная функциональная структура регуляции. Она включает в себя предыдущие уровни. Отношения между уровнями — отношения включения, где качественные характеристики нижележащего уровня включены как слои в компоненты вышестоящего уровня.

Иерархическая система регуляции состояний обеспечивает адаптацию субъекта к социальным условиям функционирования и требованиям предметно-профессионального характера деятельности. Целостная структура регуляции психических состояний характеризуется разной степенью устойчивости, осознанности, обусловлена спецификой жизнедеятельности и особенностями личностной организации.

Она связана с образом жизни субъекта, субъективными моделями мира, включающими в себя жизненные стратегии, ориентации, ценности, цели и отражает влияние последних, а также особенностями малых и больших социальных групп, членом которых он является.

Направленность жизни субъекта «задает» (создает) целостную функциональную структуру саморегуляции состояний. Её проявления — в сложившихся формах поведения, в продуктивности и успешности социальной адаптации, в

эффективности различных форм жизнедеятельности субъекта, в целом.

Проведенные исследования взаимоотношений структур сознания и психических состояний позволили создать концепцию ментальной регуляции состояний. Составляющими концептуальной модели являются «система Я», ментальный (субъективный) опыт, смысловые структуры, рефлексия, переживания, ментальные репрезентации, целевые характеристики, ситуации, пространство культуры, образ жизни, регуляторные действия, обратная связь, временные факторы [15; 18; 21; 22].

Центральным интегрирующим образованием ментальной регуляции является ментальный (субъективный) опыт человека, в котором осуществляется интеграция составляющих сознания, образование функциональных структур, направленных на достижение цели – регуляцию психического состояния субъекта.

Субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания (личностный смысл, ценности, конструкты, смысловые установки и ориентации и др.), целевые характеристики субъекта, «систему Я», репрезентации, входящие в структуру знаний (ассоциативные, оценочные, понятийные, образные характеристики), переживания, значения с категориальными структурами сознания, рефлексивные структуры и её виды, образы, процессы понимания. В ментальном опыте осуществляется интеграция составляющих сознания, образование функциональных структур, направленных на достижение цели – регуляцию психического состояния субъекта.

Отношения между компонентами модели ментальной регуляциив самом общем виде, следующие: субъективный (ментальный) опыт интегрирует смысловые структуры сознания, отражающие значимость для субъекта ситуаций жизнедеятельности. Существенным звеном ментальной регуляции является воплощение смысла в значениях, что приводит к связыванию значения (объекта, предмета, ситуации и пр.) и психического состояния. Осознание субъектом необходимости в регуляции и выбор средств осуществляются благодаря рефлексии и образу

собственного состояния. Переживание, включенное в ментальный опыт, изменяет смысловые структуры и психическое состояние. Регуляторный процесс опосредуется ситуациями жизнедеятельности, пространством культуры и образом жизни. Операциональная сторона регуляторного процесса связана с действиями субъекта, направленными на изменение состояния, обратной связью и временными характеристиками.

Существенным звеном в ментальной регуляции является система Я, выполняющая узловую регулирующую функцию в организации включения структур сознания в саморегуляцию состояний, влияющая на выбор операциональных средств (способы, приемы) и регуляторных действий.

Ментальная регуляторная система выполняет управляющую функцию по отношению к

состояниям субъекта. В тоже время процесс ее влияния опосредуется внешними факторами (ситуациями/событиями, пространством культуры, образом жизни, половыми и возрастными особенностями, факторами времени и пр.) вкупе с операциональными действиями и обратной связью, а также с психологическими свойствами личности (темпераментом, характером, способностями и др.) и особенностями протекания психических процессов (когнитивными и метакогнитивными, мотивационными и др.).

«Развертывание» регуляторного процесса, а также его параметры и их изменения в жизнедеятельности, определяются требованиями социального функционирования субъекта, спецификой профессиональной деятельности и субъектно-личностными особенностями человека.

Литература:

- 1. Бехтерев В.М. К вопросу о врачебном значении гипноза. Казань, 1893.
- 2. Бехтерев В.М. Классификация душевных болезней. Казань, 1891.
- 3. Бехтерев В.М. Объективная психология. Санкт-Петербург: тип. П.П. Сойкина, 1907-1910.
- 4. Бехтерев В.М. Сознание и его границы. Казань, 1888.
- 5. Габдреева Г.Ш. Основы самоуправления психическим состоянием. Казань: КГУ, 1981.
- 6. Пейсахов Н.М. Закономерности динамики психических явлений. Казань: КГУ, 1984.
- 7. Пейсахов Н.М. Саморегуляция и типологические свойства нервной системы. Казань: КГУ, 1974.
- 8. Прохоров А.О. Психические состояния и их проявления в учебном процессе. Казань: Издательство Казанского университета, 1991.
- 9. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. Казань: Изд-во Казанского педагогического института, 1994.
- 10. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1998.
- 11. Прохоров А.О. Семантические пространства психических состояний. Дубна: Феникс+, 2002.
- 12. Прохоров А.О. Саморегуляция психических состояний: феноменология, механизмы, закономерности. М.: ПЕР СЭ, 2005.
- 13. Прохоров А.О. Смысловая регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии PAH», 2009.
- 14. Прохоров А.О. Образ психического состояния. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016.
- 15. Прохоров А.О. Структурно-функциональная модель ментальной регуляции психических состояний субъекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. №1. С.5-18.
- 16. Прохоров А.О. Ментальные механизмы регуляции психических состояний // Экспериментальная психология. 2021. Т. 14. № 4. С. 182-204.

- 17. Прохоров А.О. Ментальные репрезентации психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2021.
- 18. Прохоров А.О. Технологии психической саморегуляции. Х.: изд-во «Гуманитарный Центр», 2021.
- 19. Прохоров А.О., Карташева М.И. Система Я в субъективном (ментальном) опыте переживания неравновесных психических состояний // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 3. С. 89-104.
- 20. Прохоров А.О., Чернов А.В. Рефлексивная регуляция психических состояний. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.
- 21. Прохоров А.О., Чернов А.В. Становление системы ментальной регуляции психических состояний студентов в процессе в вузе // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т.15. № 1. С.101-121.
- 22. Прохоров А.О., Чернов А.В. Ментальная регуляция психических состояний студентов в повседневной и напряженной ситуациях обучения // Российский психологический журнал. 2023. №20(3). С. 48-65.
- 23. Прохоров А.О., Чернов А.В., Карташева М.И. Влияние ментальных структур на эффективность саморегуляции психических состояний в учебной деятельности студентов // Сибирский психологический журнал. 2022. № 86. С. 66-83.
- 24. Прохоров А.О., Чернов А.В., Карташева М.И. Система Я в ментальной регуляции психических состояний // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. 2023. №1(112). С.119-130.
- 25. Прохоров А.О., Юсупов М.Г. Повседневное трансовое состояние. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2013.
- 26. Психологические и психофизиологические особенности студентов / под ред. Н.М. Пейсахова. Казань: КГУ, 1977.
- 27. Фахрутдинова Л.Р. Теория переживания. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2009.
- 28. Юсупов М.Г. Познавательные психические состояния: феноменология и закономерности. Казань: Изд-во АН РТ, 2020.

KAZAN SCHOOL OF PSYCHOLOGY OF STATES: FROM V.M. BEKHTEREV TO THE PRESENT DAY (DIRECTIONS AND RESEARCH RESULTS)

© Aleksandr O. Prokhorov

Doctor of Psychological Sciences, Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia alprokhor1011@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8636-2576

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23-18-00232

The article analyzes the directions and results of research on the category "mental state" performed at the Kazan School of Psychology of States. The first studies of mental states in Kazan, including in Russia, are associated with the work of the outstanding Russian psychologist, psychiatrist and psychoneurologist V.M. Bekhterev. In the first psychological laboratory he opened at Kazan University, a wide range of mental states characteristic of both norm and pathology were studied. He identified and

phenomenologically described conditions typical of certain types of activity, considered states of consciousness and their pathology. The second stage of research on mental states is the Soviet period. Its basis is the work performed in the laboratory of individual differences of Kazan University by N.M. Peisakhov and his staff. The main cycle of work was devoted to the study of manifestations of functional states in work, educational and sports activities. A separate aspect of research is work in the field of self–regulation of mental states. The modern period of research on mental states is associated with the use of modern scientific methodology: subject-activity, systemic and synergetic approaches, metasystem and dynamic paradigms, etc. The application of these approaches made it possible to systematically describe mental states and their functions in the mental whole, to identify and introduce new classes of states into the space of psychology: non-equilibrium, cognitive, everyday trance. A separate area of research is the study of the relationship between consciousness and states. In this direction, the connections of semantic structures, reflection, experiences, the Self system, etc. are considered, with the states of the subject. Another area of study of states is the study of regulatory processes: the features of self-regulation of the subject's states. The developed system-functional concept of self-regulation of states is the basis of this line of research at the Kazan School of Psychology of States.

Keywords: mental state, Bekhterev period, Soviet period, modern stage, consciousness, regulation

REFERENCES

- 1. Bexterev V.M. (1893). K voprosu o vrachebnom znachenii gipnoza [On the question of the medical significance of hypnosis]. Kazan`.
- 2. Bexterev V.M. (1891). Klassifikaciya dushevny`x boleznej [Classification of mental illnesses]. Kazan`.
- 3. Bexterev V.M. Ob``ektivnaya psixologiya [*Objective psychology*]. Sankt-Peterburg: tip. P.P. Sojkina, 1907-1910.
- 4. Bexterev V.M. (1888). Soznanie i ego granicy [Consciousness and its boundaries]. Kazan`.
- 5. GabdreevaG.Sh. (1981). Osnovy` samoupravleniya psixicheskim sostoyaniem [Fundamentals of self-management of mentalstate]. Kazan`: KGU.
- 6. Pejsaxov N.M. (1984). Zakonomernosti dinamiki psixicheskix yavlenij [*Patterns of dynamics of mentalphenomena*]. Kazan`: KGU.
- 7. Pejsaxov N.M. (1974). Samoregulyaciya i tipologicheskie svojstva nervnoj sistemy` [Self-regulation and typological properties of the nervoussystem]. Kazan`: KGU.
- 8. Proxorov A.O. (1991). Psixicheskie sostoyaniya i ix proyavleniya v uchebnom processe [*Mental states and their manifestations in the educational process*]. Kazan`: Kazan University Press.
- 9. Proxorov A.O. (1994). Psixicheskie sostoyaniyai ix funkcii [*Mental states and their functions*]. Kazan`: Publishing House of the Kazan Pedagogical Institute.
- 10. Proxorov A.O. (1998). Psixologiya neravnovesny`x sostoyanij [*Psychology of nonequilibrium states*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
- 11. Proxorov A.O. (2002). Semanticheskie prostranstva psixicheskix sostoyanij [Semantic spaces of mental states]. Dubna: Feniks+.
- 12. Proxorov A.O. (2005). Samoregulyaciya psixicheskix sostoyanij: fenomenologiya, mexanizmy`, zakonomernosti [Self-regulation of mental states: phenomenology, mechanisms, patterns]. Moscow: PER SE`.
- 13. Proxorov A.O. (2009). Smy`slovaya regulyaciya psixicheskix sostoyanij [Semantic regulation of mental states]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".

- 14. Proxorov A.O. (2016). Obraz psixicheskogo sostoyaniya [*Image of a mentalstate*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
- 15. Proxorov A.O. (2020). Strukturno-funkcional`naya model` mental`noj regulyacii psixicheskix sostoyanij sub``ekta [Structural and functional model of mental regulation of mental states of the subject]

 // Psixologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V. 41. №1. Pp.5-18.
- 16. Proxorov A.O. (2021). Mental`ny`e mexanizmy` regulyacii psixicheskix sostoyanij [*Mental mechanisms of regulation of mental states*] // E`ksperimental`naya psixologiya [*Experimental psychology*]. V. 14. № 4. Pp. 182-204.
- 17. Proxorov A.O. (2021). Mental`ny`e reprezentacii psixicheskix sostoyanij [*Mental representations of mental states*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
- 18. Proxorov A.O. (2021). Texnologii psixicheskoj samoregulyacii [*Technologies of mental self-regulation*]. Kh.: Publishing house "Humanitarian Center".
- 19. Proxorov A.O., Kartasheva M.I. (2020). Sistema Ya v sub``ektivnom (mental`nom) opy`te perezhivaniya neravnovesny`x psixicheskix sostoyanij [*The system of Selfin the subjective (mental) experience of experiencing non-equilibrium mental states*] // E`ksperimental`naya psixologiya [*Experimental psychology*]. V.13. № 3. Pp. 89-104.
- 20. Proxorov A.O., Chernov A.V. (2019). Refleksivnaya regulyaciya psixicheskix sostoyanij [*Reflexive regulation of mental states*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
- 21. Proxorov A.O., Chernov A.V. (2022). Stanovlenie sistemy` mental`noj regulyacii psixicheskix sostoyanij studentov v processe v vuze [Formation of the system of mental regulation of mental states of students in the process at the university] // Teoreticheskaya i e`ksperimental`naya psixologiya [Theoretical and experimental psychology]. V.15. №1. Pp.101-121.
- 22. Proxorov A.O., Chernov A.V. (2023). Mental`naya regulyaciya psixicheskix sostoyanij studentov v povsednevnoj i napryazhennoj situaciyax obucheniya [*Mental regulation of students' mental states in everyday and stressful learning situations*] // Rossijskij psixologicheskij zhurnal [*Russian Psychological Journal*]. №20(3). Pp. 48–65.
- 23. Proxorov A.O., Chernov A.V., Kartasheva M.I. (2022). Vliyanie mental`ny`x struktur na e`ffektivnost` samoregulyacii psixicheskix sostoyanij v uchebnoj deyatel`nosti studentov [*The influence of mental structures on the effectiveness of self-regulation of mental states in students' educational activities*] // Sibirskij psixologicheskij zhurnal [*Siberian Psychological Journal*]. № 86. Pp. 66–83.
- 24. Proxorov A.O., Chernov A.V., Kartasheva M.I. (2023). Sistema Ya v mental`noj regulyacii psixicheskix sostoyanij [*The system of Self in the mental regulation of mental states*] // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental`ny`x issledovanij [*Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research*]. №1(112). Pp.119-130.
- 25. Proxorov A.O., Yusupov M.G. (2013). Povsednevnoe transovoe sostoyanie [*Everyday trance state*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
- 26. Psixologicheskie i psixofiziologicheskie osobennosti studentov/ pod red. N.M. Pejsaxova [*Psychological and psychophysiological features of students /edited by N.M. Peysakhov*]. Kazan`: KGU, 1977.
- 27. Faxrutdinova L.R. (2009). Teoriya perezhivaniya [*Theory of experience*]. Kazan`: Publishing House of Kazan State University.
- 28. Yusupov M.G. (2020). Poznavatel`ny`e psixicheskie sostoyaniya: fenomenologiya i zakonomernosti [Cognitive mental states: phenomenology and patterns]. Kazan`: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_03

DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_03

2024, Vol. 4, No. 3, Pp.17-28.

ЭВОЛЮЦИОННОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЛАЧА

© Розов Н.С.

доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской Академии наук (ИФПР СО РАН), Новосибирский государственный технический университет (НГТУ) Новосибирск, Россия, nrozov@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2362-541X

В статье обсуждаются проблемы эволюционного происхождения, а также функциональности или нефункциональности человеческого плача и смежных феноменов (рыданий, слез, депрессивных состояний, отчаяния). Показано, что плач специфичен для нашего вида, хотя некоторые сходные явления у высших млекопитающих указывают на древнейшие ингредиенты этой поведенческой структуры в дочеловеческом прошлом. Показана ограниченность простейших объяснений плача как выражения эмоций и психологической разрядки. Проведен критический анализ концепций механизма плача, его глубинных причин, плача как «протеста против речи и культуры». Плач как общая для всех человеческих популяций поведенческая структура со своей генетической основой, появился и развивался у гоминин на определенных этапах антропогенеза. Показана роль широко обсуждаемых в теории антропогенеза совместной интенциональности, самоодомашнивания, педоморфизма. Реконструированы основные типовые ситуации и ингредиенты появления этой структуры, построена модель ее функциональности, объяснены половые различия.

Ключевые слова: плач, слезы, рыдания, депрессия, происхождение плача, антропогенез, палеопсихология, эмоциональные состояния, совместная интенциональность, самоодомашнивание

Никто больше так не плачет

Плачут ли животные? Эд Вингерхоэтс, автор одной из лучших книг о природе плача и организатор обширного проекта кросскультурных исследований в этой сфере, отвечает методологически корректно: как определим «плач», такой и будет ответ [11, с. 16]. Жалобные крики о помощи, особенно со стороны детенышей, призывающих мать, есть у множества видов. Далее под плачем будем иметь в виду непроизвольное - не регулируемое или слабо регулируемое сознательной волей - поведение с чувствами разного типа дискомфорта (телесного страдания, боли, беспомощности, горя, отчаяния), выражаемое в рыданиях, всхлипываниях, прерывистом дыхании, с блокированием или частичным нарушением речи, часто сопровождаемое слезами.

Трудно отрицать волю у некоторых домашних животных, например, у собак, которые источают слюну, глядя на лакомство, но не прикасаясь к ней, пока не дана разрешительная команда. Если бы в такой ситуации вдруг у собаки прорвалось не просто жалостное скуление, но что-то схожее с непреодолимой истерикой, то пришлось бы сделать исключение. Сами по себе слезы, будь то крокодиловы или коровьи, также не позволяют говорить о плаче у животных. Наконец, поскольку затруднительно говорить о сознании и речи у животных, плач, согласно данному определению, - уникальное достояние нашего вида. Уже Аристотель считал плач характерным только для человека, и это тот случай, когда нет смысла и резона оспаривать почтенную традицию.

«Таким образом, плач среди животных, если он вообще существует, – явление крайне редкое. Однако это не значит, что у других животных нет возможного «гомолога» поведения, выполняющего ту же функцию. В данном случае гомолог — это поведение, которое не обязательно имеет какое-либо сходство с человеческим плачем, но выполняет сходную функцию — привлекает внимание и вызывает поведение заботы» [11, с. 19].

Младенцы и малые дети до обретения речи, сознания и воли, конечно же, плачут, а нередко попросту «ревут» и «орут» (причем в первые недели — без слез). Эти реакции, возникающие обычно на расставание с матерью, на физиологический дискомфорт, на опасность, с функцией обратить на себя внимание и возвратить тех, кто позаботится, структурно близки к подобным сигналам детенышей у других видов.

«Когда дети голодны или испытывают какоенибудь страдание, они громко кричат, подобно детенышам большинства других животных, отчасти призывая родителей на помощь, а отчасти потому, что всякое большое усилие приносит облегчение» [1, с 158].

«В целом, у всех млекопитающих есть свои особые способы привлечения внимания и завоевания симпатии. Для выживания всех довольно беспомощных детенышей чрезвычайно важно иметь возможность (при их ограниченных возможностях) получить от других — особенно от родителей — пищу, кров, защиту и помощь в устранении источников боли» [11, с. 19].

Нас будет интересовать не этот «естественный», а именно прорывающийся непроизвольный плач как феномен, эволюционно появившийся вместе с тем барьером — сознательным контролем своего поведения, речи, издавания звуков, дыхания, — через который он прорывается.

Сложность проблемы эволюционного объяснения плача видна уже в том, что обычно проницательный Дарвин в данном случае ошибся. Будучи уверен, что все виды поведения и физиологические процессы, не выполняющие важных адаптивных функций, должны были исчезнуть в ходе эволюции, Дарвин посчитал плач случайным побочным следствием, польза которого

лишь в том, что слезы почему-то облегчают страдание.

«Хотя согласно этому взгляду, мы должны рассматривать плач как случайный результат, столь же бесцельный, как и выделение слез от удара, попадающего не в глаз, или как чихание от действия яркого света на сетчатку, все-таки нам не трудно будет понять, каким образом выделение слез служит облегчением страдания. И чем сильнее или истеричнее плач, тем большим будет облегчение, — опять-таки в силу того же самого принципа, по которому корчи всего тела, скрежет зубов и пронзительные крики приносят облегчение при мучительной боли» [1, с. 159].

Плач не стал столь популярной исследовательской темой, как смех, но все же появилось несколько концепций от самых абсурдных (чтобы не сказать глупых) до более или менее правдоподобных. Разумеется, в разных дисциплинах плач рассматривают и объясняют исходя из соответствующих базовых представлений и парадигм. Достаточно упомянуть такие объяснения как выход эмоциональной энергии, способ преодоления стресса, поведенческое закрепление благодаря полученной пользе, поддержание связи между человеком и объектами привязанности, укрепление социальных связей, снижение агрессии, выражение моральных чувств. Содержательные и структурированные обзоры можно найти в книгах [6, с. 3-14; 11, с. 23-28].

В человеческих культурах наблюдается общирное разнообразие правил, касающихся того, кому, в каких ситуациях, в какой форме предписывается или запрещается плакать и рыдать. Однако это не отменяет универсального распространения самого феномена плача у всех рас и народов. Инстинктивность, бессознательность, непроизвольность как безудержных рыданий, так и тихих слез, указывают на древнее происхождение плача.

Выражение эмоций? Способ разрядки?

Такие простые и первые приходящие в голову объяснения плача только отчасти могут считаться адекватными. Слишком много разных эмоций вызывают плач, кроме того, он может быть вызван болью, физиологическим дискомфортом или удручающими мыслями. Не всякий

плач и не всегда дает разрядку. Требовательный плач детей и истерический плач невротиков не столько успокаивают нервную систему, сколько приводят к еще большему напряжению, особенно при отсутствии ожидаемой реакции, а могут даже «расшатывать нервы». В разном возрасте люди плачут очень по-разному.

«Невозможно классифицировать различные типы плача, составляя длинные списки эмоциональных причин, по которым люди плачут в разном возрасте. В итоге получается набор пересекающихся чувств, образующих множество бессмысленных и нечетких категорий» [6, с. 7].

Способов выражения эмоций и получения разрядки довольно много: люди топают ногами, машут руками, ругаются, применяя обсценную лексику, могут кидаться предметами, рвать на себе волосы, биться головой об стену, «уходить в ночь холодную», напиваться, наконец, драться

с обидчиками или применять насилие к любому попавшемуся под руку.

Любые такого рода действия могут совершаться в аффекте и в разной степени подчиняться волевому контролю. Однако плач «прорывается», «возникает сам по себе» подобно зевоте, икоте, смеху, сексуальному возбуждению, оргазму. Именно эта специфика требует эволюционного объяснения, поскольку психологические, социологические и культурные интерпретация здесь недостаточны или даже нерелевантны [6, с. 10].

Механизм возникновения и динамики плача

Эд Вингерхоэтс представил разумную схему такого механизма, позволяющую развертывать и конкретизировать ее в разных направлениях (рис. 1).

Плач взрослых Факторы регуляции и сдерживания: психосоциальные (например, половозрастные, личностные) биологические (физическое состояние, гормональные уровни) ситуационные (например, социальные нормы, местоположение, присутствие других людей) Внутренняя репрезентация Эмоциональное Объективная Потеря/разлука (Пере)оценка состояние Плач ситуация [происходящего] Отвержение Личная неадекватность Критика/упреки Психобиологические Позитивная оценка Инструменмеханизмы Когнитивная Внутренняя тальная поддержка ассоциация поддержка Эмоциональная поддержка

Рис. 1. Когнитивно-эмоциональная модель, согласно которой характер и интенсивность эмоций определяются оценкой ситуации. «Наша оценка и интерпретация объективных ситуаций является ключевым фактором, определяющим наши эмоции и их выражение» [11, с. 6].

В предложенной Вингерхоэтсом схеме все главные компоненты и связи между ними, в общем, правильно обозначены. Претензия состоит лишь в отсутствии отображения специфики феномена. Действительно, подставим в схему вместо «плача» — «топанье ногами», «битье посуды» или «матерную ругань», станет ли схема от этого менее верной и убедительной?

Клинический психолог Джудит Нельсон предложила «теорию привязанности» (attachment theory), согласно которой плач вызывается любыми потерями людей, вещей, ситуаций, к которым был сильно привязан. При расширении понятия «привязанность» любое кардинальное изменение в жизни, даже в лучшую сторону (замужество, получение наследства), отменяет,

Реакции социального окружения

«забирает» что-то важное из прежней жизни, а значит также оказывается потерей, может поэтому вызвать плач и/или слезы.

Краткий перечень основных причин плача в схеме Вингерхоэтса (рис. 1) практически воспроизводит результаты рассуждений Нельсон. Сама она не пишет об эволюционном происхождении плача, ее как клинического психологапрактика больше интересует плач в раннем детстве и последующих возрастах. Нетрудно здесь увидеть общий для психоанализа тип рассуждений. Младенцы и дети младшего возраста действительно больше всего страдают от покинутости — когда их надолго оставляет взрослый опекун и кормилец (обычно мать). Затем привязанности распространяются на другие объекты, а их потеря вызывает плач — ту же детскую реакцию, по сути дела.

Теория привязанности содержательна, достаточно обоснована, допускает развитие в разные стороны. Некоторые ее компоненты будут использованы и развиты ниже. В этой теории есть явные натяжки (ведь все причины плача необходимо подвести под «потерю» и «расставание»), но они исправимы, если расширить базовые понятия. Основным недостатком теории является отсутствие эволюционного объяснения. Поскольку склонности к прорывающимся плачу и слезам явно врожденные и имеют генетическую основу, без эволюционного подхода не получить полноценного объяснения этого феномена.

А.Г. Козинцев объясняет смех и плач как «смещенную активность» — некое игровое ритуальное «антиповедение», направленное против давления, норм, ограничений культуры и речи. То, что прорвавшийся плач прерывает и блокирует речь (как и безудержный смех), является для Козинцева аргументом пользу такой освобождающей антикультурной функции.

«Как мы полагаем, смех, плач и зевота стали эффективными механизмами защиты против стресса, вызванного речью и культурой. Временно подавляя речь и «отменяя» культуру, они предотвращали неврозы и обеспечивали социальное единство путем возврата с эволюционно

нового речевого уровня общения на более древний и глубокий — бессознательный, доречевой уровень» [2, с. 164]

В данном итоговом тезисе концепции Козинцева с некоторыми пунктами нельзя не согласиться. Действительно, плач и смех:

- 1) способствуют социальному единству участников таких совместных реакций,
- 2) нередко служат эмоциональной «разрядкой», а значит, в какой-то мере снижают стресс,
- 3) прерывают и подавляют речь вследствие непроизвольной нервно-мышечной доминанты в дыхательных путях,
- 4) явно имеют древнее происхождение до времени полного развития языка, сознания, культуры.

При этом, ядро концепции — временная «отмена» речи и культуры, «протест» против них — очень слабо аргументировано, противоречит приводимым Козинцевым примерам, ведь все традиции плача и смеха органично вплетены в местные культуры.

Концепция Козинцева явно навеяна до сих пор модной среди гуманитариев концепцией «карнавала» М.М. Бахтина и идеями «антиповедения» (выхода на границы и культуры) у Ю.М. Лотмана. Все такие теории трактуют культуры с внутренней конфликтностью (что было явлено в средневековых карнавалах) и культуры модерна. Для концепций такого рода как раз характерна тема и поза «отвержения», «преодоления» культуры, романтические идеи возврата в «доклассические», даже в бессловесные времена с якобы непосредственным пониманием Бытия, якобы свободные от последующего пагубного давления со стороны норм культуры и цивилизации¹.

Тезис об «отмене» противоречит всей толще знаний о самых древних, устойчивых культурах, в том числе известных культурах охотников-собирателей. Никаких признаков «протеста» против своей речи, своих мифов, обычаев, порядков в таких культурах не замечено.

гера, радикальных «зеленых» и прочих радетелей неиспорченной «исконности».

¹ Историю идей этого типа можно проследить от Руссо и мистической ветви романтизма до Хайдег-

Несчастье и блокированное действие – исконное сочетание

О многом говорят универсальность, непроизвольность и неискоренимость плача, несмотря на его «бесполезность» (по Дарвину) и социокультурное давление против плача (особенно для мужчин, а в некоторых культурах — для близких родственников при похоронах). Плач — одна из древнейших, обретенных гомининами структур психики и поведения, генетически надежно закрепленная в подкорковых структурах мозга и гормональной системе. Значит, когда-то это была групповая, достаточно частая практика, разумеется, с исключительно сильными, скорее всего, негативными эмоциями (и сейчас «слезы счастья» — редкое явление, воспринимаемое обычно как парадоксальное).

Добавим еще две важнейшие черты получившейся (и пока что абстрактной) реконструкции: «ничего нельзя сделать, чтобы исправить ситуацию» и «польза для группы». Плач, слезы, рыдания при всем разнообразии причин и проявления практически всегда выражают беспомощность, слабость, отчаяние, явную или неявную просьбу о помощи и/или участии. Ссылаясь на Гельмута Плесснера [7], Козинцев вполне правомерно трактует эмоциональный смысл плача:

«...плачущий человек инстинктивно и бессознательно *отказывается противостоять действительности* (выделено мной – Н.Р.), которая кажется ему слишком печальной, страшной, величественной или трогательной» [2, с. 162].

Блокирование действий как необходимый фактор групповых рыданий вполне понятно. Если видно, как можно кого-то или что-то спасти, исправить, помочь, избежать угрозы, покинуть опасное место и т.п., то люди ровно это и делают, тут не до плача. Нет сомнений, что гоминины, гораздо чаще нас попадавшие в опасные для жизни ситуации, спасали друг друга, особенно берегли детей, защищались от хищников, убегали, когда чувствовали, что враг сильнее, а с какого-то времени уже тушили пожары, укрывали себя и близких от холода и даже пытались лечить больных.

Когда же они безудержно рыдали? Собственно, в таких же трагических ситуациях, которые вызывают обычно плач и слезы у нас, — когда умирают близкие, особенно родные, а среди родных – дети. Разница состоит в том, что гоминины сталкивались с такими несчастьями гораздо чаще и в гораздо более брутальной форме.

Когда антропологи, тем более авторы научно-популярных книг, пишут о наших далеких предках, они с гордостью (вполне оправданной) подчеркивают их растущие умственные способности, орудийный прогресс, координированные действия, дружную охоту и т. п. Почти не говорится о том, что гиены, шакалы, волки, леопарды утаскивали детей, свою дань собирали крокодилы, охота на крупных травоядных (от оленей, вепрей, диких коней, бизонов до носорогов и мамонтов) нередко приводила к тяжелым травмам и гибели самих охотников. Добавим сюда ядовитых змей, пауков, тарантулов, скорпионов, частые смерти от болезней, заражения крови, перегрева или переохлаждения.

Итак, плач — это изначально инстинктивный ответ на непреодолимую фрустрацию и стресс, когда любые действия по исправлению ситуации по тем или иным причинам блокированы.

Вероятно, остальные приматы, оставшиеся жить в джунглях, несколько меньше страдали от всех этих напастей, если судить по наблюдениям множества этологов за дикой жизнью современных шимпанзе и горилл. Но с гибелью и травмами родственников они точно сталкивались всегда. Почему же они не рыдают?

Роль интенциональности и самоодомашнивания

Первое объяснение состоит в том, что гоминины обрели совместную интенциональность — способность долго фокусировать коллективное внимание на объекте, переживать, передавать друг другу и тем самым усиливать общие эмоции. В трагических случаях потери близких такими чувствами были ужас и горе. Учтем, что группы жили, вероятно, большими семьями со структурой группового брака. Соответственно, все дети в группе были почти общими, а если истекал кровью и умирал взрослый одноплеменник, то для каждого и для каждой это был либо брат, отец, родной дядя, либо актуальный или прошлый сексуальный партнер.

Групповая помощь слонов, пожалуй, имеет близкие черты с совместной интенциональностью гоминин, например, когда несколько слоних пытаются вытащить слоненка из грязи. Их дружный рев при гибели детеныша также говорит о том, что самым умным и развитым млекопитающим доступны чувства совместного горевания. У гоминин и сапиенсов с их гораздо более разнообразными и сильными эмоциями такие чувства с взаимным усилением были сильнее, продолжались дольше и выражались более бурно.

Другим фактором интенсивных совместных рыданий стал целый комплекс социально-пси-хологических следствий самоодомашнивания, ведущего к замедлению взросления. Педоморфизм как уподобление взрослых особей детенышам никогда не ограничивается только морфологией. Соответственно, взрослые гоминины хотя бы отчасти сохраняли детские любопытство, игривость, готовность к совместным занятиям и дружбе, привязчивость. Другой стороной всей этой «милоты» являются характерные именно для детей ужас и отчаяние от расставания с родными, тем более при виде их трагической гибели или получении в той или иной форме известия о ней.

Когда малышей не удержать от плача, приходится рыдать самим

Сам по себе призывной плач младенцев особого объяснения не требует. Этот инстинкт у гоминин еще более древний, чем процессы самоодомашнивания. Плач, наряду с прижиманием к матери, цеплянием, сосанием и улыбкой, является одной из врожденных форм поведения, помогающих младенцу удерживать взрослых в непосредственной близости. Такова поведенческая структура, эффективно обеспечивающая управление матерью, другими взрослыми, чтобы надолго не оставляли, кормили, создавали комфорт и развлекали. Невыносимость продолжительного детского плача («ора») каждый может оценить, особенно если

«посчастливилось» час или более провести в салоне самолета с таким неуемным младенцем на соседних креслах.

В первые миллионы и сотни тысяч лет антропогенеза срок беспомощности младенцев и маленьких детей удлинялся, но это детское «оружие» не пропадало. Механизм прибавления слез к плачу до сих пор не слишком ясен. Изначально слезные железы работали для смачивания роговицы, а особенно интенсивно - при засорении глаз, чтобы соринки, песчинки, насекомые легче вымывались. Ученые правомерно связывают наполненные слезами глаза при их засорении или инфекции с беспомощным видом, взывающим к защите и поддержке [4; 5; 7]. Разумеется, маленькие дети в такой ситуации всегда плакали. Этот плач и раньше был эффективным взрослые пытались помочь. Такое долгое (сотни тысяч лет!) совмещение плача и слезоотделения с надежным положительным подкреплением привело к слиянию их в единую поведенческую $структуру^2$.

Нетривиальную и вполне здравую гипотезу предложил этолог Франц Роэс, который основывался на следующем наблюдении. Взрослые особи нескольких видов животных, оказавшись в ситуациях, которые они не могут контролировать, нередко начинают подражать беспомощности детенышей. При распространении на антропогенез соответствующая идея сформулирована так: «Люди в роли родителей в целом «запрограммированы» эволюцией к тому, чтобы помогать и защищать, когда они видят (и слышат) новорожденных. Поэтому, когда уже не младенцы нуждались в помощи, сходство их внешнего вида и поведения с новорожденными могло стать в некоторых важных точках филогенеза значимым для выживания и таким образом распространиться в человеческом роде» [9, с. 6].

С тем или иным успехом взрослые усмиряли, удерживали и отучали от плача детей постарше. Однако при несчастных случаях – тяжелых травмах или гибели близких – детей уже было не унять. Вполне естественно, что тогда к ним

дий филогенеза): новорожденные рыдают без слез, которые начинают сопровождать плач лишь через несколько недель.

² Идею такого механизма подтверждает факт неочевидный, не всем известный, но прямо соответствующий биогенетическому закону Геккеля-Мюллера (онтогенез воспроизводит последовательность ста-

присоединялись и взрослые. Достаточно частая (см. выше о тяжкой доле гоминин) и предельно эмоционально напряженная практика непроизвольных совместных рыданий закономерно закреплялась в нервных структурах. Для фиксации уже на генном уровне, разумеется, требовался отбор, скорее всего, групповой, и к этой теме мы еще вернемся.

Ничто не мешало перенимать детский плач как поведенческую структуру по обоим каналам: через имитацию детской беспомощности для привлечения внимания, поддержки (по Роэсу), а также через прямое «заражение» от неудержимого детского плача в ситуациях столкновений гоминин с несчастьями, которые не отменить и не преодолеть никакими действиями.

Когда же стал развиваться плач взрослых?

То, что плач и рыдания становятся поведенческой и психологической «доминантой» по А.А. Ухтомскому, приводят к конвульсивным движениям, прерывают дыхание, в той или иной степени блокируют, искажают речь, свидетельствует о древнейшем – доречевом – формировании этой структуры.

Хабилисы, получившие в руки рубила как летальное оружие, находились на пике борьбы со своими альфа-самцами. До крепких эмоциональных связей как следствий самоодомашнивания было еще далеко. Вряд ли хабилисы были способны в речевом плане на нечто большее, чем холофразы – одиночные протослова, узнаваемые, но без четкой фонетики; тогда еще не был перейден «языковой Рубикон» [3, с. 112-141]. Зато с этих пор обычай бурных совместных рыданий при гибели одноплеменника, особенно ребенка, вполне мог развиваться. В то время нервному, гормональному и голосовому взрыву ничего не мешало, поскольку нормативность, а с ней и волевое начало, способное управлять поведением, находились еще в самом начале эволюционного развития.

Около 1,6 млн. лет назад эректусы стали изготавливать весьма изощренные и трудоемкие орудия ашеля. Они не занимались бы этим, если бы полученный нож или наконечник тут же отобрал кто-то более сильный и нахрапистый. С

этого времени следует предполагать полную победу эгалитарных коалиций над альфа-самцами и установление базовой нормативности [3, с. 86-111]. Началось особенно впечатляющее развитие лобных долей, соответствующих волевых способностей. Протосапиенсы ок. 400-350 тыс. лет назад уже уверенно освоили огонь, умели его поддерживать, готовить на огне пищу. Соответственно, заботы росли и усиливалось волевое управление поведением. Однако более древние «подкорковые» поведенческие паттерны, такие как непроизвольный (дюшеновский) смех и плач, не исчезли. Тогда и были в основном сформированы эти поведенческие паттерны: смех и плач трудно и далеко не всегда успешно можно удерживать напряжением воли.

Групповая и индивидуальная «полезность» плача

Теперь, для завершения общей объяснительной модели, осталось ответить на дарвиновский вопрос: почему же «случайно» появившийся взрослый плач выжил и процветает по сию пору, несмотря на «бесполезность» и множественные попытки в разных культурах его искоренить, по крайней мере, у мужчин?

Как обычно, у древних и универсальных действующих поведенческих структур есть множество функций, как групповых, так и индивидуальных, которые возникали, развивались, насла-ивались друг на друга в разные эпохи антропогенеза, дописьменной и письменной истории. Укажем только на основные и самые очевидные.

Групповая функция закономерно была древнейшей: совместные рыдания при таком несчастье, когда уже сделать ничего нельзя (ребенка задушили и утащили хищники, взрослого у всех на глазах искалечили, разодрали дикие звери) делают группу еще сплоченнее. При этом растет солидарность — готовность и моральный долг помогать друг другу, защищать слабых. Скорее всего, такие коллективные рыдания становились характерным, ситуативно возобновлявшимся поведением еще в доречевой стадии (до прохождения языкового Рубикона).

Оплакивание умерших во многих современных культурах восходит к этим древнейшим корням. Чем сильнее внутригрупповая солидар-

ность, тем успешнее группа, тем более интенсивны прочие ритуалы, тем привлекательнее эти образцы для соседних групп, тем скорее данная популяция ассимилирует или вытеснит другие популяции с менее солидарными группами. Такие функции плача, как снижение стресса и укрепление солидарности, хорошо известны: «...с давних времен совместные молитвы, плач и пение в ритуальных церемониях, даже если они не приводили к желаемому результату (например, к обращению к сверхъестественным агентам для обеспечения успеха в таких начинаниях, как охота и война, исцеление больных, предотвращение зла или обеспечение плодородия), приводили к снижению тревожности отдельных людей, а также к повышению социальной сплоченности [...]. Таким образом, обычный плач взрослых может оказывать влияние как на отдельных людей, так и на общество в целом» [11, c. 29].

По принципу причинности «извне–внутрь» и подобно множеству других поведенческих структур групповые паттерны «спускались» на камерное и диалогическое (парное) взаимодействие, становились индивидуальными чертами.

Силу женских слез, пожалуй, объяснять не нужно, ведь она прямо происходит из требовательного детского плача. Не важно, в какой мере это бывают действительно «прорывающиеся» непроизвольные рыдания, а в какой — специальное приведение себя в такое страдательное и обиженное состояние, что последующие слезы и эмоции уже вполне «естественны». Здесь диапазон широк, а переходы между ступенями искренности/притворства обычно неуловимы даже для самой плачущей.

Судя по классическому эпосу, древние греки рыдали часто, со вкусом и ничуть не стыдились этого. Однако в большинстве вполне традиционных и современных культур мужские слезы, мягко говоря, не приветствуются («Что ты хнычешь, разнылся, как баба»), хотя допускаются и даже поэтизированы в особо торжественных случаях («скупая мужская слеза», «праздник со слезами на глазах»).

Известное половое различие в частоте плача [6; 11] объясняется не только разницей в современном воспитании мальчиков и девочек (как

принято считать среди приверженцев гендерного подхода). Следует учитывать также древнюю традицию репрессивного подавления слез мальчиков и юношей. Эти жестокие обычаи уходят вглубь времен — ко времени формирования сплоченных коалиций мужчин-охотников, допускавших в свои ряды только тех, кто прошел обряды инициации. Практически все эти обряды включали причинение боли, даже пытки, которые нужно было выдержать и не заплакать при этом.

Возникновение и динамика плача как взаимосвязь переменных

Чтобы добраться до специфики плача (рыданий, слез) именно как «прорывающегося» непроизвольного психофизиологического явления, воспользуемся двумя мыслительными орудиями: функциональной схемой Артура Стинчкомба [10, с. 80-100] и понятийной конструкцией, которая включает заботы, обеспечивающие их структуры, установки и их связь с эмоциями[3, с. 48-69].

На рис. 2 показана упрощенная схема происхождения плача. Гомеостатическая переменная *Н* (*Нотеоstatic*, круг с выделенным контуром) означает предметы самых значимых забот и установок, которые действительно можно ассоциировать с «привязанностью» (см. выше о теории Дж. Нельсон). Переменная является шкалой, в которой верхний полюс — максимальное благополучие, а нижний — несчастье и бедствие. Натяжки здесь необязательны, поскольку многообразие человеческих забот и установок беспредельно. Предмет каждой заботы рискует понести ущерб, разрушиться, исчезнуть, что приводит к той или иной степени стресса и может вылиться в плач.

Рассмотрим только самые главные, базовые социальные заботы, которые смело можно считать и самыми древними. Важно постоянно быть в безопасности, жить среди родных и близких, которые делятся с тобой едой, защищают и поддерживают. Важно самому делиться с ними, защищать младших и слабых, особенно своих детей, а также почти родных детей братьев и сестер.

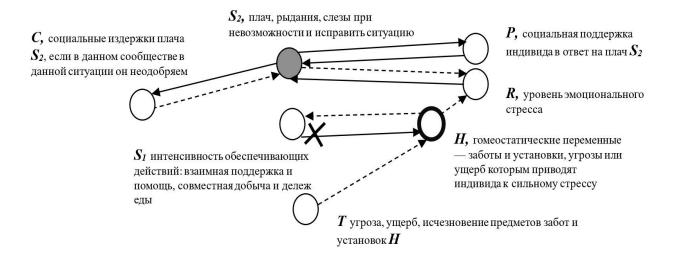

Рис. 2. Механизм возникновения, развития и регулирования плача, представленный как динамическая взаимосвязь переменных. Сплошные стрелки означают усиливающие связи, пунктирные — ослабляющие.

Соответствующие действия, практики отражены в переменной S_1 – интенсивности структур (Structure), обеспечивающих заботы и установки Н. Смерть близкого блокирует всю эту активность, направленную на восстановление благополучия, связанного с прошлой жизнью умершего и взаимодействием с ним. Рушатся заботы и установки, направленные на защиту и безопасность. В каком-то смысле весь мир меняется – в той мере, насколько большую роль в нем занимал умерший. Несчастье приводит к сильнейшему стрессу R (stRress), который вызывает плач как компенсаторную поведенческую структуру S_2 . (заштрихованный круг). Она не восстанавливает благополучие, но снижает уровень стресса, особенно когда плач общий. Известно, что нежелание плакать или подавление слез может иметь серьезные негативные последствия для здоровья [6; 11].

Парадоксальные «слезы счастья» Джудит Нельсон объясняет тем, что любое кардинальное изменение жизненной ситуации приводит к каким-то потерям, т.е. нарушению все той же «привязанности».

Схема связей позволяет объяснить такое явление проще, без искусственных натяжек. Любые серьезные угрозы заботам и установкам *H*, а также ожидания и тревоги относительно будущего успеха, выигрыша повышают уровень

стресса R. Крупное поворотное событие, хоть позитивное (прошел испытание, получил желанное наследство, все-таки вышла замуж, близкий человек выжил после операции), хоть негативное (провалил экзамен, наследство ушло другим, жених не явился на бракосочетание, близкий человек не перенес операцию) производит некое «переключение» в уже перенапряженной психике. Оно активирует поведенческую структуру плача S_2 , особенно, если она использовалась ранее и уже находилась в состоянии «наготове».

Родные и самые близкие к умершему, страдания которых явлены в плаче, могут рассчитывать на эмоциональную и иную поддержку окружения P(suPport). Здесь видим положительную обратную связь, которая объясняет совместные и взаимоусиливающие рыдания. Таков детский «протестный плач» с характерными громкими, настойчивыми и весьма раздражающими криками - попытка переломить ситуацию и восстановить утрату [6, с. 36-38]. Поскольку чаще всего взрослые приходят на помощь, данная реакция закрепляется и усиливается. Взрослая истерика имеет сходную природу, но здесь процессы могут развиваться в разные стороны, как в плане социального взаимодействия, так и в плане психического здоровья.

Как и любая другая активность, структура плача имеет издержки *С* (*Costs*). Соответственно, возникли социальные нормы, регулирующие силу и продолжительность стенаний, либо вовсе их запрещающие (обычно у юношей и мужчин). Левая часть схемы на рис. 2 отражает неизбывную конфликтность между нормами сдерживания плача (в том числе внутренними, интериоризированными) и неудержимыми рыданиями, слезами, а также между участниками взаимодействия³.

«Протестный плач часто порождает обиду и заставляет друзей и близких отступить, вместо того чтобы вызвать сострадание. Кто может испытывать сострадание, когда на него или нее нападают? Кому захочется протянуть руку помощи, когда он или она чувствует, что на него или нее давят, чтобы уступить? Протестный плач ответственен за большинство межличностных трудностей, связанных с плачем. Своим горьким, критическим, а иногда и обвинительным тоном протестный плач часто отталкивает людей. Они могут испытывать обиду на плачущего или критиковать то, что им кажется уловкой, направленной на получение внимания или контроля» [6, с. 37].

Джудит Нельсон выделяет также приглушенный «печальный плач», направленный на получение эмоциональной поддержки, на установление новых связей привязанности после утраты.

«Мы чувствуем себя опустошенными и разбитыми; холодная физическая боль проникает в каждую мышцу, кость и фибру нашего тела. Затем нас захлестывает волна горя, и мы плачем слезами другого рода. Когда мы плачем в отчаянии из-за повседневных потерь, мы признаем, что счастливый конец, воссоединение или примирение невозможны. Наши мольбы и протесты не сработали, наши усилия провалились; потери не избежать» [6, с. 38].

Такой плач сигнализирует о состоянии беспомощности. Как правило, он вызывает сочувствие и сопереживание.

Далеко не каждый громкий плач со слезами является «протестом», «приказом» или «мольбой о помощи». Многие типы поведения, бывшие изначально совместными, социальными, превращаются в индивидуальные черты. Плачут наедине без какой-либо направленности на сочувствие, участие, поддержку. Здесь взаимодействие переменных ограничивается ущербом для заботы или установки H, плачем как компенсаторной структурой S_2 при блокировании действий и уровнем стресса R.

Итак, человеческий плач имеет древние эволюционные и социальные корни, включает бессознательные механизмы с врожденными нейронными и генетическими основами. Несмотря на обширное культурное разнообразие этого феномена, а также на нередкие и весьма жесткие запреты, плач остается универсальным поведенческим паттерном для всех эпох, обществ и культур. Реконструкция эволюционных истоков этого феномена в антропогенезе позволяет связать его с другими явлениями, приблизиться к пониманию природы, функциональности, социальных и психологических механизмов плача.

Литература:

- 1. Дарвин Ч. О выражении эмоций у животных и человека. Спб: Изд-во Питер, 2001.
- 2. Козинцев А.Г. Язык реальность игра смех: Антропологические фрагменты. М.: Изд-во Языки славянских культур, 2024.
- 3. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания. Как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. Новосибирск: Изд-во Манускрипт, 2022.

не против культуры, а только против социальной группы и установленного нормативного, скорее всего, репрессивного порядка, мешающего вволю выплакаться.

³Вспомнив о концепции А.Г. Козинцева относительно «антикультурной» протестности плача, можно заметить, что любое невольное или намеренное демонстративное нарушение сдерживающих или запрещающих плач норм является протестом отнюдь

- 4. Murube, J., Murube, L., Murube, A. Origin and types of emotional tearing // European Journal of Ophthalmology. 1999.V. 9. Pp. 77-84.
- 5. Murube J. Hypotheses on the development of psychoemotional tearing // The Ocular Surface. 2009. V. 7. Pp. 171-175.
- 6. Nelson J.K. Seeing Through Tears: Crying and Attachment. New York: Routledge, 2005.
- 7. Plessner H. Laughing and Crying. Evanston: Northwestern University Press, 1970.
- 8. Provine R.R. Emotional tears and NGF: a biographical appreciation and research beginning // Archives Italiennes de Biologie. 2011. V. 149. Pp. 269-274.
- 9. Roes F.L. On the origin of crying and tears // Human Ethology Newsletter. 1989. V. 5. Pp. 5-6.
- 10. Stinchcombe A. Constructing Social Theories. The University of Chicago Press, 1987.
- 11. Vingerhoets A. Why Only Humans Weep: Unraveling the Mysteries of Tears. Oxford University Press, 2013.

THE EVOLUTIONARY ORIGIN OF CRYING

© Nikolai S. Rozov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia,

nrozov@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2362-541X

The article discusses the problems of the evolutionary origin as well as the functionality or non-functionality of human crying and related phenomena (sobbing, tears, depressive states, despair). It is shown that crying is specific to our species, although some similar phenomena in higher mammals point to the oldest components of this behavioral structure in the prehuman past. The limitations of the simplest explanations of crying as an expression of emotion and psychological release are demonstrated. The concepts of the mechanism of crying, its underlying causes, crying as a "protest against speech and culture" are critically analyzed. Crying as a behavioral structure common to all human populations, with its genetic basis, appeared and developed in hominins at certain stages of anthropogenesis. The role of joint intentionality, self-domestication and pedomorphism, widely discussed in the theory of anthropogenesis, is shown. The main typical situations and ingredients of the emergence of this structure are reconstructed, a model of its functionality is constructed, and sex differences in this aspect are explained.

Keywords: crying, tears, sobbing, depression, origin of crying, anthropogenesis, paleopsychology, emotional states, joint intentionality, self-domestication

REFERENCES

- 1. Darwin Ch. (2001). O vyrajenii emotsij u jivotnykh i cheloveka [*The expression of the emotions in man and animals*]. Saint Petersburg: Peter.
- 2. Kozintsev A.G. (2024). Yazyk real'nost' igra smekh: antropologicheskie fragmenty [*Language reality game laughter: Anthropological fragments*]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur.
- 3. Rozov N.S. (2022). Proishozhdenie jazyka i soznanija. Kak social'nye porjadki i kommu-nikativnye zaboty porozhdali rechevye i kognitivnye sposobnosti [*The Origin of Language and Consciousness. How social orders and communicative concerns gave rise to speech and cognitive abilities*]. Novosibirsk: Manuscript.

- 4. Murube J., Murube A. (1999). Origin and types of emotional tearing // European Journal of Ophthalmology. V.9. Pp.77-84.
- 5. Murube J. (2009). Hypotheses on the development of psychoemotional tearing // The Ocular Surface, V.7. Pp. 171-175.
- 6. Nelson J.K. (2005). Seeing Through Tears: Crying and Attachment. New York: Routledge.
- 7. Plessner H. (1970). Laughing and Crying. Evanston: Northwestern University Press.
- 8. Provine R.R. (2011). Emotional tears and NGF: a biographical appreciation and research beginning // Archives Italiennesde Biologie. V. 149. Pp. 269-274.
- 9. Roes F.L. (1989). On the origin of crying and tears // Human Ethology Newsletter. V.5. Pp. 5-6.
- 10. Stinchcombe A. (1987). Constructing Social Theories. The University of Chicago Press.
- 11. Vingerhoets A. (2013). Why Only Humans Weep: Unraveling the Mysteries of Tears. Oxford University Press.

DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_04

Akopov G.V., Akopyan L.S. Imaginative, symbolic and discursive representation of ideas about good and evil in children and adolescents. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.29-42. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_04

ОБРАЗНАЯ, СИМВОЛИЧЕСКАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОБРЕ И ЗЛЕ У ДЕТЕЙ И ПОДРОСТКОВ

© Акопов Г.В.

доктор психологических наук, главный научный сотрудник, Самарский государственный социально-педагогический университет, профессор кафедры общей и социальной психологии, Московский городской педагогический университет, Самарский филиал, Самара, Россия, akopovgv@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8374-1629

© Акопян Л.С.

доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет, Самара, Россия, akolubov@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2265-4470

Работа выполнена при финансовой поддержке в рамках Государственного задания Министерства просвещения РФ № 073-00029-24-04 от 23.08.2024 г.

Рассматривается специфика нравственного сознания школьников на начальном и среднем этапах обучения. Предполагается, что качественные половозрастные различия связаны с уровневой структурой образного, символического и дискурсивного модусов сознания в его проекции на отношение школьников к Добру и Злу. Комплекс методических материалов включает рисуночные пробы «Нарисуй, как ты себе представляешь Добро (Зло)», а также восемь тематических вопросов анкеты (методика Л.С. Акопян). Получены сюжетные и символические рисунки, сопоставимые в половозрастных группах по фиксированным категориям контент-анализа: человек, город, природа, животные, символы Добра и Зла; множество дискурсов (высказывания, суждения, рассуждения) в определениях школьниками Добра и Зла, доброго и злого человека, сопоставимых в половозрастных группах по эмпирически выявленным категориям: действия и поступки, личностные характеристики, эмоциональные состояния, формальные определения («реверсивные» и тавтологичные). Выявлены различия в содержании образных представлений о Добре и Зле у подростков в сравнении с младшими школьниками; более сложная гендерная динамика образов, символов и дискурсов от начального к среднему этапу обучения школьников. Определены перспективные направления дальнейших исследований.

Ключевые слова: нравственное сознание, младшие школьники, подростки, представления о Добре и Зле, образы, символы, дискурсы

Введение

На одном из переломов мировой истории, в связи с радикальным изменением общего уклада жизни, в частности, в послереволюционной России, литератор, педагог и психолог Л.С. Выготский писал: «Никогда еще моральное воспитание не могло дойти до такой решительной и

беспощадной правды, как сейчас, когда на карту поставлены и разоблачены в их истинном виде все решительно неразоблаченные моральные «ценности» [15, с. 208]. При всей отнесенности к своему времени, эти слова определяют периодичес-ки обостряющийся научный и практический интерес к проблематике морального

сознания общества в целом и отдельных социальных групп на каждом историческом «переходе» к новому мироустройству [20].

Психологическая проблематика морали, нравственности и духовности, в контексте основополагающих вопросов Добра и Зла, современными авторами отнесена к новой отрасли — «этической психологии» [19]. Масштабные исследования детского сознания, включая моральное сознание, выполненные в лаборатории Л.И. Божович [2; 12], в сопоставительном плане представляют интерес и сегодня.

В работе С.Г. Якобсон были определены этапы становления этического сознания детей: моральное поведение; моральные отношения; моральные знания, представления и суждения; моральные переживания [23]. Такая последовательность – от поведения (действия и поступки), с последующим когнитивным и дискурсивным (речевым) преломлением, к аффективной, преимущественно символической (образной) репрезентации морального сознания у детей, обоснована автором в итоге формирующих экспериментов [23]. Созданная автором педагогическая «технология» нравственного развития детей, в силу ряда причин, не вошла в арсенал системы школьного образования.

Сегодня вопрос о возрастной и гендерной специфике развития морального сознания у детей остался дифференцированным в зависимости от тех или иных теоретических позиций исследователей. В той или иной степени ответ на этот вопрос обусловлен образовательными стандартами, социальными и профессиональными установками педагогов. Очевидно, что на уровне не воплощенного в педагогической практике теоретического знания недостаточно представлена релевантная эмпирика. При этом не вполне психологически оформлена роль символической функции в ее тесной связи с нравственными представлениями и моральным поведением детей и подростков.

Обзор исследований

В последние годы проблема духовно-нравственного развития детей и молодежи приобрела особую актуальность. Различные аспекты

конкретизации этой проблемы представлены в соответствующих психологических исследованиях широкого спектра, группируемых в когнитивном, аффективном и поведенческом направлениях. Помимо многочисленных исследований в русле классических работ Ж. Пиаже, Л. Кольберга, Л.И. Божович и др., в отечественной психологии определилась линия изысканий, связанных с нравственными представлениями в категориальном пространстве Добра и Зла. В обобщенном плане эмпирических исследований, выполненных В.В. Абраменковой, автором предложен ряд понятий, принципов, критериев и средств духовно-нравственного развития детей. Духовность определяется как «такая деятельность, которая направлена на осознание личностью критериев добра и зла...» в их обусловленности личностными смыслами и нравственными переживаниями [1, с. 226].

В логике научной академичности возникают вопросы, связанные с трактовкой термина «духовность» без дифференцированного содержательного наполнения и понятийного разведения религиозной и светской духовности. В работах Б.С. Братуся, а также В.В. Знакова такой опыт (вне контекста данного исследования) имеет место.

В исследовании К.Р. Арутюнян и Ю.И. Александрова выявлена половозрастная специфика моральной оценки действий на разных возрастных этапах; определено соотношение интуитивного и рационального компонентов моральных суждений у лиц мужского и женского пола [10]. В категориальном отношении можно заключить, что вся классическая триада — знание (суждения), аффект (отношение) и действие эмпирически охвачены в данном исследовании. Однако немаловажным, по нашему мнению, является также более «заряженный» эмоциями соответствующий ряд образов, включая символику.

Методически объединив когнитивный (знания), образный (сюжетные и символические рисунки) и дискурсивный (устная или письменная речь) подходы в изучении представлений младших школьников о Добре и Зле, Л.С. Акопян выявила релевантную фактологию [7; 8]. Как оказалось, различные образы в рисунках и

высказываниях детей о Добре и Зле имеют общее основание, а именно — все они связаны с человеком, его отношениями, деятельностью и поступками в окружающем Мире. Согласно С.Л. Рубинштейну, «в центре моральных чувств — человек» [21, с. 168]. В этой логике неотъемлемой частью моральных отношений является природа, животный мир, город, экология и другие объекты, что согласуется с известным положением С.Л. Рубинштейна: «Совокупность человеческих чувств — это, по существу, совокупность отношений человека к миру и прежде всего к другим людям в живой и непосредственной форме личного переживания» [21, с.166].

В сравнительном исследовании Е.А. Антоновой посредством «рисуночных проб» («Нарисуй Добро и Зло») был выделен широкий спектр образно-символических «смысловых конструктов»: эмоции, стереотипные изображения, социальные взаимодействия, животные, природа, экология, полезная деятельность и сказочные персонажи. Различия между детьми нормы и ЗПР оказались существенными в категориях эмоций и социальных взаимодействий - по первой значительно больше детей ЗПР, а по второй их существенно меньше. Эмоциональные сюжеты «превалируют» в эмпирически выстроенной автором иерархии категорий у детей ЗПР; у детей нормы в соответствующей иерархии «превалируют» социальные взаимодействия, как в отношении Добра, так и Зла. В рисунках дошкольников категория «природа» в соотношении со Злом эмпирически не представлена [9, с.73-80]. К сожалению, в данном исследовании в общей совокупности не выделены конкретносюжетные и обобщенно-символические рисунки.

Уместно отметить, что в проявлениях нравственного сознания немаловажное значение имеет функция символического отображения моральных явлений. Это следует из органической связи символических функций с общим уровнем психического развития, что, в частности, отчетливо показано в исследовании Е.И. Лебедевой и Е.А. Сергиенко на материале развития символических функций в дошкольном возрасте. Авторы относят символическую функ-

цию к метакогнитивной способности в ее взаимосвязи с интеллектом и «моделью психического» [18]. На наш взгляд, символическая функция, как и модель психического, в субъектном и субъективном измерениях обусловлена не только когнитивным усвоением социального символизма, но и в значительной мере, аффективной составляющей интенционального сознания, формирующей основу системы отношений личности.

В исследовании Н.А. Фоминой на выборке младших школьников проводился «индивидуальный опрос о Добре и Зле под запись». Высказывания детей распределены следующим образом: Добро - «делать хорошее», «не делать плохое», «не обижать», «не драться», «помогать другому человеку» и др. Наиболее часто встречаются ответы: «помощь», «помогать». В речевых определениях Зла фигурируют: «плохие поступки», «драться», «обижать других», «ненависть», «убивать» и др. [22, с.78]. Как видим, в высказываниях детей доминирует узкий спектр стереотипных форм языкового (словесного) сознания. Подспудно существующие, дискурсивно невыразимые нравственные отношения, могут быть выявлены в иных знаково-символических формах репрезентации на уровнях сенсорного, либо аффективного или интенционального сознания [3].

Как в приведенных выше, так и в ряде других исследований [5; 11; 13; 16; 17], эмпирическое многообразие половозрастных различий в содержании и структуре нравственного сознания детей и подростков не оформлено с единых теоретических позиций.

Таким образом, можно констатировать как объектное (дошкольники, младшие школьники, подростки т.д.), так и предметное (моральнонравственные представления, репрезентируемые в формах имплицитных либо эксплицируемых знаний посредством устной или письменной речи, а также в форме образов, символов, действий и поступков) многообразие исследовательских планов и их реализацию в области нравственного сознания личности, проецируемого в эмпирику в категориях Добра и Зла. В качестве систематизирующего подхода в этом

многообразии может выступать общее положение о репрезентации как одном из модусов сознания, позволяющего определять специфику нравственного сознания в различных знаковосимволических репрезентациях (образ, символ, дискурс) в логике определенного уровня единства сознания (комплексное, интегративное, системное, синергийное) [4].

Эмпирическая гипотеза

Мы предполагаем, что развитие нравственного сознания от младшего школьного возраста до подросткового включительно может быть проявлено в качественно-количественных показателях, полученных посредством эмпирически оформленной образной, символической и дискурсивной репрезентации представлений о Добре и Зле, причем уровень нравственного развития может определяться соответствующим уровнем единства сознания.

Для подтверждения либо уточнения эмпирической гипотезы было проведено комплексное исследование в одной из школ Самары на выборках младших школьников от 8 до 10 лет и подростков от 14 до 16 лет численностью 28 и 22 человека соответственно. Пропорции мальчиков и девочек в обеих выборках составили отношение 1 к 2-м. Для определения существенных половозрастных различий использовался t критерий Стьюдента с односторонним распределением и критерием доверительной вероятности 0,05.

Методика

Проективная методика «Нарисуй Добро и Зло, как ты себе их представляешь», а также авторский опросник представлений о Добре и Зле [7].

Качественный и количественный сравнительный анализ визуальных образов Добра и Зла осуществлялся: а) в категориях: человек (люди), природа, животные, техносфера (средства передвижения, связи и т.д.), город (дома, заводы и т.д.); б) в пространственных характеристиках (расположение Добра и Зла на листе — слева, справа; вверху, внизу) и временных характеристиках (статичное, динамичное изображение); в)

по признакам слитности изображений, объединяющих Добро и Зло в одно целое или их отчетливой раздельности; г) по конкретности сюжета – общей символичности изображения.

Последовательность процедуры исследования по проективной методике состояла в следующем: участники исследования были рассажены по одному человеку во избежание заимствований, каждому участнику были предложены листы А4 в горизонтальном положении, инструкция заключалась в следующем: «Нарисуй образы добра и зла, как ты их себе представляешь». В таком же порядке осуществлялся процесс сбора данных по авторскому опроснику Л.С. Акопян. Обработка текстовой (дискурсивной) части письменных ответов по каждому из пунктов опросника Л.С. Акопян осуществлялся в категориях, избранных в актуальном времени (эмпирически) по содержанию всей совокупности высказываний детей и подростков [6].

Результаты исследования образных представлений

В таблице 1 приведены сравнительные данные по расположению рисунков с изображениями Добра и Зла на прямоугольном листе, передаваемом участникам в горизонтальном положении. Рисунков на вертикально ориентированном листе оказалось: у младших школьников – 3 (две девочки, один мальчик) из 29 детей; из 22 подростков только одна девочка на левой половине листа изобразила Зло по горизонтали, а в правой половине Добро – по вертикали. Сравнивая выборки детей и подростков в целом, можно констатировать примерно равное относительное число изображений Добра в левой части горизонтально расположенного листа и почти вдвое большим числом рисунков по вертикали у подростков (таблица 1). Различия между мальчиками и девочками существенны в обеих выборках: Добро изображено в левой части листа у мальчиков значимо чаще, чем у девочек (таблица 1). К сожалению, леворукость не фиксировалась в данном исследовании и для объяснения половых различий в пространственной локализации изображений необходимы дополнительные исследования.

Характеристики ри- сунков	Добро младшие школьники			Добро подростки			
Cylikob	мальчики	девочки	вся выборка	мальчики	девочки	вся выборка	
Левая часть рисунка	60	39	50	63	43	53	
Правая часть	30	56	43	25	43	34	
Верхняя часть	10	5	7	12	14	13	
Статичный рисунок	80	53	65	75	71	73	
Динамичный рисунок	20	47	34	25	29	27	

Таблица 1. Пространственная ориентация, статичность и динамичность изображений Добра и Зла (%)

Динамичных образов в рисунках Добра и Зла в целом по выборкам значительно меньше. Вместе с тем, статичные изображения Добра и Зла более характерны для мальчиков в выборке младших школьников, у подростков-девочек и мальчиков примерно равное число статичных изображений (таблица 1). У младших школьников имеют место значимые половые различия в статичности (более выражена у мальчиков) и в динамичности образов Добра и Зла (более выражена у девочек). Выявление факторов, детерминирующих эти различия, в частности, пубертата, определяет перспективу исследований.

Переходя к образам Добра и Зла в рисунках детей (таблица 2) и подростков (таблица 3), отметим, что в связи с малочисленностью выборки мы провели идентификацию сюжетов и подсчет по следующим категориям: человек и город (суммарно), природа и животные (суммарно), обобщенные символы.

Человек и город, природа и животные в образах Добра и Зла изображаются детьми и подростками выразительно и легко идентифицируются. Это, в частности, мальчик, поливающий дерево на зеленой лужайке либо контурная фигура с автоматом, девушка в медицинском халате либо юноша в тюремной робе и т.д.; цветы, поляны, улитки, стрекозы, разбросанный мусор,

завядшие (не политые) цветы, переполненный мусорный контейнер, дымящие трубы завода, зубастые звери и др.

Приведем характерные для обеих выборок символические обозначения Добра и Зла: светлые - темные тона, улыбающееся - угрюмое лицо, лучистое желтое солнце – солнце темное, целое и красное или розовое сердце - разорванное или черное сердце, светлое облако (иногда с глазами и улыбкой) – темная туча (с грозным лицом, с молниями и дождем), ангелы – черти в разном художественном исполнении, святые с нимбом над головой – преступники с оружием, красный цветок - пистолет (нож, боевая граната) и т.д. Символы максимально представлены у подростков (Добро -75%, Зло -82%): значительно меньше у младших школьников (Добро -40%, Зло -51%). При этом заметна тенденция превышения символизированных образов Зла в сравнении с Добром в обеих выборках. У подростков существенно меньше образных представлений в категориях «Человек и город», «Природа и животные» в сравнении с младшими школьниками (таблицы 2 и 3).

Таблица 2. Образы Добра и Зла в рисунках детей младшего школьного возраста (%)

Категории	мальчики		девочки		вся выборка	
	добро	3Л0	добро	3ло	добро	3Л0
символы	58	61	32	46	40	51
человек-город	25	38	36	37	32	38
природа-животные	17	-	32	17	27	11

Таблица 3. Образы Добра и Зла в рисунках подростков (%)

Категории	мальчики		девочки		вся выборка	
	добро	3Л0	добро	3Л0	добро	3Л0
символы	78	77	73	85	75	82
человек-город	11	12	7	8	8	9
природа-животные	11	10	20	7	17	9

Сравнивая данные по выборкам младших школьников и подростков в целом, констатируем весьма существенный рост символических образов у подростков как в изображениях Добра, так и Зла; в меньшей степени в рисунках представлены человек и природа, последняя все же сохраняет позиции по числу рисунков, в особенности у девочек (таблицы 2 и 3). В символических изображениях мальчики младшего возраста значимо превосходят девочек и в образах Добра, и в образах Зла; у подростков половые различия в символизации не существенны. Можно констатировать сохранение известных ранее серьезных половозрастных различий у школьников на разных ступенях обучения, в том числе и в представлениях о Добре и Зле.

Небольшое число рисунков выделяются по показателю слитности, либо отчетливой раздельности образов Добра и Зла. У младших школьников во всех рисунках, за исключением одного, образы отчетливо отделены. У подростков — двух девочек и трех мальчиков, рисунки выполнены в форме объединенных в целостную композицию образов Добра и Зла; это, в

частности: а) рисунок «человек-весы» – в одной руке Добро, в другой Зло; б) согнутые в локтях мускулистые руки с соединенными ладонями, слева в коричневом цвете, подпись Зло, справа – желтого цвета, Добро. Одно из объяснений можно найти в работе Н.Е. Веракса, З.В. Айрапетян и А.С. Тарасовой. Авторы считают, что в структуре детского сознания сосуществуют «диалектическое и формальное логическое мышление». Диалектическое мышление характеризуется двойственностью как по содержанию, так и по операциям, которые представляют собой «формы оперирования противоположностями» [14, с. 75-76].

Обсуждение материалов образной, символической репрезентации.

Полученные нами рисунки детей и подростков представляют богатую палитру красок, сюжетов и символов, многие из которых весьма оригинальны и тщательно прорисованы. Выявлены различия между мальчиками и девочками младшего школьного возраста по предпочтению мальчиками левой половины плоского прост-

ранства в изображениях Добра (соответственно правого для Зла). У подростков такая асимметрия незначимо сохраняется. По двум выборкам в целом, подростки и младшие школьники от 50 до 53% случаев изображают Добро в левой половине листа; правая половина значительно реже используется подростками (34%) в сравнении с младшими школьниками (43%) в связи с переходом части подростков к изображению по вертикали (13%). Подоплеку гендерной и возрастной асимметрии в репрезентациях визуализированных образов Добра и Зла предстоит исследовать в рамках историко-психологического анализа социальной нормативности в письменной графике, не исключая произведений живописи в разных культурах, а также пространственные предпочтения леворуких.

Статичность либо динамичность рисуночных сюжетов (их распределение в выборке) предположительно служат основанием предполагать определенную свободу творческого самовыражения. Статичность более выражена у младших школьников, динамичность, т.е. большая свобода в композиционном построении изображений Добра и Зла – у подростков. Мальчики младшего возраста более статичны в репрезентации образов Добра и Зла в сравнении с девочками и наоборот, мальчики-подростки более динамичны в соответствующих изображениях в сравнении с девочками. Предстоит исследовать в какой степени выявленные различия связаны с известной перестройкой скелетно-мышечной системы у подростков во взаимосвязи с новыми состояниями самосознания и взаимоотношениями со взрослыми и сверстниками.

Представления младших школьников и подростков о Добре и Зле можно рассматривать в сравнительном качественном и количественном измерениях, не ограничиваясь образными репрезентациями. При этом следует выделять как неосознаваемые или частично осознаваемые процессы репрезентации, так и вполне осознаваемые паттерны более широкого понятия «нравственное сознание», включающего помимо компонентов конкретного образно-визуального и

абстрактно-символического плана, также компоненты словесно-логического (дискурсивного) плана. В нашем случае к неосознаваемым следует отнести процессы пространственной ориентации при размещении в рисунке образов Добра и Зла, а также интенции статичного, либо динамичного оформления этих образов. К не вполне осознаваемым репрезентациям образов Добра и Зла следует отнести выбор и оформление того или иного сюжета - в данном исследовании в категориях: «Символы», «Человек и город», «Природа и животные» (в зависимости от выборки и социальной ситуации возможен и более широкий спектр категорий). К вполне осознаваемым репрезентациям представлений о Добре и Зле следует отнести устные либо письменные словесные формы и средства репрезентаций, т.е. языковое сознание. Теоретической основой такой структуры являются, в частности, обоснованные в работах В.П. Зинченко «слои» сознания: бытийный (чувственная ткань образа, биодинамическая ткань движения) и словеснорефлексивный (значения и смыслы).

Дискурсивная репрезентация Добра и Зла

Под дискурсом здесь мы понимаем высказывания, суждения, рассуждения школьников о Добре и Зле. Множество вербальных письменных определений школьниками Добра и Зла в ответах на прямые вопросы: «Что такое Добро (Зло)?» и уточняющие вопросы: «Опишите доброго (злого) человека», было объединено в следующих категориях анализа: а) определения, в которых фиксируются действия по осуществлению Добра (Зла) – Д-определения; б) определения, в которых фиксируются личностные характеристики добрых или злых людей – Л-определения; в) определения, в которых фиксируются эмоции или другие состояния сознания людей, совершающих Добро или Зло – С-определения; г) реверсивные, либо тавтологичные определения, например: «Добро, это когда не делают зло» или «Добро, это когда делают добро» – PTопределения.

Таблица 4. Категориальная структура и продуктивность дискурсивных репрезентаций Добра по всей выборке (в долях единицы)

Фиксированные категории в определениях Добра	Репрезентация Добра (в среднем на одного человека)			
	Младшие школьники	Подростки		
Действия, поступки	1,24	1,64		
Личностные характеристики	0,48	1,32		
Состояния сознания	0,07	0,73		
Реверсивные и тавтологичные определения	0,17	0,14		
Сумма	1,96	3,83		

Приведем некоторые примеры: Д-определения — помогать людям, причинять боль, делиться с другом, грубить, вредить и т.д.; Л-определения — внимательный, агрессивный, порядочный, нетерпимый, справедливый и т.д.; Сопределения — спокойствие, грусть, удовлетворенность жизнью, уныние, сопереживание и т.д.; РТ-определение — делать добро, не делать зла и т.л.

В таблицах 4 и 5 представлены численные данные по спектру выделенных категорий идентификации Добра и Зла в письменных дискурсах младших школьников и подростков. Так как участники зачастую высказывали более одного суждения, то сумма всех высказываний превышает численность выборки и поэтому расчеты осуществлены не в процентах, а в долях единицы с возможным ее превышением.

Общее количество суждений, идентифицирующих Добро по всем выделенным категориям у подростков, почти вдвое превышает сопоставимое количество у детей младшего возраста: 3,83 против 1,96 в расчете на одного человека. Это достигается существенным превышением Добра (таблица 4). Впечатляет более чем десятикратное увеличение числа суждений по категории «состояния сознания» у подростков в сравнении с младшими школьниками. Вместе с тем, формальные, т.е. несодержательные или РТ-определения характерны и для определенной части подростков — 14%, что несколько меньше, чем у младших школьников (таблица 4).

Переходя к дискурсам Зла, находим, что у подростков число суждений, идентифицирующих Зло, несколько больше, чем у младших школьников, что достигается, преимущественно, за счет Л- и С- определений (таблица 5).

В категориальном составе Добра и Зла у младших школьников по числовым показателям на первом месте со значительным отрывом находится Д-определение, затем Л-определение.

У подростков это присутствует в отношении Добра, но в определениях Зла у них с небольшим отрывом на первом месте оказываются Лопределения, причем этот показатель существенно превосходит аналогичный у младших школьников. Численные показатели состояний сознания в С-определениях Добра и Зла у подростков имеют многократный рост в сравнении с младшими школьниками (таблицы 4 и 5). Можно предположить, что телесная и психическая трансформация в подростковом периоде индуцирует серьезные изменения определенных модусов сознания, в частности, «диалектику» восприятия и оценки категории Зла и возможный переход от абсолютизации поведенческой доминанты, в силу ее большей ситуативности, к личностным факторам и ассоциированных с ними состояниям.

Отвечая на вопрос, может ли добрый человек стать злым, младшие школьники разделились примерно поровну. Ответившие положительно находят следующие условия и причины: «когда ему плохо», «если обидят», «плохое настрое-

ние», «если недоволен судьбой», «если сделает нехорошие поступки» и др. Отрицающие такую возможность объясняют: «добро навсегда», «добро в сердце», «доброта победит» и др. Отвечая на противоположный вопрос «Может ли злой человек стать добрым?», подавляющее большинство (89%) выбрало позитивный ответ: «зло не навсегда, люди меняются», «т.к. в душе он добрый, не злой», «если будет дружить с хорошими людьми», «если будет читать больше хороших книг», «если ему помочь», «если

научить добру», «если ему дарят подарки», «делают приятное», «когда начнет осознавать», «если в его жизни все хорошо» и др. Отрицающие возможность превращения злого в доброго (11%) весьма скупо и однотипно объясняют: «никогда», «не получится, так как душа его зла». Несомненно, что младшие школьники в своих ответах выражают собственный опыт переживаний, действий и поступков, мотивированных определенной внутренней позицией [7; 13].

Таблица 5. Категориальная структура и продуктивность дискурсивных репрезентаций Зла по всей выборке (в долях единицы)

Фиксированные категории в определениях Зла	Репрезентация Зла (в среднем на одного человека)				
	Младшие школьники	Подростки			
Действия, поступки	1,03	0,77			
Личностные характеристики	0,41	0,91			
Состояния сознания	0,38	0,73			
Реверсивные и тавтологичные определения	0,34	0,41			
Общая сумма	2,16	2,82			

В ответах на эти же вопросы у подростков существенно иные оценки и суждения. Подростки на вопрос о возможности доброго стать злым в большинстве отвечают положительно (68%); на вопрос может ли злой стать добрым положительно ответили 81%. В высказываниях подростков о возможности доброго человека стать злым встречаются и детские суждения: может, если его обидят, причинят боль, в силу обстоятельств и др.), а также достаточно основательные ответы: в любом человеке есть добро и зло, только проявляются они в разных делах по-разному, в жизни не все бывает гладко, если только на некоторое время, может, потому что человек не всегда может контролировать свое эмоциональное состояние, может, если жизнь играет с ним злую шутку, может, если не будет думать о Боге. Вместе с тем, в отрицании такой возможности в суждениях некоторых подростков в большей степени представлены детские

объяснения: не может, т.к. излучает тепло и позитив, в добром человеке живут добрые намерения, желания, добрый делает добрые дела и др.

Отметим многообразные обоснования возможности злому человеку стать добрым у подростков. Группируя суждения, можно выделить: внешние условия и обстоятельства - «если его спасти», «если его любить», «если будет находиться в кругу общения добрых людей», «если ему встретится добро по отношению к нему»; внутренний посыл - «захочет стать другим», «пересмотрит свои ценности и будет меняться в течение всей жизни», «если будет бояться Бога», «если будет выгодно», «если станет терпимее к другим», «будет более открытым и независтливым»; амбивалентные рассуждения - «любой человек имеет отрицательные черты характера, которые в определенных ситуациях проявляются с большей или меньшей силой», «редко..., потому что у злого много боли было», «может, но редко, трудно подняться высоко, когда упал

так низко». Подростки, отрицающие возможность злого человека стать добрым (19%), дают лапидарные обоснования: «обратного пути нет, от зла трудно избавиться, оно тебя все время испытывает на прочность», «злым быть легче», «зло — это страшный вирус, и, если он поразил человека, то от него нет избавления».

Отвечая на вопрос «Что сильнее – Добро или Зло?», все мальчики и девочки признали силу добра, однако, две девочки прокомментировали свои ответы следующим образом: «зло тоже сильнее», «добро сильнее зла может быть только в сказке». Подростки, в целом, уверенно признают силу Добра относительно Зла – 77%, 18% - их равенство; единичные ответы: у одного мальчика – «зло может и сильнее, но побеждает добро» и девочки - «зло сильнее, но может я ошибаюсь». Любопытны комментарии девочек: «добро сильнее, потому что добрых людей больше, и они всегда приходят на помощь даже злым», «добро чаще побеждает, хотя зло тоже сильно», «одинаково сильны, в мире все поровну», «добро сильнее, т.к. без добра не было бы жизни», «зло способно уничтожить все, но построить и дать жизнь – нет».

Выводы

Обращаясь к известным исследованиям в области детской, подростковой морали и нравственного сознания (Ж. Пиаже, Л.С. Выготский, Э. Эриксон, Л.И. Божович, Б.С. Братусь, Л. Колберг, С.Г. Якобсон и др.), можно заключить:

1. Теоретические конструкты «моральное сознание», «нравственное сознание» содержательно несут в себе структурные компоненты категории сознания классического периода развития психологии, а в прикладных отраслях доминируют концепции и модели языкового (словесного) сознания, либо поведенческие подходы с недооценкой всей полноты субъективной реальности. В современной психологии категория сознания рассматривается как многомерное явление, в соответствии с чем, различные модусы сознания (сенсорно-перцептивное, аффективное, когнитивное, мотивационно-волевое, коммуникативное, инстауративное, репрезентативное

- ное сознание), сохраняя классические функции сознания (произвольность, намеренность, целенаправленность и др.), рассматриваются в более широком спектре словесных и невербальных языков сознания. В соответствии с этим теоретическая гипотеза реализована на уровне комплексного единства сознания в модусах образного, символического, дискурсивного и репрезентативного сознания.
- В эмпирической части выявлена новая фактология, определены качественные и количественные показатели образных, символических, дискурсивных представлений детей и подростков о Добре и Зле. Многомерная картина нравственного сознания детей и подростков структурирована в модусах образного и символического сознания по категориям «человек», «город», «природа», «животные» в проекции на явления Добра и Зла; в модусе дискурсивного сознания - по категориям «действия и поступки», «личностные характеристики», «состояния сознания». К не вполне осознанным косвенным признакам нравственной оценки отнесены пространственные (гендерно проявлены на всей выборке) и динамические (гендерно проявлены у младших школьников) особенности образно-символических представлений. В репрезентациях Добра и Зла посредством образов подростки существенно чаще используют символы, причем символов Зла несколько чаще, чем Добра во всей выборке. В дискурсивных репрезентациях Добра по всем категориям продуктивность подростков существенно выше; в репрезентациях Зла продуктивность значимо ниже по всей выборке, возрастные различия слабо выражены.
- 3. В целом, если с позиций теоретической гипотезы в проведенном исследовании можно говорить о гендерном и возрастном развитии нравственного сознания определенного уровня, то с позиций эмпирической гипотезы, о развитии можно судить в рамках выделенных модусов нравственного сознания (в категориях Добра и Зла) по показателям образной, символической и дискурсивной составляющих.

Литература:

- 1. Абраменкова В.В. Духовно-нравственное развитие современного ребенка в России и стратегия воспитания // Мир психологии. 2015. № 1(81). С. 224-234.
- 2. Акопов Г.В. Проблема развития детского сознания в психологической системе Л.И. Божович // Культурно-историческая психология. М. Изд-во Московский государственный психолого-педагогический университет. 2019. Т.15. № 2. С. 72-78.
- 3. Акопов Г.В. Невербальные языки сознания: репрезентация субъективного отношения посредством цвета, формы и прямой оценки // Экспериментальная психология. 2020. Т.15. № 2. С. 111-124.
- 4. Акопов Г.В. Единство сознания: вариативность структурно-динамических оформлений // Актуальные проблемы психологического знания. 2023. № 3(64). С. 9-41.
- 5. Акопов Г.В., Акопян Л.С. Добро и зло в образах и дискурсах подростков // Социально-психологические проблемы просоциального поведения современного поколения детей и молодежи. Сб. материалов II Всероссийской конференции с международным участием, 28-30 сент. 2023 г. / Под научн. ред. В.В. Коврова, М.А. Латышевой. Симферополь: Ариал. 2023. С. 188-191.
- 6. Акопян Л.С. Детские страхи: теория, диагностика, коррекция: монография. Самара: ПГСГА, 2010.
- 7. Акопян Л.С. Представления младших школьников о добре и зле // Психология человека в современном мире. Проблема индивидуальности в трудах отечественных психологов: мат-лы Юбилейной всероссийской научн. конф., посвященной 120-летию С.Л. Рубинштейна (15–16 октября 2009 г.). М.: Институт психологии РАН. 2009. С. 114–116.
- 8. Акопян Л.С. Понятия добра и зла в представлениях младших школьников // Воспитание в современном культурно-образовательном пространстве. Сб. статей. Самара. 2018. Т.б. С. 13-16.
- 9. Антонова Е.А. Особенности представлений о добре и зле у дошкольников с интеллектуальной недостаточностью // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2013. № 129. С. 73-80.
- 10. Арутюнова К.Р., Александров Ю.И. Факторы пола и возраста в моральной оценке действий // Пси-хологический журнал. 2016. Т.37. № 2. С. 79-91.
- 11. Березина Т.Н. Проблема добра в современной педагогике и психологии // Современное образование. 2013. № 1. С. 126-139.
- 12. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. Москва [и др.]: Питер. 2008.
- 13. Веденеева Г.И. Формирование психической структуры нравственных понятий у детей и подростков // Наука и школа. 2012. С. 131-135.
- 14. Веракса Н.Е., Айрапетян З.В., Тарасова А.С. Диалектическое и формальное мышление в контексте понимания эмоций детьми младшего возраста // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т/16. № 3. С. 72-91.
- 15. Выготский Л.С. Моральное поведение. Природа морали с психологической точки зрения // Педагогическая психология / Под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика-Пресс. 1996. С. 205-209.
- 16. Карпова И.И. Становление понятий добра и зла у детей старшего дошкольного возраста // Педагогические науки. 2015. № 32. С. 15-18.
- 17. Комкова Е.И. Особенности представления о добре и зле у детей младшего школьного возраста // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2021. Т. 2. № 9 (80). С. 74-78
- 18. Лебедева Е.И., Сергиенко Е.А. Развитие символических функций в дошкольном возрасте: роль модели психического и интеллекта // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 5. С. 49-62.
- 19. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добро и зло в этической психологии. Москва: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019.

- 20. Психология нравственности: сборник статей / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. М.: Институт психологии РАН, 2010.
- 21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб: Издательство «Питер», 2000.
- 22. Фомина Н.А. Особенности представлений младших школьников о добре и зле // Наука и школа. 2007. № 5. С. 78.
- 23. Якобсон С.Г. Психологические проблемы этического развития детей. М. «Педагогика», 1984.

IMAGINATIVE, SYMBOLIC AND DISCURSIVE REPRESENTATION OF IDEAS ABOUT GOOD AND EVIL IN CHILDREN AND ADOLESCENTS

© Garnik V. Akopov

PhD (Psychology), Chief Researcher of the Scientific Research Center, Professor of the Department of General and Social Psychology, Samara Branch of Moscow City University, Samara, Russia, akopovgv@gmail.com; ORCID: https://orcid.org/0000-0001-8374-1629

© Liubov S. Akopian

PhD (Psychology), Associate Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russia, akolubov@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-2265-4470

The work was carried out with financial support within the framework of the State assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation
№ 073-00029-24-04 dated 08/23/2024.

The specifics of the moral consciousness of schoolchildren at the primary and secondary stages of education are considered. It is assumed that qualitative gender and age differences are associated with the level structure of the figurative, symbolic and discursive modes of consciousness in its projection on the attitude of schoolchildren to Good and Evil. The set of teaching materials includes drawing tests "Draw how you imagine Good (Evil)", as well as eight thematic questions (methodology by L.S. Akopyan). A lot of plot and symbolic drawings were obtained, comparable in gender and age groups according to fixed categories of content analysis: man, city, nature, animals, symbols of Good and Evil; a variety of discourses (statements, judgments, reasoning) in schoolchildren's definitions of Good and Evil, a good and an evil person, etc., comparable in gender and age groups according to empirically identified categories: actions and deeds, personal characteristics, emotional states, formal definitions ("reverse" and tautological). Differences were revealed in the content of figurative ideas about Good and Evil among adolescents in comparison with younger schoolchildren; more complex gender dynamics of images, symbols and discourses from primary to secondary school levels. Promising directions for further research have been identified.

Keywords: moral consciousness, primary schoolchildren, teenagers, ideas about Good and Evil, images, symbols, discourses

REFERENCES

- 1. Abramenkova V.V. (2015). Dukhovno-nravstvennoe razvitie sovremennogo rebenka v Rossii i strategiya vospitaniya [Spiritual and moral development of a modern child in Russia and the strategy of education]

 // Mir psikhologii [The world of psychology]. № 1(81). Pp. 224-234.
- 2. Akopov G.V. (2019). Problema razvitiya detskogo soznaniya v psikhologicheskoj sisteme L.I. Bozhovich [The problem of the development of child consciousness in the psychological system L.I. Bozhohiv] // Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural and historical psychology]. M. Izd-vo Moskovskij gosudarstvennyj psikhologo-pedagogicheskij universitet [Moscow State Psychological and Pedagogical University]. V. 15. № 2. Pp. 72-78.
- 3. Akopov G.V. (2020). Neverbal'nye yazyki soznaniya: reprezentatsiya sub"ektivnogo otnosheniya posredstvom tsveta, formy i pryamoj otsenki [Nonverbal languages of consciousness: representation of a subjective attitude through color, form and direct assessment] // Eksperimental'naya psikhologiya [Experimental psychology]. V. 15. № 2. Pp. 111-124.
- 4. Akopov G.V. (2023). Edinstvo soznaniya: variativnost' strukturno-dinamicheskikh oformlenij [*Unity of consciousness: variability of structural and dynamic forms*] // Aktual'nye problemy psikhologicheskogo znaniya [*Actual problems of psychological knowledge*]. № 3(64). Pp. 9-41.
- 5. Akopov G.V., Akopyan L.S. (2023). Dobro i zlo v obrazakh i diskursakh podrostkov [Good and evil in images and discourses of adolescents] // Sotsial'no-psikhologicheskie problemy prosotsial'nogo povedeniya sovremennogo pokoleniya detej i molodezhi. Sb. materialov II Vserossijskoj konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 28-30 sent. 2023 g. / Pod nauchn. red.V.V. Kovrova, M.A. Latyshevoj [Sociopsychological problems of prosocial behavior of the modern generation of children and youth. Collection of materials of the II All-Russian Conference with international participation, September 28-30, 2023 / Edited by V.V. Kovrov, M.A. Latysheva]. Simferopol': Arial. Pp. 188-191.
- 6. Akopyan L.S. (2010). Detskie strakhi: teoriya, diagnostika, korrektsiya: monografiya [*Children's fears: theory, diagnosis, correction: monograph*]. Samara: PGSGA.
- 7. Akopyan L.S. (2009). Predstavleniya mladshikh shkol'nikov o dobre i zle [Representations of younger schoolchildren about good and evil] // Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. Problema individual'nosti v trudakh otechestvennykh psikhologov: mat-ly YUbilejnoj vserossijskoj nauchn. konf., posvyashhennoj 120-letiyu S.L. Rubinshtejna (15–16 oktyabrya 2009 g.) [Human psychology in the modern world. The problem of individuality in the works of Russian psychologists: the materials of the Jubilee All-Russian Scientific Conference dedicated to the 120th anniversary of S.L. Rubinstein (October 15-16, 2009)]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Pp. 114–116.
- 8. Akopyan L.S. (2018). Ponyatiya dobra i zla v predstavleniyakh mladshikh shkol'nikov [*The concepts of good and evil in the representations of younger schoolchildren*] // Vospitanie v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve. Sb. Statej [*Education in the modern cultural and educational space. Collection of articles*]. Samara. V. 6. Pp. 13-16.
- 9. Antonova E.A. (2013). Osobennosti predstavlenij o dobre i zle u doshkol'nikov s intellektual'noj nedostatochnost'yu [Features of ideas about good and evil in preschoolers with intellectual disabilities] // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena [Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen]. № 129. Pp. 73-80.
- 10. Arutyunova K.R., Aleksandrov YU.I. (2016). Faktory pola i vozrasta v moral'noj otsenke dejstvij [Factors of gender and age in the moral assessment of actions] // Psikhologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V. 37. № 2. Pp. 79-91.
- 11. Berezina T.N. (2013). Problema dobra v sovremennoj pedagogike i psikhologii [*The problem of goodness in modern pedagogy and psychology*] // Sovremennoe obrazovanie [*Modern education*]. № 1. Pp. 126-139.

- 12. Bozhovich L.I. (2008). Lichnost' i ee formirovanie v detskom vozraste [*Personality and its formation in childhood*]. Moscow: St. Petersburg.
- 13. Vedeneeva G.I. (2012). Formirovanie psikhicheskoj struktury nravstvennykh ponyatij u detej i podrostkov [Formation of the mental structure of moral concepts in children and adolescents] // Nauka i shkola [Science and school]. Pp. 131-135.
- 14. Veraksa N.E., Ajrapetyan Z.V., Tarasova A.S. (2023). Dialekticheskoe i formal'noe myshlenie v kontekste ponimaniya ehmotsij det'mi mladshego vozrasta [*Dialectical and formal thinking in the context of understanding emotions by young children*] // Teoreticheskaya i ehksperimental'naya psikhologiya [*Theoretical and experimental psychology*]. V. 16. № 3. Pp. 72-91.
- 15. Vygotskij L.S. (1996). Moral'noe povedenie. Priroda morali s psikhologicheskoj tochki zreniya [*Moral behavior. The nature of morality from a psychological point of view*] // Pedagogicheskaya psikhologiya / Pod red. V. V. Davydova [*Pedagogical psychology / Ed. by V.V. Davydov*]. M.: Pedagogika-Press. Pp. 205-209.
- 16. Karpova I.I. (2015). Stanovlenie ponyatij dobra i zla u detej starshego doshkol'nogo vozrasta [The formation of the concepts of good and evil in older preschool children] // Pedagogicheskie nauki [Pedagogical sciences]. № 32. Pp. 15-18.
- 17. Komkova E.I. (2021). Osobennosti predstavleniya o dobre i zle u detej mladshego shkol'nogo vozrasta [Features of the idea of good and evil in children of primary school age] // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i sotsial'no-ehkonomicheskikh nauk [Actual problems of the humanities and socio-economic sciences]. V. 2. № 9(80). Pp. 74-78.
- 18. Lebedeva E.I., Sergienko E.A. (2020). Razvitie simvolicheskikh funktsij v doshkol'nom vozraste: rol' modeli psikhicheskogo i intellekta [*The development of symbolic functions in preschool age: the role of the model of mental and intelligence*] // Psikhologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. V. 41. № 5. Pp. 49-62.
- 19. Popov L.M., Golubeva O.Y., Ustin P.N. (2019). Dobro i zlo v ehticheskoj psikhologii [*Good and evil in ethical psychology*]. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences".
- 20. Psikhologiya nravstvennosti: sbornik statej / otv. red. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich [*Psychology of mo-rality: a collection of articles / ed. A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich*]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2010.
- 21. Rubinshtejn S.L. (2000). Osnovy obshhej psikhologii [Fundamentals of general psychology]. SPb: Publishing house "Peter".
- 22. Fomina N.A. (2007). Osobennosti predstavlenij mladshikh shkol'nikov o dobre i zle [*Features of junior schoolchildren's ideas about good and evil*] // Nauka i shkola [*Science and school*]. № 5. Pp. 78.
- 23. Yakobson S.G. (1984). Psikhologicheskie problemy ehticheskogo razvitiya detej [*Psychological problems of ethical development of children*]. Moscow: «Pedagogika».

Nauruzova M.A., Kornilova T.V. Empathy and the values of medical professionals in solving moral dilemmas in everyday life situations. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.43-56. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_05

ЭМПАТИЯ И ЦЕННОСТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ ПРИ РЕШЕНИИ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ В ПОВСЕДНЕВНЫХ ЖИЗНЕННЫХ СИТУАЦИЯХ

© Наурузова М.А.

магистрантка факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия, marusya_nauruzova@mail.ru

© Корнилова Т.В.

доктор психологических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой общей психологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

tvkornilova@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5065-3793

Профессиональная деятельность медицинских работников подразумевает принятие решений в условиях неопределенности, изучение которых способствует улучшению качества оказания медицинской помощи, решению проблемы социального выгорания. Однако ранее не исследовалось, есть ли какая-либо специфика в том, какие решения принимают медицинские работники в повседневных жизненных ситуациях. Гипотезой исследования выступило предположение, что эмпатия, некоторые ценностные личностные установки и трудности выбора при взаимодействии с другими людьми могут оказывать влияние на принятие решений медицинскими работниками в повседневных жизненных ситуациях. Выделение подгрупп лиц с высокой (40%) и низкой (60%) трудностью выбора (по средним оценкам в 15 ситуациях) показало, что у участников этих групп по-разному проявлялись регулятивные роли эмпатии и ценностей. Результаты бинарной логистической регрессии продемонстрировали, что для характеристик принятия решений в подгруппе участников, высоко оценивших трудность выбора, получена надёжная математическая модель, раскрывающая их взаимосвязи с предикторами: увеличение вероятности принятия альтруистических выборов на один шаг зависит от уменьшения эмпатии на 10 шагов и увеличения на 6 шагов ранга ценностной ориентации (ЦО) «Универсализм».

Ключевые слова: шкала эмпатии Джефферсона, ценностный опросник Ш. Шварца, методика вербальных задач, эмпатия, ценности, принятие решений, медицинские работники

Введение

В повседневной профессиональной деятельности медицинские работники сталкиваются с ситуациями, когда им приходится делать выбор между альтруистическими или эгоистическими установками. Ряд современных психологических исследований принятия решений (ПР) медицинскими работниками показали роль мотивации и ряда личностных свойств (Большой пятерки, готовности к риску, эмпатии и др.) в направленности предпочтений медицинскими

работниками выходов из профессиональных ситуаций неопределенности и риска [4; 9; 11; 19]. Однако недостаточно изучено, как медицинские работники справляются с «каждодневными», или житейскими решениями в ситуациях, имеющих этический подтекст и предполагающих выраженность в выборе предпочтение его эгоистической или про-социальной направленности.

В регуляции процесса принятия решений выбор альтернативы совершается в ситуации неопределенности. Неопределенность характери-

зуется тем, какая динамическая иерархия процессов актуализируется при личностном опосредствовании выбора. «Общность разных типов выбора заключается именно в том, что преодолевается (разрешается) в ситуации неопределенности, и состоявшееся решение — это реализованный уровень саморегуляции и метакогниций» [6, с. 95].

Согласно модели многоуровневой множественной динамической регуляции решений [5]

акт истинного выбора возможен, когда он, вопервых, происходит в единстве интеллекта и аффекта — при взаимосвязи между когнитивными и эмоционально-личностными компонентами, вовторых, при проявлении субъектом выбора усилий, затрачиваемых на ПР, проявляемых в психологических новообразованиях и часто сопровождаемых чувством «бремени выбора», что представлено на рисунке 1.

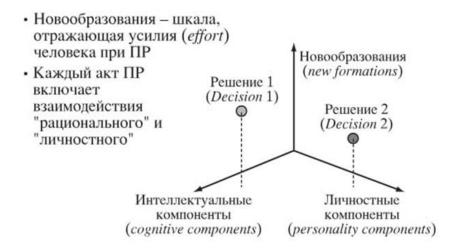

Рис. 1. Модель многоуровневой множественной динамической регуляции принятия решений.

Теоретический базис концепции многоуровневой множественной динамической регуляции решений в акте «истинного» выбора подразумевает задействование компонентов всех трех осей модели и, как следствие, даёт возможность прогнозировать исход того или иного выбора. Однако теоретически обоснованный набор доступных измерению переменных, включающий интеллектуальные и личностных компоненты наряду с переменными новообразований (effort), не может гарантировать, какие именно из них будут задействованы в становлении динамической регулятивной системы конкретных решений, на какой высоте каждой из психологических осей в определённый момент их подготовки состоится взаимодействие их комбинации, которая и определит направленность выбора.

Для ряда профессиональных решений анализ взаимодействий указанных факторов регуляции

ПР имеет особое значение; в частности, это обсуждается для медицинских работников. Показано, что врачи как профессиональная группа отличаются по их интеллектуально-личностному потенциалу; при этом «наиболее интегрированными у них оказываются такие личностные факторы как добросовестность и бдительность при ПР, а ряд этих и других свойств связаны с предпочтением выборов в вербальных задачах, моделирующих ситуации медицинских рисков [4; 9; 14]. Контекст профессиональных ситуаций у медицинских работников в процессе оказания медицинской помощи стандартен, хорошо изучен, описан, регламентирован и часто повторяем. Шкала медицинских рисков применяется для анализа личностной регуляции предпочтений выборов в профессиональных ситуациях [1]. Но нет исследований, которые бы показали, какой набор личностных переменных, свяэмпатией занных c И ценностями,

актуализируется при решении «каждодневных» (житейских, а не профессиональных) дилемм у медиков.

Целью нашего исследования стало: выявление взаимосвязи эмпатии, базовых ценностных ориентаций и переживаемой трудности принятия решений как компонентов динамической регуляции личностных выборов с про-социальной направленностью в ситуациях повседневных житейских моральных дилемм у медицинских работников.

Если оси интеллектуальной и личностной представленности решений можно связывать с актуализацией в ситуациях выбора измеряемых диспозиций, то отдельной исследовательской проблемой становится решение вопроса, каким образом измерить уровень усилий, по оси новообразований (effort) при принятии решения. Мы предложили оценивать этот аспект (третья ось в указанной на рис. 1 модели) по воспринимаемой человеком трудности выбора в моральной дилемме.

Повседневные моральные дилеммы

Для оценки принятия решений на материале моральных дилемм используются такие вербальные методики, которые включают выбор из альтернатив для разрешения конкретной ситуации. Это, в частности, опросник «Повседневные задачи принятия моральных решений» (The Everyday Moral Decision-Making Task, EMDM) Катрин Старке, повседневные моральные конфликтные ситуации (Everyday moral conflict situations) Нины Зингер, еще не применявшиеся на выборке медицинских работников. На русском языке они апробированы в модификации Ц. Оуян в рамках совместного кросс-культурного российско-китайского исследования [8]. Эти моральные дилеммы включают возможность выбора между эгоистическими и про-социальными решениями в трех видах ситуаций, где присутствуют незнакомые люди, близкие люди или социальное давление.

Не решенной проблемой остается при этом, можно ли обобщать (переносить) результаты таких «каждодневных» житейских моральных

выборов на регуляцию ПР при решении классических моральных дилемм.

М. Хаузер писал о том, что моральные дилеммы по типу мчащейся на людей вагонетки и «каждодневные» моральные выборы могут выявить основные моральные принципы человека [13]. Он объединил классические моральные дилеммы в две группы: 1) Тип «проблема вагонетки» – это гипотетическая ситуация, в которой человек должен решить, будет ли он перенаправлять вагонетку, чтобы спасти больше людей, или нет. Такие дилеммы предназначены для того, чтобы выявить основные моральные интуиции и принципы, которые люди используют при принятии сложных моральных решений. 2) «Абстрактные» моральные дилеммы – это дилеммы, которые сосредоточены на редких ситуациях и оторваны от повседневной жизни, но которые заставляют людей переосмысливать свои моральные ценности (например, «выбор Софи»).

В свою очередь «каждодневные» моральные выборы тоже разделяются на две группы: 1) Конкретные — включают в себя ситуации, с которыми люди сталкиваются ежедневно, например помочь или не помочь другим, соблюдать или не соблюдать рабочие правила, обмануть кого-либо или поступить честно. 2) Контекстные — в случаях, когда контекст ситуации и личные взаимоотношения влияют больше на принятие решения, например люди, основываются на личном прошлом опыте, эмоциях и сложившихся социальных связях, что может приводить к иррациональным решениям.

Если говорить о выборах, которые принимаются людьми в повседневной жизни («каждодневные» решения), то часто они сложны из-за личных отношений (к человеку в ситуации) и неочевидных этических подтекстов; в то же время их можно соотнести с классическими моральными дилеммами. В дилеммах по типу вагонетки люди размышляют абстрактно о своих моральных принципах, в то время как с помощью использования материала «каждодневных» моральных дилемм можно увидеть то, проявляются в моделируемых вербально ситуациях ПР эмпатия и ценности, актуализируемые при их восприятии.

Эмпатия и ценности в личностной регуляции морального выбора

Эмпатия – важный компонент социального познания, который опосредуется эмоциональными и когнитивными процессами (от классического понимания «вчувствования» до современной теории разума); она способствует пониманию эмоций других людей, сопереживанию как отклику на них, успешности в эмоциональном общении и демонстрации про-социального поведения. Эмпатия выступает не только в качестве многомерного понятия, но и понимается как результат, опосредствованный множеством эмпатийных процессов (от эмоционального заражения до когнитивного моделирования) [7]. В рамках концепции единых динамических регулятивных систем (ДРС) ее следует рассматривать не как изолированный процесс, а как результат интеграции эмоционально-личностных и интеллектуальных ее компонентов, причем как функционирующей в связях с другими ДРС.

Выраженность эмпатии у медицинских работников имеет тенденцию к снижению с увеличением стажа работы, а у студентов медвузов это происходит уже примерно на третьем году обучения [17]. Вместе с тем ее роль в профиле практикующего врача повысилась в условиях пандемии COVID-19 [18]. В целом показатели эмпатии релевантно представляют проявление эмоционально-личностной сферы врачей в принятии медицинских решений [9].

Ш. Шварц, один из основных современных исследователей личностных ценностей, считает, что действия, совершаемые в соответствии с каждым типом ценностей, имеют психологические, практические и социальные последствия, которые могут вступать в конфликт или, наоборот, быть совместимыми с другими типами ценностей. Таким образом, ценностные ориентации, как высшие регуляторы, определяющие поведение людей, возможно отнести к компонентам личностной сферы [22].

Согласно пониманию структуры сознания в рамках деятельностного подхода А.Н. Леонтьева, личностные ценности можно полагать как наиболее осознаваемые смысловые образования, когда социально заданное значение перехо-

дит в индивидуально присвоенное. Принятые в процессах социализации и становления личности «особенности реальных жизненных позиций» отражаются в понимании противоречий и «отношении к заданной проблеме», но личностными ценностями такие образования становятся, когда переходят от знаемых к отстаиваемым самим человеком [2, с. 101].

Моральный выбор неоднозначно связан с эмпатией, а разные эмпатийные процессы (эмпатийная забота, децентрация и т.д.) по-разному проявляются в моральном поведении [15]. Трудность в соотнесении эмпатии и нравственного сознания человека заключается и в том, что эмоционально-личностное отношение к себе и другому и культурно-исторически сложившиеся, «присваиваемые» ценности не прямо вытекают одно из другого, а включены в системы глубинных уровней («ткани» чувственных переживаний) и более верхних уровней (как бы они не назывались - «постконвенциональной» стадии морали, ценностных ориентаций личности и т.д.). Таким образом, остается актуальной задачей исследование регуляции морального выбора со стороны компонентов эмпатии и ценностей личности.

Метод

Основной метод исследования - квазиэксперимент, в ходе которого было проведено сравнение направленности (альтруистической либо эгоистической) «каждодневных» выборов в группах участников, которые отличались по высоте личностных переменных эмпатии и ценностных ориентаций. В исследовании приняли добровольное и анонимное участие 66 медицинских работников, из них 33 мужчины и 33 женщины. Участие было анонимным и добровольным. После выбраковки и очистки от статистических выбросов в базу данных были включены результаты опроса 58 участников исследования. Распределение участников: по возрастным группам: 40-60 лет – 18 мужчин, 17 женщин; 39-22 года – 11 мужчин, 12 женщин; по должностям: 39 врачей, 19 медсестёр. Сбор данных проводился по методу снежного кома, участники работали в государственных и частных медицинских организациях терапевтического профиля амбулаторного звена. Мужчины: ср. возраст = 40.88; SD = 12.35. Женщины: ср. возраст = 40.21; SD = 12.37.

В исследовании применялись также психодиагностические методики:

- 1. Джефферсоновский опросник эмпатии Jefferson Scale of Empathy (JSE), который включает в себя 20 утверждений с 7-бальной шкалой согласия, где 1 «Абсолютно не согласен», 7 «Абсолютно согласен». Опросник определяет общий индекс эмпатии у медицинских работников, который рассчитывается из трех шкал: «Взятие ответственности», «Сострадательная забота», «Ощущение себя в роли пациента» [16]; в русскоязычной апробации опросник повторяет эту трёхфакторную структуру [9].
- 2. Методика «Обзор ценностей» Ш. Шварца – Schwartz Value Survey (SVS-57), суммарно отражает ценности, сгруппированные в 10 ценностных ориентаций: «Власть», «Достижение», «Гедонизм», «Стимуляция», «Самостоятельность», «Универсализм», «Доброта», «Традиции», «Конформность», «Безопасность». Опросник представляет собой список (57 ценностей), состоящий из двух частей, отобранных таким образом, чтобы представлять каждый описанный тип ценностей. Первая часть содержит 30 пунктов, которые описывают потенциальные желательные способы действовать (в форме существительных); вторая часть содержит 27 пунктов, описывающих потенциально желательные способы действовать в адъективной форме. Участнику предлагается выбрать ценности по важности, как руководящие принципы в их жизни, по 9балльной шкале, где -1 - «это противоположно принципам, которым Вы следуете», а 7 - «исключительно важная в качестве руководящего принципа Вашей жизни ценность». Чтобы сделать значение каждой ценности более конкретным и ясным, в скобках возле каждого пункта приводится его более подробное описание» [12]. Характеризует уровень нормативных идеалов – представления человека о должном поведении (убеждения, установки) [21].
- 3. Опросник Ш. Шварца «Профиль личности» Portrait Values Questionnaire (PVQ-40), в

русскоязычной апробации [3] включает в себя список из 40 коротких описаний поступков человека, каждый из которых также соответствует одному из 10 типов ценностных ориентаций. Характеризует уровень индивидуальных приоритетов — проявляется конкретными поступками человека, которые связаны с обществом и обстоятельствами [20].

Измеряемыми переменными, в методиках «Обзор ценностей» – Schwartz Value Survey (SVS-57) и «Профиль личности» – Portrait Values Questionnaire (PVQ-40), выступали ранги ценностных ориентаций по их степени важности для участников исследования, как руководящие принципы в их жизни в процессе ПР.

4. Методика вербальных задач. Для определения «каждодневных» моральных выборов был использован опросник The Everyday Moral Decision-Making Task – EMDM [24] в модификации Ц. Оуян, куда вошли также ситуации из опросника «Everyday moral conflict situations» Н. Зингер [23], в русскоязычной адаптации [8]. Методика включает 15 описаний моральных дилемм, которые моделируют ситуации принятия каждодневных («житейских») выборов. Ответы участника «да» или «нет» означают альтруистическую или эгоистическую направленность сделанного им выбора в ситуации. Помимо этого, задаются вопросы о трудности принятия решения, которые показывают восприятие конфликта между альтруистическими и эгоистическими выборами, что рассматривается как мера приложения усилий для его преодоления выбором.

Опросник включает три вида ситуаций: дилеммы, связанные с незнакомцами (6 вопросов); дилеммы, связанные со знакомыми — друзья, родственники и т.д. (6 вопросов); дилеммы с групповыми взаимоотношениями (3 вопроса). Для оценки степени трудности выбора применена 7-бальная шкала Лайкерта, где 1 — «отсутствие трудности», 7 — «чрезвычайно трудно выбрать». Всего в опроснике 30 пунктов: 15 ситуаций с ответами «да/нет», 15 вопросов с балльной оценкой трудности выбора. Альфа Кронбаха для степени трудности в моральных дилемма в исследуемой выборке: α=0,78.

Результаты исследования

Для определения подгрупп с разной степенью трудности выбора (между альтернативами эгоистической и про-социальной – альтруистической направленности), рассматриваемой в качестве меры усилий для преодоления субъективной неопределённости, была выбрана медиана показателей в общей группе участников; она равнялась трем баллам соответствующей шкалы. Определение различий между двумя группами по шкалам личностных опросников проводилось с помощью U-критерия Манна-Уитни. Взаимосвязи между переменными выявлялись с использованием метода бинарной логистической регрессии, где в качестве зависимой переменной служила дихотомическая шкала «Предпочтение альтруистических выборов» (по методике моральных дилемм В каждой

подгруппе). Независимые переменные вводились в регрессионную модель пошагово, проводились операции, направленные на исключение эффектов мультиколлинеарности. Для уточнения границы отсечки предсказанных, значений были рассчитаны асимптотические (95%) доверительные интервалы с помощью моделей ROC кривых. Расчет проводился в программе SPSS 15.0 Evaluation.

По шкалам опросника Джефферсона «Сострадательная забота» и «Ощущение себя в роли пациента» в подгруппе «Низкая степень трудности выбора» выраженность эмпатии была выше, чем у участников подгруппы «Высокая степень трудности выбора (таблица 1). Это позволяет судить о том, что именно регулятивная роль эмпатии проявилась в снижении трудности выбора.

Таблица 1. Сравнительные характеристики подгрупп с высокой и низкой степенью трудности выбора по шкалам опросника Джефферсона (JSE)

Шкалы опросника	Подгруппа с высокой степенью трудности выбора		Подгруппа с низкой степенью трудности выбора		U	p
	M	SD	M	SD		
Взятие ответственности	54,00	7,48	57,00	9,07	378,50	0,70
Сострадательная забота	35,00	10,66	39,00	6,78	263,50	0,03
Ощущение себя в роли пациента	6,00	3,06	9,00	3,49	273,00	0,04
Общий индекс эмпатии	90,00	17,92	106,00	15,43	317,00	0,17

Примечание: M – медиана, SD – стандартное отклонение, U – значение критерия Манна-Уитни, p – асимптотическая двусторонняя значимость.

По опроснику ценностных ориентаций Ш. Шварца значимые различия были выявлены только по уровню нормативных идеалов. В подгруппе «Низкая степень выбора» ценностные ориентации «Самостоятельность» и «Достижение» менее важны участникам по сравнению с участниками подгруппы «Высокая степень трудности» (таблица 2). Таким образом, повышение трудности выбора можно связывать с проявлением ценностей Самостоятельности и Достиже-

ния, что включает и увеличение предполагаемых усилий по преодолению конфликтной ситуации своим решением.

Проверка гипотез о взаимодействии измеренных переменных в предпочтении выборов просоциальной (альтруистической) направленности проводилась с использованием регрессионного анализа отдельно для каждой из двух подгрупп.

Таблица 2. Сравнительные характеристики подгрупп с высокой и низкой степенью трудности выбора по шкалам опросника Ш. Шварца (SVS-57)

Шкалы опросника – показатели уровня нормативных идеалов		Подгруппа с высокой степенью трудности выбора		Подгруппа с низкой степенью трудности выбора		р
	M	SD	M	SD		
Конформность	7,75	1,24	8,25	1,36	354,5	0,444
Традиции	7,60	1,56	7,40	1,61	356	0,459
Доброта	8,60	0,88	8,60	1,20	372	0,627
Универсализм	8,25	1,25	8,00	1,17	373	0,639
Самостоятельность	8,00	1,20	8,80	0,96	258,5	0,022
Стимуляция	6,67	1,44	7,00	1,98	363,5	0,535
Гедонизм	7,67	1,32	7,67	1,72	367,5	0,577
Достижение	7,50	1,97	8,75	1,01	245	0,012
Власть	7,00	1,36	7,50	1,40	318,5	0,181
Безопасность	8,60	0,88	9,20	0,94	303	0,112
Доброта Универсализм Самостоятельность Стимуляция Гедонизм Достижение Власть	8,60 8,25 8,00 6,67 7,67 7,50 7,00	0,88 1,25 1,20 1,44 1,32 1,97 1,36	8,60 8,00 8,80 7,00 7,67 8,75 7,50	1,20 1,17 0,96 1,98 1,72 1,01 1,40	372 373 258,5 363,5 367,5 245 318,5	0 0 0 0 0

 Π римечание: М — медиана рангов важности ЦО для участников исследования, SD — стандартное отклонение, U — значение критерия Манна-Уитни, р — асимптотическая двусторонняя значимость.

Регрессионный анализ по подгруппе «Высокая степень трудности выбора»

Зависимой переменной в бинарной логистической регрессии служила дихотомическая переменная «Больше альтруистических выборов». Независимыми переменными выступили «Общий индекс эмпатии», «Степень трудности выбора» и ценностные ориентации (ЦО) по уровням нормативных идеалов и индивидуальных

приоритетов. ЦО Гедонизм, была исключена для уменьшения мультиколлинеарности. В процессе двухшагового добавления независимых переменных в математическую модель было получено наилучшее качество модели: R2 Нэйджелкерка=0,621, общий процент корректных предсказанных значений 82,6%. Получено уравнение логистической регрессии (рис. 2):

login(p) = z = 3,872 - 10,743 * Общий индекс эмпатии + 6,256 * Универсализм ИП

где, p — предсказанное значение переменной «Больше альтруистических выборов»; Общий индекс эмпатии — интегральный показатель опросника Джефферсона; Универсализм ИП — ценностная ориентация по уровню индивидуальных приоритетов.

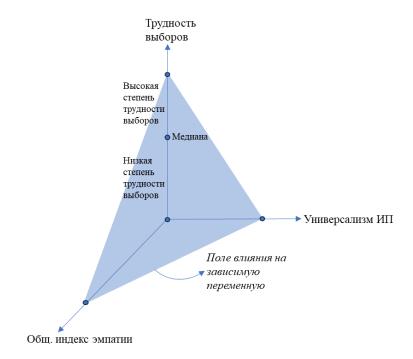

Рис. 2. Визуальная презентация влияния независимых переменных на результирующую переменную «Больше альтруистических выборов» в подгруппе участников с высокой степенью трудности выборов.

Для проверки устойчивости полученной модели был выполнен анализ ROC кривых. В результате был получен асимптотический доверительный интервал (95%): нижняя граница = 0.780; верхняя граница = 1.038, при площади под кривой 0.909, стандартной ошибке 0.66 и p=0.001.

Регрессионный анализ по подгруппе «Низкая степень трудности выбора»

Зависимой переменной в этой подгруппе аналогично выбрана дихотомическая переменная «Больше альтруистических выборов». Пул независимых переменных представлен «Общим

индексом эмпатии», «Степенью трудности выбора по всем доменам, в среднем» и ценностными ориентациями, кроме «Самостоятельность», «Стимуляция» по уровню нормативных идеалов и «Власть» по уровню индивидуальных приоритетов поведения, которые были исключены для снижения эффекта мультиколлинеарности. Наилучшее качество регрессионной модели было получено при последовательном трёх-шаговом добавлении независимых переменных: R2 Нэйджелкерка=0,488, общий процент корректных предсказанных значений 82,9%. Надежность модели оценена как неудовлетворительная. Уравнение регрессии (рис. 3):

$$logit(p) = z = -5,521 + (9,864 * Достижение НИ) - (3,911 * Доброта ИП) + (3,309 * Безопасность ИП)$$

где, *p* – предсказанное значение переменной «Больше альтруистических выборов»; *Достижение НИ* – ценностная ориентация по уровню нормативных идеалов; *Доброта ИП и Безопасность ИП* – ценностные ориентации по уровню индивидуальных приоритетов.

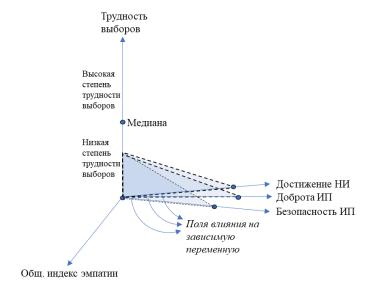

Рис. 3. Визуальная презентация влияния независимых переменных на результирующую переменную «Больше альтруистических выборов» в подгруппе участников с низкой степенью трудности выборов.

Как видно из рисунка 3, уровень приложенных усилий низкий, эмпатия не включена в предикторы выбора в этой подгруппе.

Анализ результатов

Сравнительный анализ показал, что группы участников с разной степенью трудности выбора в моральных дилеммах значимо различаются по двум шкалам медицинской эмпатии по опроснику Джефферсона, двум шкалам опросника ценностей Шварца (SVS-57) и всем четырём переменным ПР в ситуациях моральных дилемм. Сравнение данных регрессионного анализа в двух группах - с низкой и высокой оценками трудности выборов - позволило также выявить значимые различия во взаимосвязях шкал, определяющих предпочтение про-социальной направленности в решениях моральных дилемм. Эти отличия позволяют предполагать, что в процессе принятия решений актуализировались разные динамические регулятивные системы, отличающихся по высоте переменных и их связям.

Результаты регрессионного анализа позволяют принять гипотезы о взаимодействии процессов оценки трудности выбора, эмпатии и ценностных ориентаций личности в предпочтении про-социальной направленности выбора. В

подгруппе участников с «высокой степенью трудности выборов» получена надёжная модель бинарной логистической регрессии, раскрывающая причинно-следственные взаимосвязи альтруистических выборов при решении каждодневных моральных дилемм: увеличение вероятности принятия альтруистических выборов на один шаг зависит от уменьшения эмпатии на 10 шагов и увеличения на 6 шагов ранга ЦО «Универсализм» по уровню индивидуальных приоритетов.

Увеличение рангового порядка ценностной ориентации, согласно методике Шварца, свидетельствует о снижении её иерархического места, или роли, в ценностной иерархии медицинских работников. Можно предполагать, что снижение эмпатии и уменьшение роли таких целей (ЦО «Универсализм») как «понимание, терпимость, защита благополучия всех людей и природы» провоцируют необходимость приложения больших усилий для принятия про-социального выбора, в то время как при более высокой эмпатии и увеличении роли иных ЦО в иерархии ценностей в другой подгруппе участников исследования моральный выбор для них становится субъективно более легким. Таким образом, для подгруппы с «высокой степенью трудности

выборов» можно констатировать акты «истинных» выборов.

У участников подгруппы с более низкой оценкой трудности выборов аналогичная по структуре регрессионная модель продемонстрировала неудовлетворительную надёжность, с перечнем зависимых переменных только по одной оси личностных компонентов. Воспринимаемая этими участниками легкость морального выбора в повседневной ситуации свидетельствует о том, что ими решения принимались в ориентации на нормы и клише, без внутреннего усилия. Это происходило и без актуализации эмпатии, хотя в этой группе индивидуальные ее показатели в среднем выше. Таким образом, здесь можно предполагать иную регулятивную структуру влияний на результирующий выбор; в отличие от первого случая (описываемого первой моделью), у участников группы с низкой оценкой трудности выбора принятие решения в меньшей степени переживалось и обдумывалось.

Однако можно предположить два варианта оснований таких решений-клише, свидетельствующих об отсутствии субъективной неопределенности для участников: 1) включение индивидуальной автономной морали (если пользоваться терминологией Л. Колберга) на постконвенциональном уровне; 2) выбор без раздумий из-за нечувствительности к этическому контексту ситуации (не истинный акт ПР). Тот факт, что только 40% медицинских работников, принявших участие в исследовании, совершили «истинные» выборы при мысленных решениях «каждодневных» житейских дилемм, требует дальнейших исследований.

В приведенной ранее работе Р. Полинг с соавторами было продемонстрировано влияние эмпатии, ценностей и модели личности на этическую компетентность [19]. В нем также частично были использованы компоненты множественной регуляции решений (эмпатия, ценностные ориентации и черты согласно пятифакторной модели личности), но отсутствовало измерение степени трудности выбора. Как свидетельствуют результаты нашего исследования, именно оценки трудности выбора отражают, в

какой степени актуалгенез решения моральной дилеммы включает взаимодействие «интеллекта и аффекта» — когнитивной оценки ситуации и себя в ней, с одной стороны, и эмоционального отношения, с другой.

Аналогичных исследований, где использовалась бы модель множественной регуляции выборов, в качестве теоретического основания, для изучения «каждодневных» житейских выборов у медицинских работников в российских и зарубежных (англоязычных) реферативных базах данных обнаружено не было.

Ограничения

Методически пока неясно, как разделить выборы по принципу клише, проявляющие нечувствительность к этическому контексту ситуации (соответственно снижение включенности размышлений в возможность выхода из них), и выборы на основе постконвенциональной морали, проявляющей «автоматическое» включение личностных ценностей, когда этический контекст ситуации воспринимается и проявляет регуляцию со стороны нравственного сознания личности (когда нет дилеммы, как поступать). В нашем исследовании не сопоставлялись результаты принятия «каждодневных» моральных выборов с выборами медицинских работников в классических моральных дилеммах, что может стать этапом дальнейшего исследования.

Заключение

Включенность эмпатии (в шкалах ответственность, забота, способность встать на место пациента) и ценностей личности в качестве предикторов предпочтения просоциальных (альтруистических) решений медицинскими работниками в повседневных ситуациях моральных дилемм различались при разной степени переживания трудности выборов. Это свидетельствует о динамических регулятивных системах, отличающихся при разной субъективной неопределенности, актуализирующей усилия личности по ее преодолению в ситуации принятия решений.

Литература:

- 1. Богачева Н. В., Павлова Е. М., Корнилова Т.В. Когнитивная и личностная регуляция восприятия медицинских рисков практикующими врачами // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 4. С. 32-45. DOI: 10.31857/S020595920005370-3
- 2. Будинайте Г.Л., Корнилова Т.В. Личностные ценности и личностные предпочтения субъекта // Вопросы психологии. 1993. № 5. С. 99-105.
- 3. Карандашев В.Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
- 4. Каменев И.И., Корнилова Т.В., Разваляева А.Ю. Связи риска при принятии решений с мотивацией и саморегуляцией (на выборке медицинских работников) // Вопросы психологии. 2018. № 1. С. 127-137.
- 5. Корнилова Т.В. Интеллектуально-личностный потенциал человека в условиях неопределенности и риска. СПб: Нестор-История, 2016.
- 6. Корнилова Т.В. Психология неопределенности: единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т.34. №3. С.89-100. DOI: https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.553
- 7. Корнилова Т.В. Эмпатия в структурах интеллектуально-личностного потенциала: единство интеллекта и аффекта // Психологический журнал. 2022. Т.43. №3. С.57-68. DOI: 10.31857/S020595920020496-1
- 8. Корнилова Т. В., Оуян Ц., Максарова Л. Б. Латентные профили стилей принятия решений: кросскультурное сравнение российской и китайской выборок // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2023. № 3. С.32-57. DOI: 10.11621/LPJ-23-26
- 9. Крюкова Е.А., Корнилова Т.В. Эмпатия и отношение к неопределённости и риску у российских врачей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. Социология. Педагогика. 2022. Т. 12. № 3. С. 331–344. DOI: https://doi.org/10.21638/spbu16.2022.306
- 10. Нуркова В.В. Культурное развитие эмпатии-отождествления и эмпатии-моделирования // Национальный психологический журнал. 2020. № 4 (40). С. 3-17. DOI: 10.11621/npj.2020.0401
- 11. Павлова Е.М., Корнилова Т.В., Красавцева Ю.В., Богачева Н.В. Личностный профиль и регуляция принятия решений лицами медицинских специальностей: от студента до практикующего врача // Вестник РГГУ. Серия: «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №2. С. 97-115. DOI: 10.28995/2073-6398-2019-2-97-115
- 12. Панюшева Т.Д., Ефремова М.В. Анализ русскоязычной версии опросника ценностных ориентаций (SVS) Ш. Шварца методом когнитивного интервью // Социальная психология и общество. 2012. Т.З. № 3. С. 116-128.
- 13. Хаузер М.Д. Мораль и разум: как природа создавала наше универсальное чувство добра и зла. М.: Лрофа, 2008.
- Bogacheva N., Kornilova T., Pavlova E. Cognitive representations of medical risks of practicing medical doctors in Russia: Assessment and correlates // Behavioral Sciences. 2020. V. 10(6). Pp. 1-11. DOI: 10.3390/bs10010006
- 15. Decety J., Cowell J. Friends or Foes: Is Empathy Necessary for Moral Behavior? // Perspectives on Psychological Science. 2014. V. 9(5). Pp. 525-537. DOI: 10.1177/1745691614545130
- 16. Hojat M., LaNoue M. Exploration and confirmation of the latent variable structure of the Jefferson Scale of Empathy // International Journal of Medical Education. 2014. V.5. Pp.73-81. DOI: 10.5116/ijme.533f.0c41
- 17. Hojat M., DeSantis J., Shannon S. The Jefferson Scale of Empathy: a nationwide study of measurement properties, underlying components, latent variable structure, and national norms in medical students //

Advances in Health Sciences Educational. 2018. V.23(5). Pp.899-920. DOI: 10.1007/s10459-018-9839-9

- 18. Krasnov E.V., Kryukova E.A., Kotlovskiy M.Y. Empathy and personality traits of medical doctors working in the COVID-19 pandemic. // Journal of the Higher School of Economics. Psychology. 2021. V. 18(2). Pp. 245-246. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-287-296
- 19. Pohling R., Bzdok D., Eigenstetter M., Stumpf S., Strobel A. What is ethical competence? The role of empathy, personal values, and the five-factor model of personality in ethical decision-making //Journal of Business Ethics. 2016. V.137. Pp. 449-474. DOI: 10.1007/s10551-015-2569-5
- 20. Schwartz S.H. Basic human values: Theory, Measurement, and Applications. // Revue française de sociologie. 2006. V. 47. № 4. Pp. 929-968.
- 21. Schwartz S.H. Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Advances in experimental social psychology // New York: Academic Press. 1992. V. 25. № 65. Pp. 1-65.
- 22. Schwartz S. Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value systems. In The psychology of values. // Psychology Press. 2013. Pp.119-144.
- 23. Singer N., Kreuzpointner L., Sommer M., Wüst S., Kudielka B.M. Decision-making in everyday moral conflict situations: Development and validation of a new measure // PLoS One. 2019. V.14. №4. Pp. e0214747. DOI:10.1371/journal.pone.0214747
- 24. Starcke K., Polzer C., Wolf O.T., Brand M. Does stress alter everyday moral decision-making? // Psychoneuroendocrinology. 2011. V. 36. №2. Pp. 210-219. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2010.07.010

EMPATHY AND THE VALUES OF MEDICAL PROFESSIONALS IN SOLVING MORAL DILEMMAS IN EVERYDAY LIFE SITUATIONS

© Marusia A. Nauruzova

Master's student of the Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia,
marusya_nauruzova@mail.ru

© Tatiana V. Kornilova

PhD (Psychology), Professor, the Department of General Psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, tvkornilova@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5065-3793

The professional activity of medical workers implies making decisions in conditions of uncertainty, the study of which contributes to improving the quality of medical care, solving the problem of social burnout. However, it has not been previously investigated whether there is any specificity in what decisions medical professionals make in everyday life situations. The hypothesis of the study was the assumption that empathy, certain value-based personal attitudes and difficulties in choosing when interacting with other people can influence decision-making by medical professionals in everyday life situations. The identification of subgroups of people with high (40%) and low (60%) difficulty of choice (according to average estimates in 15 situations) showed that the participants of these groups had different regulatory roles of empathy and values. The results of binary logistic regression demonstrated that for the

characteristics of decision-making in a subgroup of participants who highly appreciated the difficulty of choice, a reliable mathematical model was obtained that reveals their relationship with predictors: an increase in the probability of making altruistic choices by one step depends on a decrease in empathy by 10 steps and an increase in the rank of value orientation (CO) "Universalism" by 6 steps.

Keywords: Jefferson empathy scale, value questionnaire Sh. Schwartz, methods of verbal tasks, empathy, values, decision-making, medical professionals

REFERENCES

- 1. Bogacheva N., Pavlova E., Kornilova T. (2019). Kognitivnaja I lichnostnaja reguljacija vosprijatija medicinskih riskov praktikujushhimi vrachami [Cognitive and personality regulation of medical risk perception in practicing doctors] // Psikhologicheskii zhurnal [Psychological Journal]. V.40(4). Pp.32-45.
- 2. Budinaite G.L., Kornilova T.V. (1993). Lichnostnye cennosti i lichnostnye predpochtenija sub'ekta [*Personal values and personal preferences of the subject*] // Voprosy psikhologii [*Questions of Psychology*]. № 5. Pp. 99-105.
- 3. Karandashev V.N. (2004). Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija I metodicheskoe rukovodstvo [Schwartz's methodology for the study of personality values: concept and methodological guidance]. Saint Petersburg: Rech'.
- 4. Kamenev I.I., Kornilova T.V., RazvalyaevaA.Yu. (2018). Svjazi riska pri prinjatii reshenij s motivaciej I samoreguljaciej (na vyborke medicinskih rabotnikov) [*The connection between risk, motivation and self-regulation in decision making (on a sample of medical workers)*] // Voprosy psikhologii [*Questions of Psychology*]. № 1. Pp.127-137.
- 5. Kornilova T.V. (2016). Intellektual'no-lichnostnyj potencial cheloveka v uslovijah neopredelennosti I riska [*Intellectual and personal potential of a person*]. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya.
- 6. Kornilova T.V. (2013). Psihologija neopredelennosti: edinstvo intellektual'no-lichnostnoj reguljacii reshenij I vyborov [*Psychology of ambiguity: unity of intellectual and personal regulation of decisions and choices*] // Psikhologicheskii zhurnal [*Psychological Journal*]. V.34(3). Pp. 89-100.
- 7. Kornilova T.V. (2022). Jempatija v strukturah intellektual'no-lichnostnogo potenciala: edinstvo intellekta I affekta [*Empathy in intellectual and personal potential structure: intelligence and affect unity*] // Psikhologicheskii zhurnal [*Psychological Journal*]. V.43(3). Pp.57-68.
- 8. Kornilova T., Ouyan Z., Maksarova L. (2023). Latentnye profile stilej prinjatija reshenij: kross-kul'turnoe sravnenie rossijskoj I kitajskoj vyborok [*Latent profiles of decision-making styles: cross-cultural comparison of Russian and Chinese samples*] // Vestnik moskovskogo universiteta [*Lomonosov psychology journal*]. V.46(3). Pp.32-57.
- 9. Kryukova E., Kornilova T. (2022). Jempatija I otnoshenie k neopredeljonnosti I risku u rossijskih vrachej [*Empathy and attitude to uncertainty and risk-readiness in Russian doctors*] // Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology. V.12(3). Pp. 331-344.
- 10. Nourkova V. (2020). Kul'turnoe razvitie jempatii-otozhdestvlenija I jempatii-modelirovanija [*Cultural development of Empathy-identification and Empathy-modeling*] // Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal [*National Psychological Journal*]. V.13(3). Pp. 3-17.
- 11. Pavlova E., Kornilova T., Bogacheva N., Krasavtseva Y. (2019). Lichnostnyj profil' I reguljacija prinjatija reshenij licami medicinskih special'nostej: ot studenta do praktikujushhego vracha [*Personal profile and decision-making regulation in medical specialists: from a student to a medical practitioner*] // RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series. № 2. Pp.97-115.

- 12. Panyusheva T., Efremova M. (2012). Analiz russkojazychnoj versii oprosnika cennostnyh orientacij (SVS) S. Shvarca metodom kognitivnogo interv'ju [*Analysing the Russian Version of Schwartz Value Survey through Cognitive Interviews*] // Sotsial'naya psikhologiya I obshchestvo [*Social psychology and society*]. № 2. Pp.116-128.
- 13. Hauzer M. (2008). Moral' I razum: kak priroda sozdavala nashe universal'noe chuvstvo dobra I zla [*Morality and Reason: How Nature Created Our Universal Sense of Good and Evil*]. Moscow: Drofa.
- Bogacheva N., Kornilova T., Pavlova E. (2020). Cognitive representations of medical risks of practicing medical doctors in Russia: Assessment and correlates // Behavioral Sciences. V. 10(6). Pp. 1-11. DOI: 10.3390/bs10010006
- 15. Decety J., Cowell J. (2014). Friends or Foes: Is Empathy Necessary for Moral Behavior? // Perspectives on Psychological Science. V. 9(5). Pp. 525-537. DOI: 10.1177/1745691614545130
- 16. Hojat M., LaNoue M. (2014). Exploration and confirmation of the latent variable structure of the Jefferson Scale of Empathy // International Journal of Medical Education. V.5. Pp.73-81. DOI: 10.5116/ijme.533f.0c41
- 17. Hojat M., DeSantis J., Shannon S. (2018). The Jefferson Scale of Empathy: a nationwide study of measurement properties, underlying components, latent variable structure, and national norms in medical students // Advances in Health Sciences Educational. V.23(5). Pp. 899-920. DOI: 10.1007/s10459-018-9839-9
- 18. Krasnov E.V., Kryukova E.A., Kotlovskiy M.Y. (2021). Empathy and personality traits of medical doctors working in the COVID-19 pandemic // Journal of the Higher School of Economics. Psychology. V.18(2). Pp. 245–246. DOI: 10.17323/1813-8918-2021-2-287-296
- 19. Pohling R., Bzdok D., Eigenstetter M., Stumpf S., Strobel A. (2016). What is ethical competence? The role of empathy, personal values, and the five-factor model of personality in ethical decision-making //Journal of Business Ethics. V.137. Pp. 449-474. DOI: 10.1007/s10551-015-2569-5
- 20. Schwartz S.H. (2006). Basic human values: Theory, Measurement, and Applications. // Revue française de sociologie. V. 47. № 4. Pp. 929-968.
- 21. Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. Advances in experimental social psychology // New York: Academic Press. V. 25. № 65. Pp. 1-65.
- 22. Schwartz S.H. (2013). Value priorities and behavior: Applying a theory of integrated value systems. In The psychology of values. // Psychology Press. Pp.119-144.
- 23. Singer N., Kreuzpointner L., Sommer M., Wüst S., Kudielka B.M. (2019). Decision-making in everyday moral conflict situations: Development and validation of a new measure // PLoS One. V.14. № 4. Pp. e0214747. DOI:10.1371/journal.pone.0214747
- 24. Starcke K., Polzer C., Wolf O.T., Brand M. (2011). Does stress alter everyday moral decision-making? // Psychoneuroendocrinology. V. 36. №2. Pp. 210-219. DOI: 10.1016/j.psyneuen.2010.07.010

Теория поиска значимости и методологические проблемы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп// Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2024. Т.4. №3. С.57-68. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_06

Significance-Quest Theory and methodological problems of studying the phenomenon of value-affective polarization of social groups. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.57-68. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_06

СОЦИАЛЬНАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ТЕОРИЯ ПОИСКА ЗНАЧИМОСТИ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА ЦЕННОСТНО-АФФЕКТИВНОЙ ПОЛЯРИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

©Лебелев А.Н.

доктор психологических наук, главный научный сотрудник Института психологии РАН, Москва, Россия, lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1030-9709

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 23-18-00422, https://rscf.ru/project/23-18-00422/

В статье рассматриваются методологические проблемы изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп. Утверждается, что заметного успеха в изучении ряда важных психологических феноменов можно добиться на основе принципа стохастического детерминизма, который принимается в таких науках, как биология, экономика и других и наиболее отчетливо представлен в работах психологов Д. Канемана и А. Тверски. Для изучения выбора личностью ценностной позиции в условиях групповой поляризации рассматривается теория поиска значимости А. Круглански (SQT). Данная теория рассматривает поиск значимости как «опредмечивание» специфической потребности, в основе которой лежит чувство собственного достоинства личности. Поиск значимости может приводить как к социально позитивным, так и негативным результатам развития личности, предсказать которые заранее невозможно. Теории поиска значимости и теория ценностно-аффективной поляризации позволяют объяснить не только ценностный выбор членом группы занимаемой им позиции, но и механизм трансформации ценностной поляризации в аффективную, предвзятость подтверждения, характерную для представителей поляризованного меньшинства, вторичную поляризацию меньшинства группы и др.

Ключевые слова: ценностно-аффективная поляризация социальной группы, групповая поляризация, стохастический детерминизм, теория поиска значимости, самооценка, предвзятость подтверждения, меньшинство и большинство социальной группы

Введение

Современные социально-психологические исследования феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп показывают, что процесс перехода ценностной поляризации в аффективную связан как минимум с

тремя важными психологическими явлениями. Это: 1) Ценностная природа предмета противостояния; 2) Потребность в сохранении и подтверждении личностной значимости членов подгрупп поляризованного меньшинства; 3) Взаимное стремление противодействующих

групп поляризованного меньшинства оказать психологическое воздействие на противника и приобрести преимущество в борьбе за мнения большинства группы; 4) Повышение иррациональности мышления членов противодействующих подгрупп и прежде всего - нечувствительность к противоречиям в собственных аргументах; 5) Предвзятость подтверждения и устойчивое взаимное нежелание идти на уступки [5; 7; 19; 25; 29; 30; 32]. Полученные результаты, полученные при изучении социально-психологического феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп, ставят задачу поиска причин устойчивой аффективной поляризации. Сегодня одной из теорий, наиболее точно объясняющих основные характеристики данного феномена и ответов на сформулированные выше вопросы, является, на наш взгляд, теория поиска личностной значимости А. Круглански (Significance-Quest Theory).

Проблемы методологии изучения феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп

Одна из основных задач науки — это разработка адекватной системы научных понятий и терминов. При этом понятия и термины нужны не только для улучшения взаимопонимания ученых, о котором они сами часто говорят, но и для движения научного мышления к лучшему пониманию изучаемого, о чем почему-то говорят гораздо реже. То есть задача ученого — это направить мышление к новому знанию через правильно организованные понятия и термины. И это очень важно, так как познание человеком окружающего мира оказывается наглядно действенным и наглядно образным лишь на начальных этапах. При углублении познания оно становится сугубо понятийным [18].

Вряд ли сегодня кто-то не согласиться с тем, что психология — наука скорее вербальная, чем логически строгая и математически обоснованная — слишком мало в ней того, что можно описать абстрактными формулами или легко воспроизводимыми в разных экспериментальных условиях опытами. И это не вина ученых — такова изменчивая и сложная природа психичес-

кого. Изменения происходят очень быстро, и новые явления уже не могут быть описаны старыми терминами — образовавшиеся лакуны требуют разработки соответствующего понятийного аппарата. Как показал опыт философии и методологии начала XX века, преимущество получает тот, чей язык оказывается наиболее гибким и в большей степени приспособлен для описания новых феноменов [2].

Социально-психологические феномены довольно сложно поддаются логико-математической интерпретации, иначе мы могли бы относительно легко прогнозировать поведение людей в социальных группах. Но этого не происходит. К разнообразию индивидуального мышления здесь прибавляется не менее запутанная вариативность мышления группового [15]. В этом случае мы часто сталкиваемся с высокой неопределенностью и непредсказуемостью изучаемого, что ограничивает, например, точное воспроизведение социально-психологических экспериментов или результатов массовых опросов в течение даже очень незначительного времени.

Советская психология, основанная на марксистско-ленинской философии и идеях «научного коммунизма», считала детерминизм главным принципом построения научных исследований и теорий [16] несмотря на то, что весь ХХ-й век параллельно с теориями, основанными на принципе каузального детерминизма, развивались те, которые учитывали детерминизм стохастический, когда случайность рассматривалась как причина тех или иных явлений [4; 14; 17; 21].

С момента своего возникновения психология, как и другие науки, постоянно сталкивается с понятием случайности, однако если при обработке данных оно применяется широко, особенно в рамках экспериментальной науки, то на теоретическом уровне в качестве объяснительного принципа это понятие всегда уступало дорогу понятию причинности. Лишь в последние десятилетия, в определенной степени благодаря исследованиям и разработкам в области искусственного интеллекта, многие начали задавать вопрос: а не использует ли природа случайные процессы не только для биологической эволю-

ции, но и для организации работы мозга человека, где логика причудливо, но крайне эффективно сочетается с тем, что было описано У. Джемсом термином «поток сознания»?

Наиболее отчетливо идеи стохастического детерминизма в психологии представлены в работах Д. Канемана и А. Тверски. Д. Канеман не только неоднократно заявлял в публичных выступлениях: «Мысль случайна!», но и посвятил этому ряд своих работ, в частности, вторую главу знаменитой книги: «Thinking, Fast and Slow» [4; 21].

Детерминизм в материалистической философии – основном источнике принципов и подходов советской психологии – всегда был весьма привлекательным для объяснения психологических явлений. И это понятно, ведь если случайное рассматривать детально, то, следуя логике диалектического материализма, его можно раскрыть в виде некоего «механизма», то есть описать скрытую последовательность причинноследственных связей. Однако при этом тот факт, что случайные явления бывают разными и некоторые из них определяются невероятно большой последовательностью причин и следствий обычно игнорировался.

Упрощение случайных явлений и описание их как простых механизмов, то есть в виде моделей, может быть вполне приемлемым для практики, но при этом с точки зрения фундаментальной науки оказывается совершенно неудовлетворительным. Многие физики сегодня подчеркивают, что, изучив свойства электричества и повсеместно применяя, например, закон Ома на практике, мы все еще плохо представляем его действительную природу. И здесь феномен «черных лебедей» становится одним из наиболее важных для понимания неполноты наших знаний, особенно в психологии.

Не вызывает сомнение тот факт, что сегодня появляются науки, которые без понятия случайности существовать не могут. И прежде всего — это биологические науки, построенные на признании факта эволюции и концепции естественного отбора. В генетике вообще невозможно что-либо изучать без применения понятия случайности, поскольку проследить последователь-

ность взаимодействия огромного количества элементов биологической системы, например, генов в клетках, которые перемешивались в течение десятков тысяч поколений, невозможно в принципе.

И как бы глубоко мы не проникали в суть случайного процесса, какими бы обобщенными статистическими моделями его не описывали, все равно на уровне единичных событий мы можем лишь предсказывать вероятность их появления, не объясняя почему именно они происходят. Точно так же и мозг человека, где случайность в работе огромного количества нейронов, способствующая появлению потока сознания и свободных ассоциаций заставляет нас либо формулировать парадоксы наподобие парадокса Буриданова осла, либо говорить о некоей иррациональной воле или еще хуже о мистической душе. Описать же сознание только как последовательность причин и следствий, по крайней мере на данном этапе, не представляется возможным, а любые аналогии с квантовыми процессами, которых сегодня в нейропсихологии становится все больше, пока не выдерживают критики и могут рассматриваться лишь в виде гипотез в рамках научных дискуссий.

Анализируя эти вопросы, можно вспомнить не только синергетику Г. Хакена, когда он объясняет, как мозг принимает решения (бифуркация), или М. Райхла, когда он говорит о «дефолтном состоянии» мозга во время бездействия или сна, или работы В.М. Аллахвердова, когда он разбирает феномен Буриданова осла и критикует Аристотеля, но и такие, еще более известные, как оперантное обусловливание Б. Скиннера, имплицитное научение А. Ребера или механизм опредмечивания потребностей А.Н. Леонтьева. Ведь, по А.Н. Леонтьеву, потребность опредмечивается одним из многочисленных мотивов (предметом потребности), что происходит, если буквально следовать его модели, относительно случайным образом, особенно в тех ситуациях, когда мотивы субъективно равнозначны. Например, мы сталкиваемся с этим в повседневной жизни, выбирая на полке супермаркета один товар среди многих аналогичных, но неизвестных нам торговых марок. В маркетинге это называется импульсивной покупкой. В теории деятельности А.Н. Леонтьева — опредмечиванием потребности [12].

Простые модели хорошо работают на практике и вполне пригодны для решения практических задач, например, они могут, хотя и далеко не во всех случаях, объяснить механизмы влияния психотропных лекарств на психику. Однако современный ученый вряд ли согласится с известным высказыванием В.И. Ленина о том, что критерием истины является практика, поскольку критерием научной истины являлась (со времен Г. Галилея) и является в настоящее время только сама наука и ничего другого. И очень может быть, что прав И. Кант, в соответствии с учением которого истина всегда оказывается за пределами познания.

Таки образом, если в генетике и во многих других науках нельзя обойтись без понятия случайности, то почему мы стремимся к тому, чтобы обойти это понятие в психологии, где без него также невозможно понять, описать и объяснить многие психические явления? И если моделирование и простые модели - это лишь попытка разобраться в очень сложных психических явлениях, то, может быть, каузальный детерминизм в психологии оказывается не таким уж обязательным? И как неоднократно повторяет выдающийся нейрохирург А.Н. Коновалов, мы знаем о мозге все, кроме того, как он работает. Здесь можно добавить и то, что мозг работает не только независимо от нашего сознания, но и на основе стохастических процессов.

Видеть причину в случайном — это свойство обыденного мышления, не видеть таковой причины — недостаток научного. Так в книге «Материализм и эмпириокритицизм» В.И. Ленин пишет, что марксисты безоговорочно признают объективную закономерность, причинность и необходимость, а признание объективности случайности в природе — это, по его мнению, прямой путь к идеализму и теологии. В.И. Ленин считал, и с ним нельзя не согласиться, что все процессы в природе имеют сугубо материальную основу и все в ней взаимосвязано. Однако при этом он утверждал: если что-то воспринимается нами как случайность, то мы просто не

до конца понимаем механизм тех или иных явлений и процессов. По В.И. Ленину, случайность — явление глубоко субъективное и оно есть лишь продукт человеческого незнания и невежества. В самой природе, по его мнению, случайности как таковой нет быть не может [11].

Природа так устроена, что в ней преобладают процессы, для детального описания которых очень часто мышление учёного не имеет достаточно когнитивных ресурсов. Если бы Б. Скиннер вместо того, чтобы описывать кривую результатов оперантного научения, занялся бы изучением случайного движения крысы в клетке до нажатия ею на педаль и получения подкрепления, то он потратил бы колоссальные ресурсы и все равно не достиг бы результата — слишком сложный процесс. Да и не имело бы это никакой научной ценности для понимания того, как именно происходит самообучение крысы.

Для практических выводов или, например, разработки технологии программированного обучения совсем не обязательно знать, почему крыса побежала в одну, а не в другую сторону, хотя для понимания фундаментальных принципов работы ее мозга это было бы крайне важно, полезно и даже необходимо. И поскольку сделать это невозможно, Б. Скиннер пишет, что крыса в клетке перемещается случайным образом. Можно ли обвинить Б. Скиннера в том, что он ушел от принципа детерминизма и не описал механизм движения крысы в клетке? Можно ли его за это критиковать или, например, объявить идеалистом?

Учитывая то, что мы часто не в состоянии объяснить, что происходит в психике и поведении как отдельного человека, так и социальной группы, и тем более мы не умеем здесь надежно что-либо предсказывать, то не означает ли это, что простые модели часто не работают и лишь создают иллюзию понимания сути вещей? В этом случае одна из причин как раз и состоит в том, что мы игнорируем категорию случайности, считая её ненаучной, методологические неправильной, избегая её в теориях и позволяя ей существовать лишь на бытовом уровне или в рамках математической статистики при обработке данных.

Теория поиска значимости

Публикации под рубрикой «Теория поиска значимости» начали появляться в научных изданиях в начале XX века. Автором теории является американский психолог польского происхождения А. Круглански (Significance-QuestTheory—SQT). В рамках данной теории А. Круглански с сотрудниками разработали 3N-модель радикализации, включающую основные параметры потребности, нарратива и сети (N3), которая стала применяться для изучения мотивации людей, в частности для мотивации терроризма [24].

В наиболее общем и упрощенном виде данная теория, разумеется, в нашей интерпретации, может быть описана следующими положениями: 1) Основу самосознания и поведения личности составляет чувство собственного достоинства и желание обрести социальную значимость. Поиск значимости является базовой характеристикой личности. 2) Механизм регуляции чувства собственного достоинства основан на динамике высших социальных эмоций, прежде всего - стыда и гордости, но всегда определяется самой личностью. Сформировавшиеся в этом случае психологические установки определяют направленность ее развития, которое не является целенаправленным. 3) Из теории логически следует, что сфера реализации значимости часто определяется личностью относительно случайным образом или под влиянием малозначительных факторов.

В теории поиска значимости для описания феномена выбран весьма удачный термин, который хорошо воспроизводится на разных языках (в частности, на английском и русском). А это для нас крайне важно, так как позволяет выделить специфические характеристики личности по сравнению с похожими терминами, в частности, с самооценкой, самоуважением, самоуверенностью, чувством собственного достоинства и другими [22; 24].

Можно долго спорить по поводу того, является ли действие под влиянием несущественных для достижения цели факторов случайным или к случайному действию следует отнести лишь выбор личностью чего-либо из большого числа

субъективно равнозначных альтернатив, что происходит, например, в условиях дефицита времени, но отвергать понятие случайности как методологически неверное, по нашему мнению, не следует. Во многих работах было показано, что мозг выполняет задачу случайного выбора в дефиците времени или в условиях информационной неопределенности без особых затруднений, и парадокс Буриданова осла вполне решается не только высокоразвитым мозгом приматов, но и примитивной нервной системой простейших организмов.

А. Круглански — один из тех психологов, которого признают автором большого количества разнообразных теорий. В принципе его взгляды не несут ничего нового по сравнению с тем, о чем в психологи говорилось до него. Однако огромное преимущество этой теории состоит в том, что понятийно и терминологически выделена специфика одной из наиболее важных для личности (и ее изучения) характеристик, которой придается особый смысл, и которая позволяет объяснить феномены, ранее такого объяснения не получившие.

Тот факт, что в жизни многих людей поиск значимости реализуется личностью в направлении развития системы ценностей, которую невозможно объяснить на основе физиологических, экономических и других материальных потребностей, подтверждается результатами исследований феномена ценностно-аффективной поляризации социальных групп [9; 10; 19; 30; 32]. Вопрос, который часто возникает у тех, кто впервые знакомится с моделью потребностей А. Маслоу, как правило, не согласуется с их жизненным опытом, а именно: «Почему высшие потребности его пирамиды не могут быть реализованы пока не удовлетворены низшие?». Ведь каждому из нас известны примеры, когда это не так, когда люди жертвуют безопасностью, любовью близких и даже жизнью, если это позволяет им проявить свою значимость так, как они это понимают.

Потребность в поиске значимости тесно связана с чувством собственного достоинства личности. И тот факт, что личность обладает неким механизмом саморегуляции, основанным на

этом чувстве, отмечают все, кто когда-либо в психологии занимался ее изучением. Однако есть огромное количество вопросов, на которые мы не имеем четких и однозначных ответов до сих пор. Вот только некоторые из них: 1) Как формируется этот механизм в процессе развития личности, какова здесь роль биологического, социального и собственно психологического, то есть саморазвития? В данном случае обычно говорят, что все эти факторы влияют на личность, но как именно точно сказать не может никто. 2) Почему в определённые периоды жизни человека, в частности, в период полового созревания и половой активности этот механизм играет ведущую роль, хотя и не имеет прямого отношения к деторождению, а в пожилом возрасте человеку не так важно, что о его внешности или интеллектуальных способностях думают окружающие? 3) Почему одни вещи представляют ценность для людей (они гордятся их приобретением или испытывают стыд, когда не обладают ими), а к другим они относятся равнодушно? 4) С какой целью человек старается выделиться из «серой массы» или соответствовать общепринятым стандартам, которые считает значимыми для себя, и почему мнения одних людей важны для конкретного человека, а мнение других ему безразличны? 5) Почему одни люди стремятся активно проявить себя в одних сферах, а другие - в других, и почему какое-то событие или воздействие реального или воображаемого человека оказывает влияние на личность, а другие нет?

Эта концепция безусловно не лишена критики, ведь она опровергается практикой. Иначе, например, психоанализ и другие психотерапевтические методы не получили бы такого широкого распространения в XX веке. В этом смысле 3. Фрейд не менее детерминист, чем В.И. Ленин, так как считал, что, последовательно разбирая этапы жизненного пути личности, то есть психологические механизмы ее развития, психоаналитик может добраться до первопричины невроза. Однако и у такой критики есть слабое место — это выбор личностью тех или иных действий в условиях неопределенности, то есть в субъективно равнозначных ситуациях. И здесь уже

невозможно понять, почему личность совершила поступок, который способствовал неврозу, а не другой, который бы привел к выздоровлению. При этом и сам человек не может ответить на этот вопрос, что заставляет психоаналитика руководствоваться какой-то очень простой моделью, выбирая одну из многих психоаналитических концепций.

И наконец – самый важный для нас вопрос: «Когда мы сталкиваемся с поляризацией мнений в группе, то оказывается непонятным, почему одни люди защищают одни ценности, а другие противоположные?». Ведь среди поляризованных подгрупп мы всегда находим людей и с высоким уровнем доходов, и малообеспеченных, образованных и не очень, с выдающимися способностями и весьма заурядных, религиозных и атеистов, уравновешенных и агрессивных, общительных и замкнутых и т.д. То есть мы практически никогда не можем выделить и описать набор характеристик, которые однозначно присущи и тем, кто «за» и тем, кто «против», например, тем, кто лоялен власти или не поддерживает ее, когда речь идет о поляризации политического мировоззрения. Марксистская идея о классовом сознании в этом случае не работает совсем. Политическая поляризация не имеет никаких иных различий кроме ценностных. И вы чаще всего не сможете определить, какую политическую позицию занимает тот или иной человек, пока с ним не заговорите.

Один из наиболее важных выводов, который подтверждается исследованиями последних десятилетий, состоит в том, что выбор позиции членом группы в условиях ее ценностно-аффективной поляризации определяется индивидуальными представлениями человека о тех ценностях, принятие которых делает его достойным как в глазах значимого для него окружения, так и в его собственных.

Чувство собственного достоинства как основа поиска личностной значимости

О чувстве собственного достоинства, на основе которого формируется поиск личностной значимости, и в художественной литературе, и в научной, написано так много, что пытаться

перечислить хотя быть часть публикаций и тем более проанализировать их не имеет никакого смысла. Но есть весьма примечательные моменты. Так, например, философ И. Кант считал достоинство величайшей ценностью человеческой жизни и отмечал, что оно является ценностью даже для того человека, который об этом не подозревает. Можно добавить лишь то, что в законодательстве большинство стран мира, а также в Уставе Организации Объединенных Наций и во Всеобщей декларации прав человека чувство личного достоинства объявлено одной из основополагающих ценностей, а посягательство на это чувство признается уголовным преступлением, причем в некоторых случаях - равным посягательству на собственность и даже на жизнь человека.

Среди наиболее часто упоминаемых в психологии понятий, связанных с переживанием чувства собственного достоинства, непременно оказывается понятие самооценки [13]. Одно из многочисленных определений понятия самооценки говорит о том, что этот термин характеризует субъективную оценку индивидом самого себя. Как полагает писатель Роберт Грин, самооценка не может быть социально независимой и во многом зависит от мнения, получаемого со стороны других людей. Как утверждает автор, ради того, чтобы добиться внимания окружающих, люди готовы даже на преступления и самоубийства. По его мнению, в основе почти любого человеческого поступка лежит потребность в привлечении внимая других людей [3, с.70].

Тогда неизбежно возникает вопрос: «Почему бы не воспользоваться термином самооценка личности и на ее основе рассматривать феномен ценностно-аффективной поляризации мнений в социальной группе? И здесь возникает проблема. Термин «самооценка» и в исследованиях, и в публикациях с их результатами часто применяется не только к социально-психологическим явлениям, в основе которых лежит «обращенность к другому человеку» (термин предложен А.М. Матюшкиным), но и к анализу простых индивидуальных действий человека, например, операций с предметами, не имеющих прямого отношения ни к социальному окружению, ни к

личности в целом. Например, когда начинающий рыболов забрасывает удочку, но ему не удается ничего поймать то, скорее всего, он особо не задумывается, как его могут или могли бы оценить в этой ситуации другие люди.

Таким образом термин «самооценка» в литературе не всегда точно отражает суть ориентации человека на социальную оценку. Кроме того, самооценка, независимо от того, что под этим термином понимают авторы, всегда есть оценка некоего свершившегося действия или в другом варианте – результат установки на определенные действия (самооценка как характеристика личности в целом). При употреблении термина на задний план в этом случае уходит активность, субъектность личности, не выделяется то, что можно было бы назвать желанием произвести впечатление, заявить о себе, как о важной персоне. То есть в понятии самооценки никак не отражено явление, которое можно было бы назвать (вслед за А.Н. Леонтьевым) не очень удачным термином «нецеленаправленное, во многом случайное опредмечивание личностной значимости».

Наиболее близким к самооценке является понятие самоуважения. Концепция самоуважения была представлена в работах философа Д. Юма. Он обратил внимание на то, что уважать себя и думать о себе хорошо – это очень важно для человека, так как обладает мотивирующей силой и позволяет личности наиболее полно раскрыть свой потенциал [20]. Отмечается, что самоуважение как психологический феномен формируется через взаимодействие с окружающей социальной средой и может быть высоким или низким в зависимости от получаемой человеком обратной связи и личного опыта. Понятие самоуважения в значительной степени связано с моральными нормами, а поиск личностной значимости и желание выделиться в группе часто бывают абсолютно аморальными.

В середине прошлого века, благодаря развитию и популярности гуманистической психологии, интерес к феномену самоуважения резко вырос. Так, К. Роджерс полагал, что проблемы у многих людей возникают потому, что они перестают уважать себя, считают себя бесполезными

и недостойными любви. В гуманистической психологии был выработан принцип, в соответствии с которым любой человек без каких-либо объективных оснований достоин безусловного уважения со стороны окружающих, то есть каждый человек заслуживает уважения, независимо от того, что он собой представляет [1]. Здесь следует подчеркнуть, что в теории поиска значимости этот принцип не принимается, поскольку поиск значимости может выражаться в социально вредных и опасных тенденциях, например, в том, что человек становится на путь терроризма [23; 25; 26; 27; 31]. При этом такой жизненный путь человек может выбрать не только потому, что он подвергался жесткому социальному влиянию, но и самостоятельно, когда странным образом «приходит к мысли», что терроризм как средство самовыражения вполне приемлем. В этом случае сказать заранее, что конкретный человек выберет такою систему ценностей невозможно. То есть саморазвитие личности в этом направлении нельзя считать детерминированным.

Феномен ценностно-аффективной поляризации социальной группы

В соответствии с концепцией групповой поляризации С. Московиси, социальная группа (с учетом ее размера) в условиях поляризации мнений делится на три подгруппы, где две — поляризованное меньшинство, а третья — управляемое конформное большинство [28]. Меньшинство всегда активно, практически не меняет своих взглядов, характеризуется высокой предвзятостью подтверждения и добивается цели, если действует слаженно. Наиболее эффективная тактика в противостоянии подгрупп поляризованного меньшинства — это не борьба с противоположным мнением, а борьба за мнения представителей большинства.

Современные исследования поляризации смещены от изучения когнитивных характеристик феномена в сторону изучения его аффективных составляющих и процессу перехода ценностной поляризации в стадию аффективной. Большое внимание уделяется росту иррациональности мышления поляризованного мень-

шинства и аргументов, направленных в сторону противника, а также — латентной и вторичной поляризации.

Длительный опыт исследования ценностноаффективной поляризации заставляет сделать два важных вывода. Первый состоит в том, что в рамках методологии исследования данного феномена необходимо отказаться от жесткого детерминизма и принять концепцию детерминизма стохастического, когда в качестве причины того или иного явления признается понятие случайности [6; 8]. В этом случае мы рассматриваем как нецеленаправленное явление формирование личностью собственной системы ценностей, что, по нашему мнению, вполне согласуется с субъектным подходом. И второе это тесная связь процесса формирования ценностных суждений с феноменом поиска личностной значимости, который мы также должны признать явлением недетерминированным в традиционном марксистско-ленинском смысле. В этом случае вполне пригодной для объяснительного принципа и предсказательного инструмента при изучении ценностно-аффективной поляризации социальных групп оказывается теория поиска значимости А. Круглански [24].

Заключение

Теория поиска значимости в рамках политической психологии объясняет нам не только почему оппозиционеры жертвуют свободой и добровольно идут в тюрьмы, но и почему оппозиция, в частности, в России никогда не побеждает власть. Это определяется во многом тем, что направленность поиска значимости у представляющих или просто поддерживающих власть и оппозиции различна. Лояльные власти демонстрируют единство взглядов, подчинение руководству и признание его авторитета, что создает условия, при которых поляризованное лояльное власти меньшинство и примыкающее к нему большинство оказываются политически более эффективными. У представителей оппозиции личностная значимость проявляется в виде самовыражения, самореализации и привлечения внимания к своей персоне, идеям и принципам, что создает условия для разногласий и борьбы за приоритеты и лидерство. В политике такая стратегия крайне неэффективна и всегда обречена на провал.

Литература:

- 1. Анисимова О.М., Трошихина Е.Г. Самоуважение и развитие личности // Вестник Санкт-Петер-бургского университета. Социология. 2008. Вып. 4. С. 65–74.
- 2. Витгенштейн Л. Заметки по философии психологии / Пер. с нем. С.Д. Латушкина под ред. В.В. Анашвили. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- 3. Грин Р. Законы человеческой природы. М.: Альпина Паблишер, 2021.
- 4. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2023.
- 5. Лебедев А.Н. Аффект неопределенности и ценностно-аффективная поляризация больших социальных групп // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2023. Т.З. №1. С.3-17. DOI:10.38098/proceedigs_2023_03_01_02
- 6. Лебедев А.Н. Групповая поляризация мнений в условиях неопределенности морального выбора // Экспериментальная психология. 2022. Т.15. №2. С.159-171. doi:10.17759/ exppsy.2022150212
- 7. Лебедев А.Н. К теории ценностно-аффективной поляризации социальных групп // Ученые записки Института психологии РАН. 2022. Т.2. № 1. С. 2-19.
- 8. Лебедев А.Н. Логико-стохастические задачи в нейромаркетинге // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 94-114.
- 9. Лебедев А.Н. Феномен ценностно-аффективной поляризации российского общества // Ученые записки Института психологии РАН. 2021. Т.1. № 2. С. 3-17.
- 10. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Феномен групповой поляризации в политологии и политической психологии США и Европы // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Т.6. №4(24). С.123-150.DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_24_4_06
- 11. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм. Полное собрание сочинений. Издание 5. Т.18. М.: Издательство политической литературы, 1968.
- 12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977.
- 13. Молчанова О.Н. Психология самооценки: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2023.
- 14. Пригожин И. Конец определенности. Ижевск : Регулярная и хаотическая динамика, 2001.
- 15. Прохоров А.О. Психология неравновесных состояний. М.: ИП РАН, 1998.
- 16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. СПб.: Питер, 2000.
- 17. Хакен Г. Тайны восприятия. Синергетика как ключ к мозгу. Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2002.
- 18. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа Культурной Политики, 1997.
- 19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. Affective polarization, local contexts and public opinion in America // Nature Human Behaviour. 2021. V. 5. Pp. 28-38.
- 20. Hume D. An Enquiry concerning the Principles of Morals, edited by Tom L. Beauchamp, Oxford: Clarendon Press, 1998.
- 21. Kahneman D. Thinking, fast and slow. NY.: Farrar, Straus and Giroux, 2011.
- 22. Kruglanski A.W. The motivated mind. London, UK: Psychology Press, 2019.
- 23. Kruglanski A.W., Belanger J.J., Gunaratna R. The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. New York: Oxford University Press, 2019.

- 24. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. Significance-Quest Theory // Perspectives on Psychological Science. 2022. №17(4). Pp.1050-1071. https://doi.org/10.1177/1745691621103482519.
- 25. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C. The psychology of extremism. London: Routledge, 2021.
- 26. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C., Vallerand R.J., Pierro A. On the psychology of extremism: How motivational imbalance breeds intemperance // Psychological Review. 2021. V.128(2). Pp. 264.
- 27. Kruglanski A.W., Webber D., Koehler D. Radicals' journey: German Neo-Nazis' voyage to the edge and back. New York: Oxford University Press, 2019.
- 28. Moscovici S., Zavalloni M. The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. 1969. V.12. № 2. Pp. 125-135
- 29. Rogowski J.C. Voter Decision-Making with Polarized Choices // British Journal of Political Science. 2018. V.48. Issue 1. Pp. 1-22.
- 30. Van S., Lyn M. Extreme members and group polarization // Social Influence. 2009. V. 4(3). Pp. 185-199.
- 31. Victoroff J., Kruglanski A.W. (Eds.) Psychology of terrorism. New York: Psychology Press, 2009.
- 32. Wagner M., Russo L. Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. 2021. URL: https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463

SIGNIFICANCE – QUEST THEORY AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF STUDYING THE PHENOMENON OF VALUE-AFFECTIVE POLARIZATION OF SOCIAL GROUPS

©Aleksandr N. Lebedev

Doctor of Psychological Sciences, Chief Researcher Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, lebedev-lubimov@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1030-9709

The reported study was funded by Russian Science Foundation (RSF) № 23-18-00422, https://rscf. ru/project/23-18-00422/

The article discusses the methodological problems of studying the phenomenon of value-affective polarization of social groups. It is argued that significant progress in the study of a number of important psychological phenomena can be achieved on the basis of the principle of stochastic determinism, which works in such sciences as biology, economics, etc. and it is clearly presented in the most detail in the works of D. Kahneman and A.Tversky. Ari Kruglansky's Significance-Quest Theory (SQT) is used to study a person's choice of a value position in conditions of group polarization. This theory considers the search for significance as the «objectification» of a specific need, which is based on an individual's sense of self-worth. The search for significance can lead to both socially positive and negative personal development results that cannot be predicted in advance. The theory of the search for significance and the theory of value-affective polarization make it possible to explain not only the value choice of a group member of the position he occupies in opposition, but also the mechanism of transformation of value polarization into affective, confirmation bias characteristic of representatives of a polarized minority, secondary polarization of a minority group, etc.

Keywords: value-affective polarization of a social group, group polarization, stochastic determinism, Significance-Quest Theory, self-esteem, confirmation bias, minority and majority of a social group

REFERENCES

- 1. Anisimova O.M., Troshixina E.G. (2008). Samouvazhenie i razvitie lichnosti [Self-esteem and personal development] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sociologiya [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology]. V. 4. Pp. 65–74.
- 2. Vitgenshtejn L. (2001). Zametki po filosofii psixologii / Per. s nem. S.D. Latushkina pod red. V.V. Anashvili [Notes on the philosophy of psychology / Translated from German by S.D. Latushkin, edited by V.V. Anashvili]. Moscow: House of Intellectual Books.
- 3. Greene R. (2021). Zakony` chelovecheskoj prirody` [*The Laws of Human Nature*]. Moscow: Al`pina Pablisher.
- 4. Kaneman D. (2023). Dumaj medlenno... reshaj by`stro [Thinking, fast and slow]. Moscow: AST.
- 5. Lebedev A.N. (2023). Affekt neopredelennosti i cennostno-affektivnaya polyarizaciya bol`shix social`ny`x grupp [Affect of uncertainty and value-affective polarization of large social groups] // Ucheny`e zapiski Instituta psixologii Rossijskoj akademii nauk [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. V.3. №1. Pp.3-17. DOI:10.38098/proceedigs_2023_03_01_02
- 6. Lebedev A.N. (2022). Gruppovaya polyarizaciya mnenij v usloviyax neopredelennosti moral`nogo vy`bora [*Group polarization of opinions in conditions of uncertainty of moral choice*] // E`ksperimental`naya psixologiya [*Experimental psychology*]. V.15. №2. Pp.159-171. doi:10.17759/exppsy.2022150212
- 7. Lebedev A.N. (2022). K teorii cennostno-affektivnoj polyarizacii social`ny`x grupp [On the theory of value-affective polarization of social groups] // Ucheny`e zapiski Instituta psixologii RAN [Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. V.2. № 1. Pp. 2-19.
- 8. Lebedev A.N. (2016). Logiko-stoxasticheskie zadachi v nejromarketinge [Logical-stochastic tasks in neuromarketing] // Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology]. V.1. № 4. Pp. 94-114.
- 9. Lebedev A.N. (2021). Fenomen cennostno-affektivnoj polyarizacii rossijskogo obshhestva [*The phenomenon of value-affective polarization of Russian society*] // Ucheny`e zapiski Instituta psixologii RAN [*Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences*]. V.1. № 2. Pp. 3-17.
- 10. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2021). Fenomen gruppovoj polyarizacii v politologii i politicheskoj psixologii SShA i Evropy` [*The phenomenon of group polarization in Political Science and political Psychology of the USA and Europe*] // Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya [*Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*]. V.6. №4(24). Pp.123-150.DOI: 10.38098/ipran.sep_2021_24_4_06
- 11. Lenin V.I. (1968). Materializm i e`mpiriokriticizm. Polnoe sobranie sochinenij. Izdanie 5 [*Materialism and empiriocriticism. The complete works. Edition 5*]. V.18. Moscow: Izdatel`stvo politicheskoj literatury` [*Publishing House of Political Literature*].
- 12. Leont'ev A.N. (1977). Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Conscience. Personality]. Moscow.
- 13. Molchanova O.N. (2023). Psixologiya samoocenki: uchebnoe posobie dlya vuzov. 2-e izd. [*Psychology of self-esteem: a textbook for universities. 2nd ed.*]. Moscow: Izdatel`stvo Yurajt [*Yurayt Publishing House*].
- 14. Prigozhin I. (2001). Konecz opredelennosti. Izhevsk: Regulyarnaya i xaoticheskaya dinamika [*The end of certainty. Izhevsk: Regular and chaotic dynamics*].
- 15. Proxorov A.O. (1998). Psixologiya neravnovesny`x sostoyanij [*Psychology of nonequilibrium states*]. Moscow: IP RAN.
- 16. Rubinshtejn S.L. (2000). Osnovy` obshhej psixologii [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter.

- 17. Xaken G. (2002). Tajny` vospriyatiya. Sinergetika kak klyuch k mozgu [Secrets of perception. Synergetics as the key to the brain]. Izhevsk: Institut komp`yuterny`x issledovanij [Institute of Computer Research].
- 18. Shhedroviczkij G.P. (1997). Filosofiya. Nauka. Metodologiya [*Philosophy. Science. Methodology*]. Moscow: Shkola Kul`turnoj Politiki [*School Of Cultural Policy*].
- 19. Druckman J.N., Klar S., Krupnikov Y., Levendusky M., Ryan J.B. (2021). Affective polarization, local contexts and public opinion in America // Nature Human Behaviour. V.5. Pp. 28-38.
- 20. Hume D. (1998). An Enquiry concerning the Principles of Morals, edited by Tom L. Beauchamp, Oxford: Clarendon Press.
- 21. Kahneman D. (2011). Thinking, fast and slow. NY.: Farrar, Straus and Giroux.
- 22. Kruglanski A.W. (2019). The motivated mind. London, UK: Psychology Press.
- 23. Kruglanski A.W., Belanger J.J., Gunaratna R. (2019). The three pillars of radicalization: Needs, narratives, and networks. New York: Oxford University Press.
- 24. Kruglanski A.W., Molinario E., Jasko K., Webber D., Leander N.P., Pierro A. (2022). Significance-Quest Theory // Perspectives on Psychological Science. №17(4). Pp.1050-1071. https://doi.org/10.1177/1745691621103482519.
- 25. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C. (2021). The psychology of extremism. London: Routledge.
- 26. Kruglanski A.W., Szumowska E., Kopetz C., Vallerand R.J., Pierro A. (2021). On the psychology of extremism: How motivational imbalance breeds intemperance // Psychological Review. V.128(2). Pp. 264.
- 27. Kruglanski A.W., Webber D., Koehler D. (2019). Radicals' journey: German Neo-Nazis' voyage to the edge and back. New York: Oxford University Press.
- 28. Moscovici S., Zavalloni M. (1969). The group as a polarizer of attitudes // Journal of Personality and Social Psychology. V.12. № 2. Pp. 125-135
- 29. Rogowski J.C. (2018). Voter Decision-Making with Polarized Choices // British Journal of Political Science. V. 48. Issue 1. Pp. 122.
- 30. Van S., Lyn M. (2009). Extreme members and group polarization // Social Influence. V.4(3). Pp. 185-199.
- 31. Victoroff J., Kruglanski A.W. (2009). (Eds.) Psychology of terrorism. New York: Psychology Press.
- 32. Wagner M., Russo L. (2001). Affective Polarization Around the World: Measurement, Causes and Consequences. URL: https://ecpr.eu/Events/Event/PanelDetails/10463

Спасенников В.В., Голубева Г.Ф., Спасенникова Е.В. Патриотизм и патриотичность личности: теория и практика измерений // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2024. Т.4. №3. С.69-88. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_07

Spasennikov V.V., Golubeva G.F., Spasennikova E.V.
Patriotism and patriotism of the individual: Theory and practice of measurements. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.

2024, Vol. 4, No. 3, Pp.69-88.
DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_07

ПАТРИОТИЗМ И ПАТРИОТИЧНОСТЬ ЛИЧНОСТИ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ИЗМЕРЕНИЙ

© Спасенников В.В.

доктор психологических наук, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия, spas1956@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4378-3426

© Голубева Г.Ф.

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и профессиональной психологии, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского, Брянск, Россия,

golubeva.galia2012@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7906-6779

© Спасеникова Е.В.

студентка Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф.М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург, Россия, spasennikovaelizaveta@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0009-0003-4304-218X

В статье показано, что в социогуманитарных исследованиях существует многозначность трактовок понятий патриотизм и патриотичность личности, а также сложность их операционализации и практического измерения. Представлены результаты исследования, в котором осуществлена попытка анализа феномена патриотизма с позиций философии, политологии, истории, социологии и социально-психологической практики разработки методического инструментария для диагностики патриотичности личности на выборке студенческой молодежи технического университета. Проанализированы взгляды отечественных и зарубежных психологов на природу патриотизма и патриотичности личности. Приведена обобщенная система показателей для измерения патриотизма, которая разрабатывается в трудах отечественных ученых. Получена эмпирическая оценка модальных характеристик концепта «патриот» и концепта «националист». Сформулирован важный вывод о том, что российская национально-государственная идентичность связана с ментальностью и исторической памятью народа, определяется идентификацией с населением, территорией, культурой и должна лежать в основе духовно-нравственного и военно-патриотического воспитания студенческой молодежи.

Ключевые слова: патриотичность личности, студенческая молодежь, измерения, военно-патриотическое воспитание, национальная идея, идеология

«... Патриотизм – прочный фундамент будущего России» В.В. Путин. Президент Российской Федерации

Введение

Мировоззренческие установки и смысловое содержание закономерностей формирования

информационного и национально-государственного суверенитета России во многом связаны с деидеологизацией. Так в пункте 2 статьи 13

Конституции РФ говорится: «...никакая идеология не может устанавливаться в качестве государст-венной или обязательной». Внесение в Конституцию РФ положения о деидеологизации явилось причиной информационной войны со стороны США и коллективного Запада [26].

В целом ряде отечественных исследований обосновано положение о том, что в сложившихся условиях стране нужна национальная идея и государственная идеология для противоборства с коллективным Западом за суверенитет и целостность России [1; 9; 12; 27; 37].

Более двадцати лет назад на научной конференции по экономико-психологическим и правовым проблемам национальной безопасности исследователи, связанные с государственным управлением, отмечали, что функциональное назначение национальной идеи России должно базироваться на исторической памяти народа, являющейся фундаментом патриотизма, имеющим ценностную, мобилизационную, а также мотивационную составляющие [25, c.151-158].

Патриотизм, как объект научной рефлексии вызывает интерес представителей социогуманитарного знания достаточно длительный исторический период. Как отмечает М.А. Ешев, постнеклассическая наука детерминирует патриотизм как многоуровневую структуру, «...отражающую различные стороны духовно-нравственного развития личности в процессе взаимодействия с обществом и государством» [7, с.117-118].

Особый вклад в трактовку понятия патриотизм вносят философия, политология, история, социология [2; 6; 10; 11; 19]. В исследованиях феномена патриотизма как отечественных, так и зарубежных ученых наблюдается значительная методологическая разобщенность. Существенные различия во взглядах существуют в понимании смыслового контекста терминов патриотизм и патриотичность, а также в отношении надежности и валидности используемого методического инструментария для диагностики патриотизма как на уровне государства, так и на общественном и личностном уровнях.

В наших и других исследованиях отмечается, что под патриотизмом следует понимать

служение Родине, переживания личности за ее благополучие. Данное понятие охватывает культуру, язык, народ, традиции и т.д. Понятие патриотичность связано с направленностью личности и является компонентом данной подструктуры личностного образования как свойства [15; 20; 26].

Данная статья является попыткой методологического осмысления феномена патриотизма с междисциплинарных позиций через систематизацию основных подходов к интерпретации понятий патриотизм и патриотичность сложившихся в социальной, экономической и политической психологии.

Междисциплинарные подходы к исследованию понятия патриотизм и патриотичности личности

Исторический экскурс дает основание полагать, что первое упоминание о патриотизме можно обнаружить в риторике защитников Французской революции 1780-1793 гг., в конце 18 века «борцы за народное дело» называли себя патриотами. В дальнейшем данное понятие получило более широкую смысловую трактовку. С данным термином стали связывать такие однородные смысловые признаки как: «любовь к Родине, к земле, где человек родился и вырос; гордости за исторические свершения народа; каждодневных конкретных делах во имя развития Отечества» [38, с.107].

В междисциплинарных исследованиях феномена патриотизма отечественных авторов отмечается, что практически с самого начала появления «homo sapiens» свойственными для него были такие качества как привязанность к месту обитания, языку и традициям. В периоды смены парадигм общественного развития происходят изменения в ментальности человека и трансформации понимания и смысловой трактовки понятий «патриотизм» и «патриотичность личности» [8; 14; 20; 29; 34; 42; 48; 50].

Базовые компоненты национально-государственной идентичности, связанные с представлениями о самоидентификации, патриотических установках, пониманием отличий в понятиях «национализм», «патриотизм», «гражданственность» раскрыт в целом ряде отечественных и зарубежных исследований [4; 15; 23; 26; 32; 40; 43; 46; 49; 52].

Базовыми компонентами государственного патриотизма ряд отечественных исследователей считает социокультурные ценности. С позиций социальной, экономической, политической психологии под социокультурными ценностями следует понимать «...естественное чувство любви...к Родине», которое оказывает влияние на все стороны взаимодействия в социуме, что мотивирует деятельность личности патриота на принесение пользы своему Отечеству, именно это сплачивает «...поликультурный социум в единое целое» [30, с.1331].

Одной из причин формирования патриотичности личности с позиций иерархии потребностей является связь с обеспечением потребности в безопасности, удовлетворение которой связано с коллективистической направленностью личности. Патриотизм в этом случае выступает в виде ценности коллектива, в виде нормы, детерминирующей пожертвование личных интересов в пользу групповых и коллективных. Генетическая связь человека с местом своего рождения, родителями и своим родом, своим народом и его культурой – все эти общности определяются первичной социализацией личности в процессе патриотического воспитания [30, с.1332-1333].

После распада СССР в условиях отсутствия официальной идеологии и проникновения в умонастроения россиян либеральных ценностей отечественные традиционные ценности начали утрачиваться: приоритеты эгоистического личного обогащения и частнособственническая психология вступили в противоречие с коллективистическими настроениями и даже национальными интересами государства [25].

В результате в современном общественном сознании сформировался когнитивный диссонанс, который можно считать парадоксом, заключающимся в том, что гражданское общество представляется как общество без гражданства. Подобная ситуация некоторым образом разделила население России на две части. Одна — патриотически ориентирована по отношению к

своей гражданственности, которая выражается в любви к Родине, деятельности по усилению ее экономической и суверенной составляющих, чистоте языка и нетерпимость к искажению исторической действительности. Для другой — патриотизм не представляет собой ценность, актуальными для нее стали «двойные стандарты» рыночных отношений.

Следствием когнитивного диссонанса в общественном сознании явилось возникновение множества типологий патриотизма, которое удачно сформулировано в исследовании Я.А. Асланова и С.А. Глушкова [2, с. 99-105]. Авторы выделяют: советский патриотизм, российский патриотизм, этнопатриотизм, военно-политический патриотизм, религиозный патриотизм, мессианский патриотизм, патриотизм цивилизации, имперский патриотизм, идеологический патриотизм, православный патриотизм, надэтничный патриотизм, либеральный патриотизм, просвещенный патриотизм, левый патриотизм, путинский абстрактный патриотизм, оплаченный, товарный, показной, модный и др. По нашему мнению, с позиций социальной, экономической и политической психологии назрела необходимость разработки методологии междисциплинарных исследований гражданского и государственного патриотизма и патриотичности личности.

Исследователь Х.И. Мальсагова выделяет гражданский и государственный патриотизм [19]. Основой гражданского патриотизма выступает осознанная любовь к стране, мотивирующая социально полезную деятельность. Формирование гражданского патриотизма возможно при воспитании в личности чувства ответственности за все события, происходящие в государстве, и активной жизненной позиции. Государственный патриотизм является противоположностью гражданскому патриотизму и заключается в выделении именно государства в качестве объекта патриотизма. В определении патриотической деятельности, исходя из ее функции укрепления государственности, этот тип часто ассоциируется с державным патриотизмом, под которым Х.И. Мальсагова делает усиленную

фокусировку на уникальность и величие государства (называемое «державой») [19].

О.Е. Хухлаев в обзоре зарубежных исследований представил классификацию в рамках деятельностно-активистской парадигмы, понимая патриотизм в целом как различное отношение к стране [31].

Данная классификация может быть представлена тремя типами: 1) безоговорочный патриотизм, т.е. любовь к Родине без попытки преобразовать сложившиеся ценности в соответствии с образцами лучшей жизни (нечто похожее находим в работе Х.И. Мальсаговой, рассуждающей о самозабвенном патриотизме, сущность которого в безусловной любви к Родине, в отбрасывании критического осмысления своей страны и принятии ее со всеми возможными недостатками); 2) преобразовательная любовь к Родине, т.е. стремление привести Родину к лучшим образцам, организовать общество в соответствии с установками тех мест, где, по мнению субъекта, жизнь лучше; 3) индифферентное отношение, т.е. отсутствие стремления улучшить текущую жизнь в своей стране вследствие невозможности изменений и, следовательно, поиск самореализации в иных более перспективных местах.

Отдельного рассмотрения заслуживает типология патриотизма, предложенная В.Л. Дубровиным [6]. Он понимает патриотизм как ресурс для достижения тех или иных целей различными субъектами общественных отношений и выделяет два его типа. Первый – патриотизм как наиболее действенный ресурс адаптации страны к сложной внешнеполитической ситуации. Второй тип – это патриотизм как ресурс интеграции индивида и государства. В.Л. Дубровин акцентирует внимание на том, что наличие патриотизма у индивида не противоречит его независимости, достатку или успеху. Патриотизм в этом типе понимается как договор, согласие и законность, как способность через идентификацию со страной, через улучшение страны прийти к улучшению собственных условий жизни.

В современной международной и военно-политической ситуации более чем актуальной становится проблема патриотической готовности

россиян выполнить свой священный долг по защите Родины. Патриотизм и любовь к Родине, как известно, базируются на нормативно закрепленной национальной идеологии. Постоянное реформирование высшей школы после распада СССР и последующее присоединение отечественного образования к Болонскому процессу привели к тому, что воспитание, в том числе и патриотическое, «вынесли за скобки» образовательных организаций. Воспитание студенческой молодежи подменили формированием различных компетенций. В результате у молодых людей размываются представления о том, какова миссия российского государства в современном мире, каковы стратегии развития государства с позиций социальной, экономической и политической психологии, какие целевые установки стоят перед российским народом.

Следует отметить, что как в российских, так и в зарубежных исследованиях феномен патриотизма в большой степени изучен с позиций философских, социологических, исторических наук [1; 7; 16; 24, 33], а также с позиции психологической науки [3; 5; 8; 15, 20; 28; 32; 39; 43; 51].

С точки зрения научной специальности социальной, экономической и политической психологии наибольший интерес вызывает позиция Р. Шатца с соавторами, которая на основе теории социальной идентичности позволяет дифференцировать «слепой» и «конструктивный патриотизм» [51]. Данный подход дает возможность признать психологическим ядром патриотических установок компоненты Я-концепции личности, которая базируется на знаниях о своей принадлежности к стране, исходя из их ценности и эмоциональной идентификации. Р. Шатц отмечает, что национальная идентичность является основой патриотизма, при этом в случае конструктивного патриотизма идентификация является символической функцией, в то время как для представителей слепого патриотизма идентификация выполняет преимущественно инструментальную [51].

В исследовании С.В. Васильевой и А.В. Микляевой показано, что в основе конструктивного патриотизма «...лежит не устойчивое межгруп-

повое сравнение с другими нациями, а временные основания для сравнения, релевантные для текущей ситуации и определяющие возможность для выполнения автономных суждений на фоне сохранения позитивной идентификации со своей нацией» [4, с.57]. Авторами показано, что конструктивный патриотизм имеет тесную связь с просоциальными установками и поведением по отношению к слепому патриотизму.

На основе систематического обзора зарубежных эмпирических исследований С.В. Васильева и А.В. Микляева делают вывод о том, что «...конструктивный патриотизм в значительно большей степени, в сравнении со слепым патриотизмом, связан с деятельностным проявлением патриотических установок, что определяет практическую значимость изучения предпосылок формирования именно этой формы патриотизма в подростковой и молодежной среде» [4, с.58].

Анализ зарубежных исследований, сделанных в работе М.В. Цвекса, позволил выделить пять основных компонентов, которые дают возможность обобщить взгляды на природу феномена патриотизма личности [32]:

- 1. Патриотизм как персональная идентификация со «своей страной»;
- 2. Патриотизм как созидающее чувство;
- 3. Патриотизм как самоотверженный труд во благо своей страны;
- 4. Патриотизм долг перед страной;
- 5. Патриотизм это гражданская добродетель.

Основная проблема в эмпирическом изучении патриотизма и патриотичности личности по мнению как отечественных, так и в зарубежных исследованиях заключается в операционализации и измерении показателей, характеризующих данный феномен [3; 12; 26; 28; 40; 48].

Обобщённая система показателей для измерения патриотизма приведена в работе отечественных социологов М.С. Ивченковой и И.И. Бухонским заключается в следующем [11, с.92]:

- знание и уважение народных традиций, народной истории, героев, символов;
- следование культуре межэтнического общения;

- знание патриотических мероприятий (День Победы, День народного единства, Всероссийская акция «Вахта памяти», Всероссийская патриотическая акция «Во славу Великой Победы»), осведомленность об их проведении и участие в них;
- критическое отношение к политике своего города/страны, отношение к органам государственной власти, желание или нежелание того, чтобы дети после взросления остались в родном городе/стране, ощущение единства с жителями своего города/страны, отношение к работе как к обеспечению себя или как к делу на благо соотечественников.

Для диагностики патриотичности личности как социально-психологического феномена значительный интерес представляет исследование, выполненное А.Н. Лебедевым и О.В. Гордяковой [18], в котором авторы выделили три типа проявления патриотизма. В данной работе обосновано положение о том, что патриотизм может проявляться как на основе переживания чувств и эмоций, так и на поведенческом уровне. Авторами изучен ряд художественных предпосылок проявления патриотизма, такие как отечественная и зарубежная эстрадная музыка, кинофильмы, произведения искусства и т.д. Типология патриотического поведения выявлена на выборке студентов 288 человек.

Выявленный исследователями «неконструктивный» тип патриотического поведения характеризуется [18, с.31]: «...чрезмерной, часто демонстративной активностью и даже агрессивностью субъекта, его подчеркнутой «инициативностью», отсутствием рефлексии и самокритики; нечувствительностью к логическим противоречиям, нежеланием слушать оппонента и неспособностью его услышать; безапелляционностью суждений, показной обидчивостью, чрезмерной морализацией, «ущемленным» чувством собственного достоинства; декларируемой готовностью «принести себя в жертву родине, даже когда в этой жертве нет никакого смысла»; поиском внешних и внутренних врагов, нетерпимостью к чужой точке зрения пр.». Данный тип поведения, по мнению авторов, часто демонстрируют люди, не обладающие

глубокими профессиональными знаниями и высокими интеллектуальными способностями.

Отличительной особенностью представителей «конструктивного» типа патриотического поведения, по мнению А.Н. Лебедева и О.В. Гордяковой [18, с.31]: «...основан на чувстве долга. Субъекты с таким типом патриотического поведения, как правило, обладают широкой эрудицией и развитыми интеллектуальными способностями. Как правило, это люди с высшим образованием, но работающие в тех сферах, которые не связаны с большим бизнесом, большой политикой или высокими государственными должностями».

Характерной особенностью «конформного» типа патриотизма является широкий диапазон эмоциональных реакций [18, с.32]: «...(от демонстративных реакций до полного равнодушия к происходящему). Однако на деле такой человек достаточно свободно и без серьезных для себя психологических последствий отказывается от ранее декларируемых убеждений при смене ситуаций. Такая форма патриотического поведения — это социальная адаптация, когда «патриотом быть выгодно». Этот тип патриотического поведения можно обнаружить у некоторых публичных политиков и бизнесменов».

Разработанный А.Н. Лебедевым и О.В. Гордяковой опросник дает возможность в эмпирических исследованиях выявлять три типа патриотического поведения, что оказывается весьма продуктивным для исследований, позволяющих выяснить связи такого поведения с другими индивидуально-психологическими, социально-демографическими и иными характеристиками [26].

Таким образом, оценка уровня патриотических настроений у студенческой молодежи и анализ предлагаемых в научных исследованиях методов и методик, ориентированных на решение проблем, связанных с диагностикой и формированием патриотической личности в процессе школьного и вузовского обучения, представляется актуальным и своевременным.

Исследование представлений студентов о понятиях: «патриот», «националист» и «патриотичность личности»

В наших и других исследованиях проблем, ориентированных на выявление патриотических настроений среди населения страны, выделяют два взаимосвязанных типа патриотизма: гражданского и военного [2; 26; 35].

Гражданский тип патриотизма проявляется через:

- любовь к Родине, ее народу и истории, ее культуре, языку и природе;
- гордость за свой народ, малую родину и страну в целом;
- верность ценностям и традициям своего народа;
- ответственность перед государством и активную жизненную позицию;
- готовность к труду на благо своего отечества.

Военный патриотизм связывается с осознанным чувством верности Отечеству, готовностью к выполнению гражданского долга по защите интересов Родины. Военный патриотизм наряду с гражданским представляет собой важнейшую духовно-нравственную ценность. Однако в качестве основы для проявления военного патриотизма выступает целенаправленная специально организованная подготовка по формированию готовности на различных уровнях профессионализма к службе в государственных ведомствах, «верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплинированности» [27].

Таким образом, возникает вопрос, насколько успешно в высшей школе формируются социогуманитарные знания, связанные с формированием национально-государственной идентичности в процессе гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания.

В современной геополитической ситуации особую актуальность приобретает изучение настроений студенческой молодежи к собственной государственной идентичности с целью определения вектора воспитательного воздействия. Так со студентами первого курса двух

факультетов Брянского государственного технического университета было проведено открытое оффлайн-анкетирование. Студентам было предложено ответить на вопрос: Какие эмоции вызывает у вас российское государство? Опрос проводился в 2016 и 2022 годах.

В таблице 1 приведены ответы студентов, которые в значительной степени различаются. Первичная обработка эмпирических данных показывает значительное увеличение смешанных

положительных чувств (надежд и удивление) с 7,6% до 35,5% и резкое уменьшение крайне негативного отношения (возмущение, стыд, ненависть) с 44,9% о 11,5%. Это свидетельствует о возможных позитивных сдвигах не только в эмоционально-оценочных, но и в нормативно-оценочных и поведенческих компонентах национально-государственной идентичности за прошедший период.

Таблица 1. Сравнительный анализ ответов студентов на вопрос: «Какие эмоции у вас вызывает российское государство?»

№	Варианты ответов	Студенты в 2016 г. (N=118)		Студенты в 2022 г. (N=96)	
		Кол-во	%	Кол-во	%
1	Позитив (гордость, патриотизм, воодушевление)	7	5,9	25	26,0
2	Смешанные позитивные чувства (надежда, удивление)	9	7,6	36	37,5
3	Смешанные отрицательные чувства (дисгармония, беспокойство)	30	25,5	18	18,7
4	Крайне негативные чувства (стыд, ненависть)	53	44,9	11	11,5
5	Безразличное отношение	19	16,1	6	6,3

Консолидация студенческой молодежи и рост чувственно-эмоциональных позитивных компонентов отношения к российскому государству за прошедший с 2016 по 2022 год период обусловлен, по нашему мнению, как проведение специальной военной операцией, так и действиями Запада по отстранению российских вузов из состава участников Болонской декларации и других мер по изоляции страны от участия в культурной жизни европейского пространства [13; 27].

Следует отметить, что на современном этапе российско-украинских отношений в период проведения специальной военной операции (СВО) значительно обострилась проблема оценки сущности патриотизма и национализма.

В мае 2022 года со студентами первого курса двух факультетов Брянского государственного

технического университета (факультета информационных технологий и факультета отраслевой и цифровой экономики) было проведено открытое оффлайн-анкетирование (выборка включала 96 студентов без разделения по полу и возрасту). Студентам было предложено ответить на два вопроса:

- Перечислите, в чем заключаются отличия патриота от националиста в российско-украинских отношениях?
- Какие эмоции у вас вызывает российское государство?

Ответы на первый вопрос приведен в таблице 2, где представлены результаты оффлайнопроса студентов по оценке характеристик отличий концептов «патриот» и «националист».

Таблица 2. Студенческая оценка модальных характеристик отличия концепта патриот от концепта националист (выборка N=96)

№	Патриоты	Кол-во	%	№	Националисты	Кол- во	%
1	Любят Родину	32	33,3	1	Ставят свой народ выше других	26	27,0
2	Гордятся Родиной	19	19,8	2	Ненавидят другие народы	16	16,6
3	Защищают от врагов	15	15,6	3	Не любят чужаков	16	16,6
4	Работают во благо Родины	12	12,5	4	Любят только свой народ	14	14,6
5	Готовы жизнь отдать за Родину	10	11,0	5	Готовы защищать от врагов	13	13,6
6	Уважают противников	8	7,8	6	Не уважают противников	11	11,6

Результаты, представленные в таблице 2, свидетельствует о том, что вооруженные защитники российской армии ассоциируются у первокурсников с патриотами страны, которые любят свою Родину и гордятся ей, поэтому защищают её от врагов. Украинские националисты и воюющие на их стороне наемники, ставят фашистов и нацистов выше других, ненавидят русских и не любят чужаков.

Анализ результатов анкетного опроса студентов БГТУ показал также, что в воспитательной работе со студентами формально прослеживаются элементы формирования национально-

государственной идентичности. Однако, работа и мероприятия, проводимые по военно-патриотическому воспитанию, как в учебной, так и во внеучебной деятельности оставляет желать лучшего.

На рис.1 представлены результаты ответов студентов БГТУ (N=96) в мае 2022 на вопрос: «Насколько Вы поддерживаете специальную военную операцию?» (Выборка включает студентов бакалавриата факультета отраслевой и цифровой экономики без разделения по полу и возрасту).

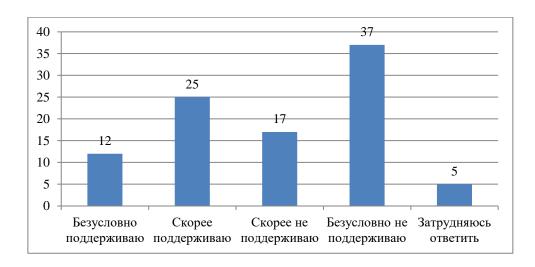

Рис. 1. Результаты ответов студентов на вопрос: «Насколько вы поддерживаете специальную военную операцию?» (N=96, май 2022 года)

Тот факт, что более половины опрошенных студентов 54 из 96 человек (что составляет 54,2%) не поддерживают специальную военную операцию и 5 человек (6,1%) затруднялись

ответить, свидетельствует о крайне низком уровне военно-патриотического воспитания студентов БГТУ на факультете отраслевой и цифровой экономики.

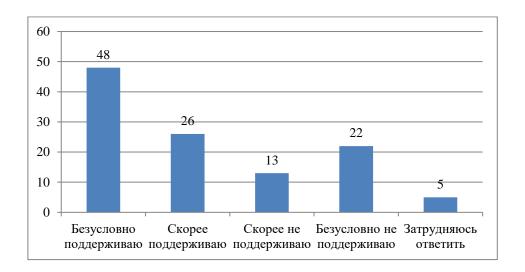

Рис. 2. Результаты ответов студентов на вопрос: «Насколько Вы поддерживаете специальную военную операцию?» (N=114, май 2024 года)

Значительно более высокими с точки зрения патриотичности стали результаты опроса студентов в мае 2024 года. На вопрос о поддержке СВО (выборка без распределения по полу и возрасту N=114 человек факультета информационных технологий).

Как следует из результатов опроса, СВО поддерживает почти две трети респондентов (64,9%), однако настораживает тот факт, что почти третья часть студентов (30,7%) не поддерживает проведение специальной военной операции на Украине.

Позитивным моментом, связанным со знанием военной истории нашего государства являются результаты опроса студентов о ключевых сражениях Советской армии в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 г.г.): студенты первого курса со школьной скамьи смогли вспомнить о Битве за Москву, Курской битве, Сталинградской битве, операции «Багратион» и битве за Берлин.

В наших и других исследованиях показано, что в патриотическом воспитании студентов

большое значение имеет выявление предпочтений студентов к празднованию различных событий прошлого и отношение к музыкальным произведениям и песням [6; 9; 13; 22; 18].

В данных работах показано, что в песнях отражаются основные характеристики человека и общества: национальность, возраст, пол, профессия, социальное и семейное положение, прошлое, мечты о будущем, география, климат, история и т.д. Песни имеют сложную конструкцию, они включают множество составляющих: словесно-смысловая, поэтическая, образная, информационная, содержательная, музыкальная, исполнительская, голосовая, мимическая, пластическая, костюмная, косметическая, цветовая, световая, сценическая и др. [18].

В таблице 3 приведен список ТОП-10 предпочтений студентов факультета информационных технологий по отношению к патриотическим песням (всего опрошено 114 студентов, каждый мог сделать 3 выбора).

Таблица 3. Топ-10 патриотических песен о Родине и песен военных лет (предпочтения и выборы студентов)

Название песни (гимн)	Слова, музыка	Количество выборов
Гимн России	С. Михалков, А. Александров	143
Я Русский	Я. Дронов (Шаман)	140
Журавли	Р. Гамзатов, Я. Френкель	111
Священная война	А. Александров, В. Лебедев-Кумач	103
Катюша	М. Блантер, М. Исаковский	96
День Победы	Д. Тухманов, В. Харитонов	94
Шумел сурово Брянский лес	А. Сафронов, С. Кац	81
Жди меня	К. Симонов, М. Блантер	78
Темная ночь Н. Богословский, В. Агатов		75
Встанем	Я. Дронов (Шаман)	72

Конечно, помимо отечественных патриотических песен у студентов достаточно широкий кругозор и эрудиция и в сфере зарубежной эстрады, что является предметом отдельного исследования.

Духовно-нравственный и военно-патриотический потенциал (перспективы исследования)

Духовно-нравственный и военно-патриотический потенциал на поведенческом уровне проявляются в отношении к труду и будущей профессиональной деятельности с учетом познавательных потребностей, когнитивных способностей и потребностей в информационно-психологической безопасности, а также в требовательности к себе, отношении к семье, референтной группе и государству с учетом национально-государственной, религиозной идентичности и сформированного патриотического самосознания

Для разработки модели патриотичности личности на данном этапе исследований был составлен опросник самооценки патриотичности личности (ОСПЛ), который приведен ниже.

Инструкция: Пожалуйста, прочитайте утверждения и выберите ответ, наиболее точно отражающий степень вашего согласия или несогласия с ними по шкале от 1 до 7: 1 — совершенно не согласен; 2 — не согласен; 3 — скорее не

согласен; 4 — нейтрален / не могу определиться; 5 — скорее согласен, чем не согласен; 6 — согласен; 7 — полностью согласен

- 1. Я уверен (а), что в России должна быть национальная идея, которая связана с формированием патриотизма
- 2. Я думаю, что история России повлияла на сформированность моих патриотических чувств
- 3. Я уверен (а), что родной язык определяет национальную идентичность в процессе формирования чувств патриотизма
- 4. Я предполагаю, что семья, быт, экономическое благополучие и удовлетворенность жизнью во многом влияют на мое отношение к Ролине
- 5. Я считаю, что соблюдение здорового образа жизни, регулярные занятия физкультурой и спортом связано с формированием чувств патриотизма
- 6. Я думаю, что бережное отношение к природе, защита растений и животных, сохранение природных ресурсов для последующих поколений это гражданский долг каждого россиянина
- 7. Я считаю, что соблюдение этических норм в социальных сетях, критическое отношение к медийному новостному пространству связаны с информационно-психологической безопасностью личности

- 8. Я уверен (а), что каждый россиянин должен гордиться историей трудовых, спортивных и военных побед и воспринимать службу в армии как священный долг каждого гражданина
- 9. Я считаю, что каждый россиянин должен интересоваться отечественной и мировой культурой, понимание культурных особенностей разных народов и гордиться российской культурой
- 10. Я думаю, что патриотичность личности связана с формированием качеств по отноше-

нию к созидательной деятельности, другим людям, семье, обществу, армии, органам правопорядка и руководству страны.

Ключ для подсчета баллов по двум шкалам опросника и диапазон средних значений находятся в стадии разработки.

Пилотный опрос на выборе N=114 студентов позволил установить следующие предварительные соотносительные нормы об уровне патриотичности личности студента (таблица 4).

Диапазон значений	Уровень развития патриотичности	
70-199	Низкий уровень патриотичности	
70-199	(неконструктивный)	
200-549	Достаточный уровень (конформный)	
550-700	Высокий уровень патриотичности	

(конструктивный)

Таблица 4. Соотносительная норма уровней патриотичности личности студента

Выводы

- Проведенное теоретико-экспериментальное исследование позволило наметить программу разработки модели патриотичности личности студента, на основе представления данного качества как свойства подструктуры направленности личности по отношению к стране, обществу, семье, себе, труду и будущей профессиональной деятельности. Патриотичность личности понимается как ощущение личностью своего вхождения в национально-государственное единство, выполняющее функцию идентификации и представленное в отношении, т.е. эмоциональной стороне данного вхождения; осознании, т.е. понимании этой идентификации как ценности; а также на поведенческом уровне отстаивании социальных действий, объединяющих членов общества;
- 2. По мнению студентов, быть патриотом значит (в первую очередь с позиции духовнонравственного и военно-патриотического воспитания):
- интересоваться культурой, обычаями и традициями различных народов страны;

- критично оценивать ситуацию в стране и стремиться к ее изменению для того, чтобы обеспечить ей достойное будущее;
- быть готовым встать с оружием на защиту своей страны в случае угрожающей ей и ее народу опасности.
- 3. Основой формирования национальной российской государственной идентичности у населения страны является смена парадигмальных представлений об организации воспитания в семье, дошкольных учреждениях, школе и вузе. Переход от догм административно навязанного компетентностного подхода Болонской декларации, сводящей на нет ценность патриотических установок россиян, к традиционным патриотическим ценностям российского образования может стать отправным пунктом формирования у студенческой молодежи национальной российской государственной идентичности.
- 4. В процессе формирования патриотичности личности необходимо учитывать и целенаправленно использовать патриотические установки студентов. По их реальному проявлению, по конкретным действиям и поступкам,

убеждениям, жизненным позициям и взглядам оценивается уровень гражданско-патриотического и военно-патриотического воспитания. Необходимо развивать у студентов такие

мировоззренческие установки, как осознание своего места в жизни, формировать чувство долга служения Отечеству и готовность выполнить свой священный долг по защите Родины.

Литература:

- 1. Абрамов С.М., Акулов С.А. Попытка осмысления феномена патриотизма в контексте смены поколений и его воспитания в отечественной системе образования // Историческая и социально-образовательная мысль. 2021. Т.13. № 1. С. 109-122. DOI 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122.
- 2. Асланов Я.А., Глушкова С.А. Патриотизм в российском обществе: теоретико-методологические проблемы исследования // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 11. С. 99-105.
- 3. Васильева С.В., Микляева А.В. Опросник конструктивного патриотизма (подростковая версия): психометрические характеристики // Психология человека в образовании. 2023. Т.5. №3. С. 458-472. DOI 10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472
- 4. Васильева С.В., Микляева А.В. Социально-психологические предпосылки конструктивного патриотизма подростков и молодежи: систематический обзор эмпирических исследований // Science for Education Today. 2024. Т. 14. № 1. С. 55-73. DOI 10.15293/2658-6762.2401.03
- 5. Гордякова О.В., Лебедев А.Н. Чувство патриотизма и типы патриотического поведения молодых граждан России // Психологические и психоаналитические исследования: Ежегодник 2017. Москва: НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», 2017. С. 307-327.
- 6. Дубровин В.Л. Патриотизм как ценность в российском обществе: социально-ресурсное влияние // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2015. № 3(163). С. 116-122.
- 7. Ешев М.А. Российский патриотизм как основа национальной идентичности // Власть. 2013. № 6. С. 116-118.
- 8. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Патриотизм как объект изучения психологической науки // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 88-98.
- 9. Зверев В.О., Морозов А.А. Патриотизм как нравственная ценность в политике России и в социальных концепциях религиозных объединений // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 1(60). С. 67-70.
- 10. Зелетдинова Э.А., Дьякова В.В. Патриотизм в структуре гражданской идентичности современных российских поколений // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12(56). С. 15-19. DOI 10.24158/spp.2018.12.1
- 11. Ивченкова М.С., Буханский И.И. Теоретические конструкты и опыт эмпирического анализа патриотизма в современной российской социологии // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 2. С. 81-97. DOI 10.19181/vis.2024.15.2.6
- 12. Карнышев А.Д. К вопросу о динамике в понимании и анализе патриотизма в российской социально-психологической и педагогической мысли // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2018. Т. 23. С. 28-39.
- 13. Кипреев С. Н. Полиция против Хэллоуина: противодействие угрозам национальной безопасности и защита традиционной культуры // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 3. С. 603-612. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612
- 14. Кольцова В.А., Соснин В.А. Социально-психологические проблемы патриотизма и особенности его воспитания в современном российском обществе // Психологический журнал. 2005. Т.26. №4. С. 89-98.

- 15. Кудинов С.И., Кудинов С.С. Ценностно-смысловые предпосылки гражданско-патриотического самовыражения молодежи // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. № 6. С. 261-270. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2023-6-34
- 16. Куликов С.П. Патриотизм в дискурсивном поле российской социологии: теоретические аспекты и социальные реалии // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 19. № 3. С. 209-219.
- 17. Лебедев А.Н. Чувства национальной гордости и патриотизма как проблема исследовательской и практической психологии // Взаимоотношения исследовательской и практической психологии / Ответственные редакторы: А.Л. Журавлев, А.В. Юревич. Москва: Институт психологии РАН, 2015. С. 556-571.
- 18. Лебедев А.Н., Гордякова О.В. Теоретические и методологические вопросы изучения патриотизма как социального чувства и социально ориентированного поведения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 1(1). С. 23-40.
- 19. Мальсагова Х.И. Патриотизм в российском научном и интеллектуальном дискурсе: аксиологическое измерение // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2017. № 6(65). С. 68-73.
- 20. Печников А.Н. Анализ подходов к исследованию свойства патриотизма военнослужащих на основе данных теории именования // Современное образование: актуальные вопросы, достижения и инновации: Материалы научно-методической конференции, Петергоф, 26 января 2024 года. Петергоф: Военная академия материально-технического обеспечения им. генерала армии А.В. Хрулева, 2024. С. 71-79.
- 21. Полухин О.Н. Гражданственность и патриотизм. Проблемы патриотического воспитания в условиях глобализации // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова. 2014. № 2. С. 225-229.
- 22. Прокопюк О.Н. Появление праздника Хэллоуин в России и его влияние на подрастающее поколение // Труды Белгородской православной духовной семинарии (с миссионерской направленностью). 2017. № 6. С. 158-164.
- 23. Пузанова Ж.В., Ларина Т.И. Патриотическое воспитание молодежи в России: проблемы, мнения, экспертные оценки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2017. Т. 19. № 1. С. 25-37. DOI 10.22363/2313-1438-2017-19-1-25-37
- 24. Сайганова Е. В. Основные факторы формирования патриотических настроений у молодого поколения в современных социальных условиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2020. Т. 20. № 3. С. 286-290. DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290
- 25. Спасенников В.В. I Всероссийские чтения памяти профессора Валерия Федоровича Агеева «Экономико-психологические и правовые проблемы национальной безопасности» (Калуга, 3-4 апреля 2001 г.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2001. № 4. С. 151-158.
- 26. Спасенников В.В., Голубева Г.Ф. Политико-психологические проблемы формирования и оценки национально-государственной идентичности молодежи // Universum: психология и образование. 2016. № 12(30). С. 25-28.
- 27. Спасенников В.В. Социодизайн преемственности поколений: теоретико-экспериментальный под-ход // Эргодизайн. 2021. № 1(11). С. 15-26. DOI 10.30987/2658-4026-2021-1-15-26
- 28. Тарасов М.В. Образ Родины: обоснование и апробация диагностического инструментария // Экспериментальная психология. 2020. Т. 13. № 4. С. 205-219. DOI 10.17759/exppsy.2020130415
- 29. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: традиционные смыслыв современных условиях // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 77. С. 275-289. DOI 10.17223/1998863X/77/23

- 30. Томилина С.Н., Манецкая С.В. Современный патриотизм: сущность и проблемы // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 110. С. 1329-1339.
- 31. Хухлаев О.Е. Психология национализма в зарубежных исследованиях // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 15-29.
- 32. Цвекс М.В. Анализ зарубежных и российских подходов к изучению патриотизма личности // Пси-холог. 2024. № 2. С. 20-32. DOI 10.25136/2409-8701.2024.2.70239
- 33. Шашкова Я.Ю., Асеев С.Ю.Соотношение структуры идентичности и моделей патриотизма у старших школьников сибирских регионов // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 2(113). С. 49-60. DOI 10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60
- 34. Шнейдер Л.Б. Аттитюды патриотизма в оценке желания и возможности отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. №3(48). С. 101-112.
- 35. Шульгина Т.А., Кетова Н.А., Непочатых Е.П. К вопросу о гражданской идентичности и патриотических установках современной российской молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. № 12(56). С. 20-28. DOI 10.24158/spp.2018.12.2
- 36. Юревич А.В. Патриотизм как психологическая проблема // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2016. № 2(78). С. 13-21.
- 37. Юревич А.В., Журавлев А.Л. Поиск национальной идеи как психологическая проблема: размышления над текстами // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 4. С. 93-104.
- 38. Яровова Т.В. Патриотическое воспитание студенческой молодежи в современных условиях // Среднерусский вестник общественных наук. 2015. № 2(38). С. 107-112.
- 39. Aydin E., Bagci S.C., Kelesoglu I. Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism // Journal of Environmental Psychology. 2022. V. 80. Pp.101755. DOI 10.1016/j.jenvp.2021.101755.
- 40. Bas M. The evaluation of the university students patriotism levels according to gender, age, family structure and sports activities // European Journal of education Studies. 2016. V.2(2). Pp.34-43. DOI 10.5281/zenodo.59800.
- 41. Gangl K., Torgler B., Kirchler E. Patriotism's Impact on Cooperation with the State: An Experimental Study on Tax Compliance // Political Psychology. 2016. V.37(6). Pp.:867-881. DOI 10.1111/pops.12294.
- 42. Faiz M., Karasu A.E. The Patriotic Attitudes of the Prospective Teachers // International Journal of Psychology and Educational Studies. 2020. V.7(1). Pp.124-134. DOI 10.17220/ijpes.2020.01.012.
- 43. Huddy L., Khatlib N. American Patriotism, National Identity and Political Involvement // American Journal of Political Science. 2020. V.51(1). Pp.63-77. DOI 10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x.
- 44. Iceland J., Silver E., Goff K. For whom is patriotism blind? Examining the roles of moral intuitions and system justification // Social Science Research. 2023. V.112. Pp.102811. DOI 10.1016/j.ssresearch.2022.102811.
- 45. Kosterman R., Feshbach S. Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // Political Psychology. 1989. V.10. Pp.257-274. DOI 10.2307/3791647.
- 46. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. Values, ideological attitudes and patriotism // Personality and Individual Differences. 2014. V.64. Pp.141-146. DOI 10.1016/j.paid.2014.02.040.
- 47. Makeel, R., Ashraf J., Ariyesti F.R., Ali S. How does patriotism and institutional support affect the social entrepreneurial orientation (SEO) in the presence of social valuation and experiential learning for social ventures // Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy. 2023. V.17(6). Pp.1315-1337. DOI 10.1108/JEC-04-2022-0058.

- 48. Meng Y. Analysis of the timeliness of multiple information on college students' patriotism education in the all-media era // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. 2024. V.9(1). DOI 10.2478/amns.2023.2.01596.
- 49. Mummendy A., Klink A., Brown R. Nationalism and patriotism: National identification and out-group rejection // British Journal of Social Psychology. 2001. V.40(2). Pp.159-172. DOI 10.1348/014466601164740.
- 50. Rothi D.M., Lyons E., Chryssochoou X. National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study // Political Psychology. 2005. V.26(1). Pp.135-155. DOI 10.1111/j.1467-9221.2005.00412.x.
- 51. Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G.On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. 1999. V.20(1). Pp.151-174. DOI doi.org/10.1111/0162-895X.00140.
- 52. Vincent A. Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic Patriotism // The Journal of Ethics. 2009. V.13. Pp.347-364. DOI 10.1007/s10892-009-9066-y.

PATRIOTISM AND PATRIOTISM OF THE INDIVIDUAL: THEORY AND PRACTICE OF MEASUREMENTS

© Valery V. Spasennikov

Doctor of Psychological Sciences, Professor of the Department of Humanities and Social Sciences,
Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia,
spas1956@mail.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-4378-3426

© Galina F. Golubeva

PHd (psychological sciences), Associate Professor of the Department of General and Professional Psychology, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky, Bryansk, Russia, golubeva.galia2012@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7906-6779

© Elizaveta V. Spasennikova

Student of the St. Petersburg State University of Telecommunications named after Prof. M.A. Bonch-Bruevich, St. Petersburg, Russia, spasennikovaelizaveta@yandex.ru; ORCID: https://orcid.org/0009-0003-4304-218X

The article shows that in socio-humanitarian research there is a ambiguity of interpretations of the concepts of patriotism and patriotism of the individual, as well as the complexity of their operationalization and practical measurement. The results of the study are presented, in which an attempt is made to analyze the phenomenon of patriotism from the standpoint of philosophy, political science, history, sociology and socio-psychological practice of developing methodological tools for diagnosing personality patriotism in a sample of students of a technical university. The views of domestic and foreign psychologists on the nature of patriotism and patriotism of the individual are analyzed. A generalized system of indicators for measuring patriotism is presented, which is being developed in the works of Russian scientists. An empirical assessment of the modal characteristics of the concept "patriot" and the concept "nationalist" is obtained. An important conclusion is formulated that the Russian national-state identity is connected with the mentality and historical memory of the people, is determined by identification with the population, territory, culture and should form the basis of the spiritual, moral and military-patriotic education of students.

Keywords: patriotism of personality, student youth, dimensions, military-patriotic education, national idea, ideology

REFERENCES

- 1. Abramov S.M., Akulov S.A. (2021). Popy`tka osmy`sleniya fenomena patriotizma v kontekste smeny` pokolenij i ego vospitaniya v otechestvennoj sisteme obrazovaniya [An attempt to comprehend the phenomenon of patriotism in the context of generational change and its upbringing in the national education system] // Istoricheskaya i social`no-obrazovatel`naya my`sl`[Historical and socio-educational thought]. V.13. № 1. Pp. 109-122. DOI 10.17748/2075-9908-2021-13-1-109-122.
- 2. Aslanov Ya.A., Glushkova S.A. (2017). Patriotizm v rossijskom obshhestve: teoretiko-metodologicheskie problemy` issledovaniya [*Patriotism in Russian society: theoretical and methodological problems of research*] // Social`no-gumanitarny`e znaniya [*Social and humanitarian knowledge*]. № 11. Pp. 99-105.
- 3. Vasil`eva S.V., Miklyaeva A.V. (2023). Oprosnik konstruktivnogo patriotizma (podrostkovaya versiya): psixometricheskie xarakteristiki [*Questionnaire of constructive patriotism (teenage version): psychometric characteristics*] // Psixologiya cheloveka v obrazovanii [*Human psychology in education*]. V.5. №3. Pp. 458-472. DOI 10.33910/2686-9527-2023-5-3-458-472
- 4. Vasil`eva S.V., Miklyaeva A.V. (2024). Social`no-psixologicheskie predposy`lki konstruktivnogo patriotizma podrostkov i molodezhi: sistematicheskij obzor e`mpiricheskix issledovanij [Socio-psychological prerequisites for constructive patriotism of adolescents and youth: a systematic review of empirical research] // Science for Education Today. V. 14. №1. Pp. 55-73. DOI 10.15293/2658-6762.2401.03
- 5. Gordyakova O.V., Lebedev A.N. (2017). Chuvstvo patriotizma i tipy` patrioticheskogo povedeniya molody`x grazhdan Rossii [*The feeling of patriotism and types of patriotic behavior of young citizens of Russia*] // Psixologicheskie i psixoanaliticheskie issledovaniya: Ezhegodnik 2017 [*Psychological and psychoanalytic research: Yearbook 2017*]. Moskva: NOChU VO «Moskovskij institut psixoanaliza» [*Moscow Institute of Psychoanalysis*]. Pp. 307-327.
- 6. Dubrovin V.L. (2015). Patriotizm kak cennost` v rossijskom obshhestve: social`no-resursnoe vliyanie [Patriotism as a value in Russian society: socio-resource influence] // Vestnik Ady`gejskogo gosudar-stvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sociologiya, yurisprudenciya, politologiya, kul`turologiya [Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies]. № 3(163). Pp. 116-122.
- 7. Eshev M.A. (2016). Rossijskij patriotizm kak osnova nacional`noj identichnosti [Russian patriotism as the basis of national identity] // Vlast` [Power]. 2013. № 6. Pp. 116-118.
- 8. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Patriotizm kak ob``ekt izucheniya psixologicheskoj nauki [*Patriotism as an object of study of psychological science*] // Psixologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. V. 37. № 3. Pp. 88-98.
- 9. Zverev V.O., Morozov A.A. (2015). Patriotizm kak nravstvennaya cennost` v politike Rossii i v social`ny`x koncepciyax religiozny`x ob``edinenij [Patriotism as a moral value in Russian politics and in social concepts of religious associations] // Psixopedagogika v pravooxranitel`ny`x organax [Psychopedagogy in law enforcement agencies]. № 1(60). Pp. 67-70.
- 10. Zeletdinova E`.A., D`yakova V.V. (2018). Patriotizm v strukture grazhdanskoj identichnosti sovremenny`x rossijskix pokolenij [*Patriotism in the structure of civil identity of modern Russian generations*] // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika [*Society: sociology, psychology, pedagogy*]. № 12(56). Pp. 15-19. DOI 10.24158/spp.2018.12.1

- 11. Ivchenkova M.S., Buxanskij I.I. (2024). Teoreticheskie konstrukty` i opy`t e`mpiricheskogo analiza patriotizma v sovremennoj rossijskoj sociologii [*Theoretical constructs and experience of empirical analysis of patriotism in modern Russian sociology*] // Vestnik Instituta sociologii [*Bulletin of the Institute of Sociology*]. V. 15. № 2. Pp. 81-97. DOI 10.19181/vis.2024.15.2.6
- 12. Karny`shev A.D. (2018). K voprosu o dinamike v ponimanii i analize patriotizma v rossijskoj social`nopsixologicheskoj i pedagogicheskoj my`sli [On the issue of dynamics in the understanding and analysis of patriotism in Russian socio-psychological and pedagogical thought] // Izvestiya Irkutskogo gosudar-stvennogo universiteta. Seriya: Psixologiya [Izvestiya Irkutsk State University]. V. 23. Pp. 28-39.
- 13. Kipreev S.N. (2023). Policiya protiv Xe`llouina: protivodejstvie ugrozam nacional`noj bezopasnosti i zashhita tradicionnoj kul`tury` [*Police against Halloween: countering threats to national security and protecting traditional culture*] // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarny`e nauki [*Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*]. V. 28. № 3. Pp. 603-612. DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-3-603-612
- 14. Kol`czova V.A., Sosnin V.A. (2005). Social`no-psixologicheskie problemy` patriotizma i osobennosti ego vospitaniya v sovremennom rossijskom obshhestve [Socio-psychological problems of patriotism and the peculiarities of its upbringing in modern Russian society] // Psixologicheskij zhurnal [Psychological Journal]. V.26. №4. Pp. 89-98.
- 15. Kudinov S.I., Kudinov S.S. (2023). Cennostno-smy`slovy`e predposy`lki grazhdansko-patrioticheskogo samovy`razheniya molodezhi [*Value-semantic prerequisites of civil and patriotic self-expression of youth*] // Gercenovskie chteniya: psixologicheskie issledovaniya v obrazovanii [*Herzen readings: psychological research in education*]. № 6. Pp. 261-270. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2023-6-34
- 16. Kulikov S.P. (2016). Patriotizm v diskursivnom pole rossijskoj sociologii: teoreticheskie aspekty` i social`ny`e realii [*Patriotism in the discursive field of Russian sociology: theoretical aspects and social realities*] // Gumanitarij Yuga Rossii [*Humanities of the South of Russia*]. V. 19. № 3. Pp. 209-219.
- 17. Lebedev A.N. (2015). Chuvstva nacional`noj gordosti i patriotizma kak problema issledovatel`skoj i prakticheskoj psixologii [Feelings of national pride and patriotism as a problem of research and practical psychology] // Vzaimootnosheniya issledovatel`skoj i prakticheskoj psixologii / Otvetstvenny`e redaktory`: A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moskva: Institut psixologii RAN [Relationship of research and practical psychology / Responsible editors: A.L. Zhuravlev, A.V. Yurevich. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences]. Pp. 556-571.
- 18. Lebedev A.N., Gordyakova O.V. (2016). Teoreticheskie i metodologicheskie voprosy` izucheniya patriotizma kak social`nogo chuvstva i social`no orientirovannogo povedeniya [Theoretical and methodological issues of studying patriotism as a social feeling and socially oriented behavior] // Institut psixologii Rossijskoj akademii nauk. Social`naya i e`konomicheskaya psixologiya [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology]. V. 1. № 1(1). Pp. 23-40.
- 19. Mal`sagova X.I. (2017). Patriotizm v rossijskom nauchnom i intellektual`nom diskurse: aksiologicheskoe izmerenie [*Patriotism in Russian scientific and intellectual discourse: axiological measurement*] // POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sociologiya. Kul`tura [*SEARCH: Politics. Social studies. Art. Sociology. Culture*]. № 6(65). Pp. 68-73.
- 20. Pechnikov A.N. (2024). Analiz podxodov k issledovaniyu svojstva patriotizma voennosluzhashhix na osnove danny`x teorii imenovaniya [Analysis of approaches to the study of the properties of patriotism of military personnel based on the data of the theory of naming] // Sovremennoe obrazovanie: aktual`ny`e voprosy`, dostizheniya i innovacii: Materialy` nauchno-metodicheskoj konferencii, Petergof, 26 yanvarya 2024 goda. Petergof: Voennaya akademiya material`no-texnicheskogo obespecheniya im. generala armii A.V. Xruleva [Modern education: current issues, achievements and innovations: Materials of the scientific and methodological conference, Peterhof, January 26, 2024. Peterhof: Military Academy of Logistics named after Army General A.V. Khrulev]. Pp. 71-79.

- 21. Poluxin O.N. (2014). Grazhdanstvennost` i patriotizm. Problemy` patrioticheskogo vospitaniya v usloviyax globalizacii [*Citizenship and patriotism. Problems of patriotic education in the context of globalization*] // Vestnik Belgorodskogo gosudarstvennogo texnologicheskogo universiteta im. V.G. Shuxova [*Bulletin of the Belgorod State Technological University named after V.G. Shukhov*]. № 2. Pp. 225-229.
- 22. Prokopyuk O.N. (2017). Poyavlenie prazdnika Xe`llouin v Rossii i ego vliyanie na podrastayushhee pokolenie [*The appearance of the Halloween holiday in Russia and its influence on the younger generation*] // Trudy` Belgorodskoj pravoslavnoj duxovnoj seminarii (s missionerskoj napravlennost`yu) [*Proceedings of the Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary orientation)*]. № 6. Pp. 158-164.
- 23. Puzanova Zh.V., Larina T.I. (2017). Patrioticheskoe vospitanie molodezhi v Rossii: problemy`, mneniya, e`kspertny`e ocenki [*Patriotic education of youth in Russia: problems, opinions, expert assessments*] // Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby` narodov. Seriya: Politologiya [*Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*]. V. 19. № 1. Pp. 25-37. DOI 10.22363/2313-1438-2017-19-1-25-37
- 24. Sajganova E.V. (2020). Osnovny'e faktory' formirovaniya patrioticheskix nastroenij u molodogo pokoleniya v sovremenny'x social'ny'x usloviyax [*The main factors of formation of patriotic sentiments among the younger generation in modern social conditions*] // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sociologiya. Politologiya [*Izvestiya Saratov University. A new series. Series: Sociology. Political science*]. V. 20. № 3. Pp. 286-290. DOI 10.18500/1818-9601-2020-20-3-286-290
- 25. Spasennikov V.V. (2001). I Vserossijskie chteniya pamyati professora Valeriya Fedorovicha Ageeva «E`konomiko-psixologicheskie i pravovy`e problemy` nacional`noj bezopasnosti» (Kaluga, 3-4 aprelya 2001 g.) [I All-Russian readings in memory of Professor Valery Fedorovich Ageev "Economic, psychological and legal problems of national security" (Kaluga, April 3-4, 2001)] // Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda. [Bulletin of the Russian Humanitarian Scientific Foundation]. № 4. Pp. 151-158.
- 26. Spasennikov V.V., Golubeva G.F. (2016). Politiko-psixologicheskie problemy` formirovaniya i ocenki nacional`no-gosudarstvennoj identichnosti molodezhi [*Political and psychological problems of formation and assessment of national and state identity of youth*] // Universum: psixologiya i obrazovanie [*Universum: psychology and education*]. № 12(30). Pp. 25-28.
- 27. Spasennikov V.V. (2021). Sociodizajn preemstvennosti pokolenij: teoretiko-e`ksperimental`ny`j podxod [Sociodesign of the succession of generations: a theoretical and experimental approach] // E`rgodizajn [Ergodesign]. № 1(11). Pp. 15-26. DOI 10.30987/2658-4026-2021-1-15-26
- 28. Tarasov M.V. (2020). Obraz Rodiny`: obosnovanie i aprobaciya diagnosticheskogo instrumentariya [*The image of the Motherland: justification and approbation of diagnostic tools*] // E`ksperimental`naya psixologiya [*Experimental psychology*]. V. 13. № 4. Pp. 205-219. DOI 10.17759/exppsy.2020130415
- 29. Selezneva A.V. (2024). Politicheskie cennosti rossijskoj molodezhi: tradicionny`e smy`sly`v sovremenny`x usloviyax [*Political values of Russian youth: traditional meanings in modern conditions*] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politiclogiya [*Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*]. № 77. Pp. 275-289. DOI 10.17223/1998863X/77/23
- 30. Tomilina S.N., Maneczkaya S.V. (2015). Sovremenny`j patriotizm: sushhnost` i problemy` [*Modern patriotism: essence and problems*] // Politematicheskij setevoj e`lektronny`j nauchny`j zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta [*Polythematic online electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University*]. № 110. Pp. 1329-1339.
- 31. Xuxlaev O.E. (2012). Psixologiya nacionalizma v zarubezhny`x issledovaniyax [*Psychology of nationalism in foreign studies*] // Social`naya psixologiya i obshhestvo [*Social psychology and society*]. № 4. Pp. 15-29.

- 32. Czveks M.V. (2024). Analiz zarubezhny`x i rossijskix podxodov k izucheniyu patriotizma lichnosti [Analysis of foreign and Russian approaches to the study of personal patriotism] // Psixolog [Psychologist]. № 2. Pp. 20-32. DOI 10.25136/2409-8701.2024.2.70239
- 33. Shashkova Ya.Yu., Aseev S.Yu. (2023). Sootnoshenie struktury` identichnosti i modelej patriotizma u starshix shkol`nikov sibirskix regionov [Correlation of the structure of identity and models of patriotism among senior schoolchildren of Siberian regions] // Vestnik Rossijskogo fonda fundamental`ny`x issledovanij. Gumanitarny`e i obshhestvenny`e nauki [Bulletin of the Russian Foundation for Fundamental Research. Humanities and social sciences]. № 2(113). Pp. 49-60. DOI 10.22204/2587-8956-2023-113-02-49-60
- 34. Shnejder L.B. (2018). Attityudy` patriotizma v ocenke zhelaniya i vozmozhnosti ot``ezda iz svoej strany`: kross-kul`turnoe issledovanie [*Attitudes of patriotism in assessing the desire and possibility of leaving one's country: a cross-cultural study*] // Aktual`ny`e problemy` psixologicheskogo znaniya [*Actual problems of psychological knowledge*]. №3(48). Pp. 101-112.
- 35. Shul`gina T.A., Ketova N.A., Nepochaty`x E.P. (2018). K voprosu o grazhdanskoj identichnosti i patrioticheskix ustanovkax sovremennoj rossijskoj molodezhi [*On the issue of civic identity and patriotic attitudes of modern Russian youth*] // Obshhestvo: sociologiya, psixologiya, pedagogika [*Society: sociology, psychology, pedagogy*]. № 12(56). Pp. 20-28. DOI 10.24158/spp.2018.12.2
- 36. Yurevich A.V. (2016). Patriotizm kak psixologicheskaya problema [*Patriotism as a psychological problem*] // Chelovecheskij faktor: problemy` psixologii i e`rgonomiki [*Human factor: problems of psychology and ergonomics*]. № 2(78). Pp. 13-21.
- 37. Yurevich A.V., Zhuravlev A.L. (2016). Poisk nacional`noj idei kak psixologicheskaya problema: razmy`shleniya nad tekstami [*The search for a national idea as a psychological problem: reflections on texts*] // Psixologicheskij zhurnal [*Psychological Journal*]. V. 37. № 4. Pp. 93-104.
- 38. Yarovova T.V. (2015). Patrioticheskoe vospitanie studencheskoj molodezhi v sovremenny`x usloviyax [Patriotic education of student youth in modern conditions] // Srednerusskij vestnik obshhestvenny`x nauk [Central Russian Bulletin of Social Sciences]. № 2(38). Pp. 107-112.
- 39. Aydin E., Bagci S.C., Kelesoglu I. (2022). Love for the globe but also the country matter for the environment: Links between nationalistic, patriotic, global identification and pro-environmentalism // Journal of Environmental Psychology. V.80. Pp.101755. DOI 10.1016/j.jenvp.2021.101755.
- 40. Bas M. (2016). The evaluation of the university student's patriotism levels according to gender, age, family structure and sports activities // European Journal of education Studies. V.2(2). Pp.34-43. DOI 10.5281/zenodo.59800.
- 41. Gangl K., Torgler B., Kirchler E. (2016). Patriotism's Impact on Cooperation with the State: An Experimental Study on Tax Compliance // Political Psychology. V.37(6). Pp.867-881. DOI 10.1111/pops.12294.
- 42. Faiz M., Karasu A.E. (2020). The Patriotic Attitudes of the Prospective Teachers // International Journal of Psychology and Educational Studies. V.7(1). Pp.124-134. DOI 10.17220/ijpes.2020.01.012.
- 43. Huddy L., Khatlib N. (2020). American Patriotism, National Identity and Political Involvement // American Journal of Political Science. V.51(1). Pp.63-77. DOI 10.1111/j.1540-5907.2007.00237.x.
- 44. Iceland J., Silver E., Goff K. (2023). For whom is patriotism blind? Examining the roles of moral intuitions and system justification // Social Science Research. V.112. Pp.102811. DOI 10.1016/j.ssresearch.2022.102811.
- 45. Kosterman R., Feshbach S. (1989). Toward a Measure of Patriotic and Nationalistic Attitudes // Political Psychology. V.10. Pp.257-274. DOI 10.2307/3791647.
- 46. Livi S., Leone L., Falgares G., Lombardo F. (2014). Values, ideological attitudes and patriotism // Personality and Individual Differences. V.64. Pp.141-146. DOI 10.1016/j.paid.2014.02.040.
- 47. Makeel, R., Ashraf J., Ariyesti F.R., Ali S. (2023). How does patriotism and institutional support affect the social entrepreneurial orientation (SEO) in the presence of social valuation and experiential learning

Patriotism and patriotism of the individual: Theory and practice of measurements. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.69-88. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_07

- for social ventures // Journal of Enterprising Communities: People and Places in the Global Economy. V.17(6). Pp.1315-1337. DOI 10.1108/JEC-04-2022-0058.
- 48. Meng Y. (2024). Analysis of the timeliness of multiple information on college students' patriotism education in the all-media era // Applied Mathematics and Nonlinear Sciences. V.9(1). DOI 10.2478/amns.2023.2.01596.
- 49. Mummendy A., Klink A., Brown R. (2001). Nationalism and patriotism: National identification and outgroup rejection // British Journal of Social Psychology. V.40(2). Pp.159-172. DOI 10.1348/014466601164740.
- 50. Rothi D.M., Lyons E., Chryssochoou X. (2005). National Attachment and Patriotism in a European Nation: A British Study // Political Psychology. V.26(1). Pp.135-155. DOI 10.1111/j.1467-9221.2005.00412.x.
- 51. Schatz R.T., Staub E., Lavine H.G. (1999). On the Varieties of National Attachment: Blind Versus Constructive Patriotism // Political Psychology. V.20(1). Pp.151-174. DOI doi.org/10.1111/0162-895X.00140.
- 53. Vincent A. (2009). Patriotism and Human Rights: An Argument for Unpatriotic Patriotism // The Journal of Ethics. V.13. Pp.347-364. DOI 10.1007/s10892-009-9066-y.

Искаджян А.О.

Cyber bullying and its impact on self-harm in adolescents. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.89-95. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_08

CYBER BULLYING AND ITS IMPACT ON SELF-HARM IN ADOLESCENTS

© Iskajyan A.H.

Ph.D. Applicant, Lecturer of Medical Psychology,
Armenian State Pedagogical University after Kh. Abovyan, Chair of Applied Psychology
Yerevan Haybusak University, Chair of Medical Psychology
Yerevan, Armenia
arminiskajyan@mail.ru

Cyberbullying has emerged as a significant issue in the digital age, posing severe risks to adolescent mental health. Unlike traditional bullying, which occurs in physical or face-to-face environments, cyberbullying leverages digital platforms to harass or intimidate individuals, making it more pervasive and relentless. The continuous and often public nature of cyberbullying can exacerbate emotional distress and lead to profound psychological harm. Despite its increasing prevalence, cyberbullying remains relatively under-studied by psychologists, largely because digital communication is a recent phenomenon, emerging only in the last few decades. Consequently, there is a significant gap in research regarding the psychological impacts of cyberbullying, highlighting the need for more comprehensive studies in this area. This study aims to investigate the relationship between cyberbullying and self-harm among adolescents, emphasizing the urgent need for targeted intervention and prevention strategies. Utilizing a case study methodology, the research offers an in-depth examination of how cyberbullying can lead to self-harm. The article provides a detailed analysis of the complex interactions between digital harassment and maladaptive coping mechanisms. The findings underscore the significant impact of cyberbullying on mental health, illustrating that the severe emotional distress caused by cyberbullying can lead to self-harm. This study provides new insights into the specific ways cyberbullying contributes to selfharm and emphasizes the necessity for effective intervention strategies to support adolescents and mitigate the harmful effects of digital harassment.

Keywords: cyberbullying, adolescent mental health, self-harm, digital harassment, social media, digital platforms, psychological distress, maladaptive coping mechanisms, emotional distress, digital communication, self-injurious behaviors

Introduction

In the digital age, cyberbullying has emerged as a pervasive issue affecting adolescents worldwide. Unlike traditional forms of bullying, cyberbullying involves using information and communication technologies to harm others. This can include sending abusive messages through text or online platforms, posting negative comments on social media, sharing humiliating photos, or making threats and intimidating someone electronically. Unlike traditional bullying, cyberbullying is distinct in several ways. It has the potential to reach a vast and unlimited audience, providing persistent exposure across time and space. Cyberbullying also preserves

harmful words and images in a more permanent form and often occurs without supervision. Additionally, perpetrators typically do not see their victims' reactions, which may lead to a diminished understanding of the full impact of their actions and a corresponding decrease in personal accountability [7].

The purpose of this article is to examine the impact of cyberbullying on adolescent self-harm. Understanding this relationship is crucial because cyberbullying represents a significant and growing issue in the digital age, with profound implications for adolescent mental health. By shedding light on how cyberbullying contributes to self-harm, this

 $DOI: 10.38098/proceedings_2024_04_03_08$

study aims to provide valuable insights that can help practitioners, healthcare providers, educators, and scholars develop more effective prevention and intervention strategies. This, in turn, is essential for mitigating the harmful effects of cyberbullying and enhancing the well-being of adolescents. Addressing these issues can lead to better support systems, more informed policies, and ultimately, a safer online environment for young people.

As cyberbullying is a relatively recent phenomenon, definitional and methodological inconsistencies persist in the literature. For instance, Patchin and Hinduja adopt a more conservative definition, describing cyberbullying as willful and repeated harm inflicted through the use of computers, cell phones, and other electronic devices[9], while Smith, del Barrio, and Tokunaga use a broader definition, characterizing it as using electronic means to intentionally harm someone else [10].

Adolescents are particularly vulnerable to the effects of cyberbullying due to their developmental stage, which is characterized by heightened sensitivity to peer interactions and identity formation. Nearly half of U.S. teens ages 13 to 17 (46%) have experienced at least one form of cyberbullying, according to a Pew Research Center survey. The most common type reported was name-calling, affecting 32% of teens. Other experiences included false rumors spread online (22%) and receiving unsolicited explicit images (17%). Additionally, 15% of teens reported being frequently questioned about their whereabouts or activities by someone other than a parent, 10% faced physical threats, and 7% had explicit images of them shared without consent. Overall, 28% of teens encountered multiple types of cyberbullying [11].

There is growing evidence that cyberbullying leads to higher levels of depression, anxiety, and loneliness compared to traditional bullying. A meta-analysis exploring the links between peer victimization, cyberbullying, and suicide in children and adolescents reveals that cyberbullying is more strongly associated with suicidal ideation than traditional bullying [5]. Additionally, the persistent and recurring nature of cyberbullying exacerbates its impact on adolescents, making it a particularly significant issue. Adolescents' emotional responses

to cyberbullying vary in severity and type, but the most common feelings among victims include anger, sadness, anxiety, fear, concern, and depression [2].

Compared to traditional forms of bullying, online bullying poses a greater risk for suicidal thoughts in adolescents. Firstly, teens who are bullied online are less likely to report the abuse or seek help, increasing their risk of suicidal behavior. Secondly, online bullying can be more harmful as it can occur at any time and place, leading to prolonged exposure and higher suicide risk. Additionally, the anonymity of online bullies may reduce the consequences they face [1].

Existing literature indicates that a substantial number of young people worldwide engage in self-injurious behaviors. Muehlenkamp et al. [6] conducted a systematic review of 52 studies involving adolescents and found a mean lifetime prevalence of 18.0% for nonsuicidal self-injury and 16.1% for deliberate self-harm. The high prevalence rates, combined with strong associations with recurrent self-injury and suicidal behaviors, highlight the significant health concerns associated with these issues [3].

Nonsuicidal self-injury refers to the intentional act of causing harm to one's own body without the intent of suicide. This behavior includes methods such as cutting, burning, scratching, and hitting oneself. Unlike suicidal self-harm, nonsuicidal self-injury is performed for reasons not sanctioned by society and often serves as a coping mechanism for emotional distress [8].

Prior to the early 2000s, this behavior was relatively overlooked, but key studies and developments during this period have significantly advanced our understanding. Notable contributions include Kim L. Gratz's influential measure for assessing nonsuicidal self-injury, E. David Klonsky's findings on its prevalence and psychiatric implications in both clinical and nonclinical populations, and Matthew K. Nock and Mitch J. Prinstein's exploration of the underlying motivations for this behavior. Additionally, Jennifer J. Muehlenkamp has emphasized the need to distinguish nonsuicidal self-injury from other self-injurious behaviors, such as suicide attempts, advocating for its recognition as a

distinct clinical syndrome. This growing body of research underscores the importance of addressing nonsuicidal self-injury with appropriate clinical strategies and interventions [4].

As cyberbullying becomes increasingly prevalent, its unique characteristics – such as its wide reach and persistent nature – intensify its effects on mental health. This study sheds light on the connections between cyberbullying and various forms of self-injury, offering crucial insights into how digital harassment contributes to emotional distress among young people. By exploring the specific ways in which cyberbullying exacerbates self-harm, the findings can help develop targeted interventions that address both the immediate and long-term needs of affected adolescents.

Methods

In our research, we used the case study method to explore the relationship between cyberbullying and self-harm in adolescents. This approach involves a thorough examination of a subject within its real-world context, facilitating a detailed understanding of complex phenomena. Case studies are particularly effective for investigating intricate and unique situations, providing valuable insights into specific cases and their relevance to psychological theories and principles. We chose this method for its ability to offer comprehensive and detailed analyses, which is crucial when addressing multifaceted issues like cyberbullying.

We selected this approach due to its effectiveness in delivering thorough and nuanced analyses, which is essential when examining multifaceted issues like cyberbullying.

Case Study 1

Emily (a pseudonym) is a 15-year-old high school student who has faced significant emotional challenges following her parents' divorce. After the separation, Emily was primarily raised by her grandmother, who provided a stable and supportive environment. Despite her grandmother's loving care, Emily struggled with the emotional fallout from the family split, which contributed to her gaining extra weight. In an effort to cope with her feelings and find a sense of belonging, Emily turned to

social media. Initially, she found solace and validation through posting selfies and interacting with others online. The positive feedback and social connections she received helped her escape from her personal difficulties and boosted her self-esteem.

However, Emily's experience with social media took a distressing turn when a group of her school-mates began targeting her. These peers focused on Emily's appearance and extra weight, using her social media accounts as a platform for their bullying. They left derogatory comments, belittling her and making fun of her body. The negativity was persistent and public, further exacerbating her emotional pain.

The cyberbullying Emily experienced included derogatory comments and public humiliation. Her posts were flooded with hurtful remarks about her weight and appearance. These comments were designed to mock and demean her, contributing to her growing anxiety and self-doubt. The bullies used Emily's social media presence to embarrass her in front of her peers, making her feel increasingly isolated and unworthy.

Emily developed significant anxiety about leaving the house, feeling as though nobody liked her. This anxiety affected her daily life, making her reluctant to participate in social activities and school.

The continuous barrage of negative feedback made Emily feel belittled and ignored. She began to perceive herself as worthless and unwanted. The relentless harassment led to deep sadness and a sense of hopelessness. Emily's self-esteem was severely damaged, and she began to withdraw from friends and activities she once enjoyed.

As her emotional distress intensified, Emily began to significantly reduce her food intake. Initially, she cut back gradually, but over time, her avoidance of eating became more severe. Despite experiencing noticeable physical and mental decline, she continued to restrict her food intake. This pattern of restrictive eating resulted in severe health issues, including malnutrition and weakness. Her condition worsened to the point where she required emergency medical care and was admitted to the hospital.

Following this, Emily sought professional psychological help and began therapy to address both

her emotional distress and the disordered eating behaviors that had developed as a coping mechanism. With continued support, Emily has made significant strides in improving her mental health and has started to adopt healthier eating habits. She is now better equipped to manage her anxiety and effectively handle the challenges posed by cyberbullying. Although her journey has been challenging, Emily's situation is gradually improving, and she is finding renewed hope and resilience as she continues on her path to recovery.

Case Study 2

Sophia (a pseudonym) is a 16-year-old high school junior who grew up in a middle-class suburban neighborhood. She has always been a bright and ambitious student, involved in various extracurricular activities, including the school debate team and community service projects. Sophia lives with her parents and an older brother, who is away at college. Her family is supportive, but they have a busy schedule that often leaves Sophia feeling somewhat alone.

Sophia's troubles began when she started dating her boyfriend, Alex (a pseudonym), who was also a student at her high school. Initially, their relationship seemed positive and supportive. However, as their relationship progressed, Sophia felt pressure to prove her affection and commitment. In a moment of vulnerability, she sent intimate photos of herself to Alex.

Unfortunately, Alex shared these photos with his friends, and soon, they were circulated among hundreds of students at their high school. The images were spread across various social media platforms, including Facebook, Instagram, and Snapchat. The photos quickly became a subject of widespread ridicule and harassment.

Sophia's peers made cruel remarks about her appearance, and some even threatened her. The constant barrage of negativity led to a significant deterioration in her mental health.

The impact on Sophia was profound. She experienced intense feelings of shame, embarrassment, and anxiety. The public nature of the bullying exacerbated her distress, making her feel exposed and vulnerable. Sophia became increasingly isolated,

withdrawing from her friends and extracurricular activities. Her academic performance began to suffer, and she struggled to concentrate on her studies.

As Sophia's emotional distress intensified in response to the relentless cyberbullying, she began to struggle with overwhelming feelings of shame, helplessness, and despair. In an attempt to cope with the intense stress and emotional pain, Sophia started to engage in self-harming behaviors.

Initially, her self-harm involved small acts of cutting her arms with a blade, which she had kept hidden from her family and friends. These acts of self-harm provided a temporary, albeit unhealthy, release from her internal turmoil. The physical pain served as a distraction from the emotional pain she was enduring, offering a brief sense of control and relief. The cutting became a recurring behavior as Sophia found it increasingly difficult to manage her anxiety and depression. Each time she felt overwhelmed by the cyberbullying or the breach of her privacy, she resorted to self-harm as a way to cope. Despite the temporary sense of relief, Sophia's actions led to a cycle of shame and guilt, further exacerbating her emotional distress.

Sophia's arms began to show signs of her self-harming behavior, with visible cuts and scars. Her worsening physical and emotional state eventually became noticeable to her parents, who were deeply concerned about the changes they saw in her. They observed her withdrawal from activities, a decline in her overall demeanor, and discovered the signs of self-harm when they found her in a vulnerable state.

This revelation led them to seek immediate help for Sophia. Through therapy, Sophia learned alternative strategies to manage her stress and emotional pain. Although Sophia's recovery was gradual and ongoing, she began to regain her confidence and sense of self. She worked on repairing her self-esteem and learning to navigate social media more safely. While the experience left a lasting impact, Sophia's journey through therapy helped her build resilience and hope for the future.

Discussion

Cyberbullying is a pervasive issue that can have severe psychological consequences, particularly for adolescents. It often exacerbates existing emotional vulnerabilities and can lead to maladaptive coping mechanisms. This discussion analyzes two cases of adolescent girls who experienced severe cyberbullying and engaged in self-harm.

Forms of Self-Harm: Both Emily and Sophia engaged in self-harm, but their methods were different. Emily's self-harm was manifested through restrictive eating, which involved reducing her food intake significantly. This behavior, while less visibly immediate than cutting, was a way to manage emotional pain and exert control over her life. In contrast, Sophia's self-harm involved cutting, which provided immediate, albeit temporary, relief from emotional distress. Both forms of self-harm reflect the underlying emotional pain and maladaptive coping strategies of the individuals.

Psychological Mechanisms:

• Control and Distraction: For Emily, restricting food intake was a method of exerting control in a situation where she felt powerless due to cyberbullying. The act of controlling her eating offered a distraction from the emotional pain and served as a way to cope with her sense of worthlessness.

For Sophia, cutting provided a direct, albeit harmful, means of controlling her emotional turmoil. The physical pain of cutting temporarily distracted her from the intense feelings of shame and helplessness.

• Cycle of Shame: Both individuals experienced a cycle of shame related to their self-harming behaviors. Emily's restrictive eating led to physical health problems and further feelings of inadequacy, while Sophia's cutting resulted in visible scars and guilt, exacerbating her emotional distress.

Therapeutic Intervention: Both Emily and Sophia's cases underscore the need for targeted therapeutic interventions to address the complex issues related to cyberbullying and self-harm. For Emily, therapy focused on rebuilding self-esteem, improving eating habits, and managing anxiety related to cyberbullying. For Sophia, therapy aimed to address the trauma of public humiliation, provide healthier coping mechanisms, and rebuild self-confidence.

The cases of Emily and Sophia illustrate the profound impact of cyberbullying and the diverse ways in which individuals may engage in self-harm as a response to their emotional distress. Emily's disordered eating and Sophia's cutting highlight different expressions of self-harm and underscore the need for comprehensive support and intervention.

Conclusion

Cyberbullying, characterized by the use of digital platforms to harass, intimidate, or embarrass individuals, poses a severe risk to adolescent mental health. Unlike traditional bullying, its pervasive nature and 24/7 reach can exacerbate emotional distress, leading to significant psychological harm. The constant and often public exposure makes it a particularly insidious form of harassment, contributing to increased feelings of shame, anxiety, and isolation.

Our study, through detailed case analyses of Emily and Sophia, reveals that cyberbullying can indeed lead to self-harm. Emily's restrictive eating and Sophia's cutting are two distinct yet profound examples of how cyberbullying can drive adolescents to engage in harmful coping mechanisms. These cases illustrate the direct link between cyberbullying and self-harm, emphasizing how severe emotional distress can manifest in various self-destructive behaviors.

This study is unique in its detailed examination of the relationship between cyberbullying and self-harm through individual case studies. By exploring how digital harassment leads to maladaptive coping strategies, the research highlights the urgent need for both immediate and long-term intervention strategies. The findings underline the urgent need for comprehensive prevention and intervention strategies to address both the immediate psychological impact of cyberbullying and the long-term recovery of affected adolescents.

REFERENCES

- 1. Binji J. (2023). Impacts of Cyberbullying and Its Solutions // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. V. 29(1). Pp. 254-258. DOI: https://doi.org/10.54254/2753-7048/29/20231521
- Gohal G., Alqassim A., Eltyeb E., Rayyani A., Hakami B., Faqih A., Hakami A., Qadri A., Mahfouz M. (2023). Prevalence and related risks of cyberbullying and its effects on adolescents // BMC Psychiatry. V. 23(1). Pp.39. DOI: https://doi.org/10.1186/s12888-023-04542-0
 Hawton K., Bergen H., Casey D., Simkin S., Palmer B., Cooper J., Kapur N., Horrocks J., House A., Lilley R., et al. (2007). Self-Harm in England: A tale of three cities // Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology. V.42. Pp.513–521. DOI: https://doi.org/10.1007/s00127-007-0199-7
- 3. Klonsky D.E., Victor S.E., Saffer B.Y. (2014). Nonsuicidal Self-Injury: What We Know, and What We Need to Know // The Canadian Journal of Psychiatry. V.59(11). Pp.565-568. DOI: https://doi/10.1177/070674371405901101
- 4. Landstedt E., Persson S. (2014). Bullying, cyberbullying, and mental health in young people // Scandinavian Journal of Public Health. V.42(4). Pp.393–399. DOI: https://doi.org/10.1177/1403494814525004
- Muehlenkamp J.J., Claes L., Havertape L., Plener P.L. (2012). International prevalence of adolescent non-Suicidal self-Injury and deliberate self-Harm // Child Adolescent Psychiatry and Mental Health. V.6. Pp.10. DOI: https://doi.org/10.1186/1753-2000-6-10
- 6. Nixon C. (2014). Current perspectives: the impact of cyberbullying on adolescent health // Adolescent Health Medicine and Therapeutica. V.5. Pp.143–158. DOI: https://doi.org/10.2147/AHMT.S36456
- 7. Nock M.K., Joiner T.E., Gordon K.H., Lloyd-Richardson E., Prinstein M.J. (2006). Non-suicidal self-injury among adolescents: diagnostic correlates and relation to suicide attempts // Psychiatry Research. V.144(1). Pp.65–72. DOI: https://doi.org/10.1016/j.psychres.2006.05.010
- 8. Patchin J.W., Hinduja S. (2006). Bullies move beyond the schoolyard: a preliminary look at cyberbullying // Youth Violence and Juvenile Justice. V.4(2). Pp.148-169. DOI: https://doi.org/10.1177/1541204006286288
- 9. Smith P.K., del Barrio C., Tokunaga R. (2013). Definitions of cyberbullying: how useful are the terms? // In: Bauman S., Cross D., Walker J. editors. Principles of Cyberbullying Research: Definitions, Measures, and Methodology. New York, NY: Routledge. Pp.26-45. URL: https://www.researchgate.net/publication/233758575_Smith_PK_del_Barrio_C_y_Tokunaga_R_2012_Definitions_of_Bullying_and_Cyberbullying_How_Useful_Are_the_Terms_In_S_Bauman_J_Walker_y_D_Cross_Eds_Principles_of_Cyberbullying_Research_Definitions_measures_
- 10. Vogels E. (2022). Teens and Cyberbullying 2022 // Pew Research Center. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2022/12/15/teens-and-cyberbullying-2022/#fn-92711-1

КИБЕР БУЛЛИНГ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА САМОПОВРЕЖДЕНИЯ У ПОДРОСТКОВ

© Искаджян А.О.

Соискатель ученой степени, преподаватель медицинской психологии, Армянский государственный педагогический университет имени Х. Абовяна, кафедра прикладной психологии Ереванский университет Айбусак, кафедра медицинской психологии Ереван, Армения arminiskajyan@mail.ru

Кибербуллинг стал значительной проблемой в цифровую эпоху, представляя серьезные риски для психического здоровья подростков. В отличие от традиционного буллинга, который происходит в физическом окружении или лицом к лицу, кибербуллинг использует цифровые платформы для преследования или запугивания людей, что делает его более распространенным и доступным. Постоянный и часто публичный характер кибербуллинга может усугублять эмоциональное напряжение и приводить к глубоким психологическим травмам. Несмотря на растущую распространенность, кибербуллинг остается относительно малоизученным феноменом, поскольку цифровая коммуникация является недавним явлением, возникшим только в последние несколько десятилетий. В результате существует значительный пробел в исследованиях психологических последствий кибербуллинга, что подчеркивает необходимость более комплексных исследований в этой области. Проведенное исследование направлено на изучение взаимосвязи между кибербуллингом и самоповреждением у подростков, подчеркивая срочную необходимость целенаправленных интервенций и стратегий предотвращения. Используя методологию кейс-исследований, работа предлагает глубокое изучение того, как кибербуллинг может привести к самоповреждению. Статья предоставляет детальный анализ сложных взаимодействий между цифровым преследованием и дезадаптивными механизмами копинга. Результаты подчеркивают значительное влияние кибербуллинга на психическое здоровье, иллюстрируя, что серьезное эмоциональное напряжение, вызванное кибербуллингом, может привести к самоповреждению. Это исследование показывает новые способы, которыми кибербуллинг провоцирует самоповреждение, и подчеркивает необходимость эффективных стратегий интервенции для поддержки подростков и смягчения вредных последствий цифрового преследования.

Ключевые слова: кибербуллинг, психическое здоровье подростков, самоповреждение, цифровое преследование, социальные сети, цифровые платформы, психологическое напряжение, дезадаптивные механизмы копинга, эмоциональное напряжение, цифровая коммуникация, самоповреждающее поведение

ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ НА САЙТАХ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

© Шилова О.

Московский институт психоанализа, Россия, Москва twixel@mail.ru

© Волченков Д.

Техасский Технологический университет (Texas Tech University), Лаббок, Техас, США dimitri.volchenkov@ttu.edu

Быстрое проникновение цифровых технологий во все области человеческой жизни, включая интимную сферу, остро ставит вопросы построения и поддержания отношений между людьми в виртуальной реальности. В статье рассматриваются психологические проблемы виртуальных отношений на социальных платформах для взрослых, что в отечественной литературе встречается крайне редко. Основной вывод исследования состоит в том, что виртуальные отношения между аватарами не соответствуют отношениям между живыми людьми, поэтому решения, принимаемые на основе опыта построения реальных отношений, не всегда приводят к позитивным результатам в виртуальной реальности. В статье выделены психологические типы моделей вебкама и их виртуальных клиентов, рассматриваются отношения между участниками веб-взаимодействия на основе виртуального драматического треугольника, а также отношения виртуальной созависимости.

Ключевые слова: общение в виртуальном пространстве, виртуальные отношения, виртуальный драматический треугольник, отношения виртуальной созависимости

Введение

Стремительное развитие цифровых технологий и быстрое внедрение передовых методов Искусственного Интеллекта (ИИ) оказывают значительное влияние на все стороны человеческой жизни, включая общение, межличностное взаимодействие, в том числе интимную сферу. Важнейшую роль в цифровой трансформации межличностных отношений играют социальные сети, которые по оценкам специалистов Всемирного банка уже давно охватили более половины населения Земли [6].

Социальные платформы не только предоставляют своим пользователям возможность общения друг с другом в реальном времени, невзирая на расстояния — поверх границ, культур, рас, возрастных категорий и гендерных ролей, но и

делают их участниками глобального цифрового косплея — костюмированной игры, допускающей как экспериментирование с собственной идентичностью, так и цифровую социальную активность в рамках разнообразных виртуальных сообществ.

Правительства ряда стран уже приняли решения о возможной регистрации дистанционных браков онлайн через аппликацию в телефоне, с церемонией бракосочетания по видеосвязи. В цифровом мире начинает появляться так называемый дигитальный брак. Обсуждаются лишь детали, например, размер госпошлины за агрегацию учетных записей.

Глава Национального агентства по борьбе с преступностью Великобритании заявил, что изнасилования и убийства, совершенные в

виртуальной реальности, возможно, придется рассматривать как уголовные преступления, поскольку они оказывают реальное психологическое воздействие на жертв. Известен и широко обсуждается случай виртуального изнасилования 16-летней пользовательницы в метавселенной видеоигры Horizon Worlds группой из нескольких аватаров-мужчин [10].

Важно заметить, что чат-боты и роботы виртуальной реальности с элементами ИИ по всему миру активно включились в цифровой маскарад на равных с миллионами реальных людей, от которых отличить их уже не представляется возможным

Индустрия веб-камер изменила способы общения между людьми, а распространение технологий присутствия и погружения, передающих действия партнеров на расстоянии через гарнитуру виртуальной реальности привело к широкому распространению виртуальных сексуальных отношений на денежной основе. Свой четверть вековой юбилей в этом году отмечает вебкам — социальные видеотрансляции, предоставляющие возможность платного общения моделей со зрителями. Уже выросло поколение молодых людей — диджи сексуалов, получивших свой основной интимный опыт онлайн и теперь испытывающих трудности при попытке завязать отношения с реальными партнерами [12].

Во время пандемического локдауна миллиарды людей на планете оказались буквально замкнуты в виртуальной реальности в то время, как их физические тела были заточены в домах и квартирах. В годы пандемии посещаемость вебкам-сайтов выросла на 75%, поскольку эта технология стала для многих не просто единственным способом удовлетворить свои потребности (в том числе и сексуальные), но порой и последней возможностью социального общения.

Только за первые 4 месяца 2020 года число моделей, зарегистрированных на сайте Стрипчат возросло на 30%. Платформа Чатурбейт сообщила о более чем 321 миллионе посещений своих страниц при 55% росте общего времени просмотра прямых трансляций. Сайт Бонгакамс сообщил об увеличении своего веб-трафика на

100 миллионов посещений за первый месяц пандемического локдауна. Другой важной вехой развития вебкама стал продолжающийся мировой экономический и политический кризис, сопровождающийся как общим ухудшением уровня жизни в большинстве стран мира, так и исторически беспрецедентными по масштабам потоками беженцев, для многих из которых виртуальный интим за деньги стал единственным способом заработать и выжить в чужой стране.

Сексология как раздел психологии, имеющий целью оказание помощи людям, испытывающим затруднения в интимной жизни, имеет более, чем вековую историю. Множество зарубежных и отечественных авторов, таких как Х. Эллис, З.Фрейд, У. Мастерс, В. Джонсон, И.С. Кон, Л.М. Щеглов и др., сформировали как представления о нормальной сексуальности, так и об изменчивости сексуальных практик, включая сексуальные девиации и сексуальные расстройства [1].

Важно отметить, что виртуальные (в частности, интимные) отношения в сети Интернет не являются отношениями между живыми людьми, это скорее воображаемые отношения между человеком и его цифровым аватаром. Отношения в виртуальной паре всегда выстраиваются на виду и при участии всех агентов виртуального процесса. Виртуальное пространство обладает особым социальным временем, исключающим человека из реальности, где бы он не находился, и приходится прикладывать немалые усилий, чтобы сохранить связь с живыми людьми своего географического времени.

Виртуальные отношения – безопасные, но безагентные

По состоянию на 2024 год число зарегистрированных пользователей только одной платформы OnlyFans превысило 210 миллионов человек [9]. Сервис доступен во многих странах, в том числе в США, Великобритании, Австралии, Канаде и Индии, а его охват распространяется на фанатов из более, чем 187 стран. По состоянию на 2023 г. на сервисе было зарегистрировано 2,1 миллиона создателей контента — моделей, и ежедневно увеличивалось на 500000

новых пользователей, что соответствовало темпу роста всей платформы на 70% в месяц.

Демографический профиль пользователей показывает, что платформа особенно популярна среди мужчин в возрасте от 35 до 44 лет, которые составляют 87% ее аудитории, в то время как пользователи-женщины составляют всего 10%, а еще 3% предпочитают не раскрывать свой пол. Несмотря на распространенное мнение, контент прямых трансляций не ограничивается одними только материалами для взрослых, хотя около 70% трансляций классифицируется как «Небезопасные для работы». Платформа также поддерживает широкий спектр создателей других типов контента, включая инструкторов по фитнесу, музыкантов, репетиторов, лекторов и многих других, предлагая им средства монетизации видеопередач посредством оформления подписок стоимостью от 5 до 50 долларов США.

Такой вид взаимодействия как виртуальный секс предоставляет шанс интимного контакта людям, чьи возможности найти реального партнера ограничены обстоятельствами жизни, состоянием здоровья или психологическими особенностями личности. Известно, что мужчины боятся красивых женщин, а женщины — умных мужчин, потому что они несут друг для друга высокую степень неопределенности в отношениях.

Некоторые специалисты рассматривают виртуальный секс как некую утопию, привыкая к которой, люди теряют навыки коммуникации в реальности. Как отмечают сексологи и психотерапевты, выстраивание реальных личных отношений у многих людей вызывает трудности, а виртуальные отношения делают жизнь проще. Особенно это свойственно незрелым личностям, плохо осознающим грань между виртуальной и настоящей реальностью [2; 3].

С одной стороны, в условиях виртуального секса, невозможно не понравиться партнеру, быть отвергнутым, потерпеть физиологическую неудачу или заразиться — он безопасен. С другой стороны, такие взаимоотношения лишают человека агентности, когда фокусом физических ощущений и эмоциональных переживаний

оказывается сам человек. В этом смысле подобные отношения не являются отношениями живых людей — это лишь функционально ограниченные коммуникации между виртуальными аккаунтами на социальных платформах.

Виртуальные отношения очень похожи на реальные в плане взаимодействия между людьми, отсутствует только тактильный контакт. Однако, поддерживать такие отношения несравнимо легче, чем реальные. Проявление таких чувств как забота, внимание и любовь в виртуальных отношениях возможно только на словах, поэтому остро встает вопрос деформации эмоциональной сферы личности. Очевидно также, что в ближайшее время появится и еще одна проблема — это проблема восполнения населения, последствия которой для многих стран, учитывая процессы миграции, могут оказаться весьма печальными.

Виртуальный секс эгоцентричен и поэтому в большей степени идеален для людей, склонных к избегающему типу привязанности – недоступных, скрытных, нуждающихся в защитном (компьютерном) экране между собой и другими [7]. Мужчина с сексуальными комплексами склонен платить за внимание и легко привязывается к партнеру, которому платит, доверяя лишь отношениям по тарифу. Женщины этого типа ведут себя аналогично, поскольку не верят в то, что кто-то сможет их по-настоящему полюбить.

Роль модели в таких взаимоотношениях может проявляться, с одной стороны, в зависимом положении по отношению к клиенту, который выступает в роли критика, часто указывает на моральные недостатки профессии вебкама, контролирует ее расписание, диктует правила взаимодействия и др. С другой стороны, получая помощь и поддержку от клиента другого психологического типа, модель оказывается в роли манипулятора по отношению к нему.

Таким образом, гипотетически, структура виртуальных психологических отношений вебкама может соответствовать умозрительной модели Драматического треугольника Карпмана [8; 11], популярной в психологии и психотерапии, или — отношениям виртуальной созависимости, если критик и благодетель оказывается одним и тем же лицом. Хотя на сегодняшний день нет достоверных данных, подтверждающих безусловную справедливость модели Драматического треугольника в отношениях живых партнеров, она вполне очевидна в функционально ограниченных коммуникациях между виртуальными аватарами модели и ее клиентов.

Виртуальный драматический треугольник (ВДТ)

Работа С. Карпмана «Анализ сказки и сценария драмы», в которой был введен драматический треугольник, ставший универсальной моделью в психологии и психотерапии, совсем не касалась вопросов психологии отношений. Автор отмечал, что в анализе драмы необходимы только три роли, чтобы изобразить эмоциональные развороты, составляющие драму. Этими ролями являются: Преследователь, Спасатель и Жертва. Драма начинается, когда эти роли установлены или ожидаются публикой. Драмы не будет, если не произойдет смена ролей [11].

Свои построения в работе С. Карпман иллюстрировал разбором сюжетов европейских сказок, а не примерами из реальной жизни. Тем не менее, веками кодифицированные отношения Коломбины, Арлекина и Пьеро - всем известных персонажей комедии дель арте, стали расхожей метафорой в психологии отношений, благодаря удивительной объяснительной силе сюжета. Отношения между людьми в реальной жизни слишком сложны, чтобы их можно было достоверно описать в рамках концепции драматического треугольника из сказок и комедий, однако в виртуальных отношениях на социальных платформах для взрослых роли участников предельно упрощены ограниченными возможностями общения - короткими сообщениями и пожертвованиями, за которыми могут наблюдать, соревнуясь друг с другом в щедрости, все зрители трансляции.

Модель может быть прямо заинтересована в установлении виртуального драматического треугольника, потому что ее доход в этом случае растет за счет естественного соперничества

«рыцарей» за ее внимание и время. Уникальность ВДТ состоит в том, что он объединяет в себе не только виртуальные отношения между аватарами модели и ее рыцарей, которые являются основным источником эмоций и переживаний, но и отношения между реальными партнерами, а также теневые отношения между рыцарями, их реальными партнерами и моделью (рис. 1).

Задача виртуального драматического треугольника состоит в генерации эмоций, которых не хватает рыцарям в реальной жизни. При этом виртуальный треугольник может играть положительную роль в сохранении семьи, поскольку рыцарь способен осуществлять психологический перенос положительных эмоций, пережитых им в отношении модели, на своего реального партнера, что может оживить угасающие чувства в паре.

В треугольнике каждый из участников обладает разной возможностью выступать в качестве преследователя, спасателя или жертвы, хотя их роли периодически меняются. Так модель, которая нуждается в материальной и эмоциональной поддержке, чаще оказывается в роли жертвы (например, вследствие грубого поведения партнера). С одной стороны, она ищет спасателя (одного или нескольких), который может помочь ей пожертвованиями и морально поддержать ее. С другой стороны, подсознательно опасаясь быть отверженной, пытаясь прочувствовать свою значимость и неотразимость, модель хочет быть с преследователем, который стыдит ее, контролирует и выдвигает условия для продолжения отношений.

Впрочем, и рыцарь-спасатель приходит модели на помощь вовсе не из любви, а чтобы почувствовать собственную значимость. У благодарности нет тарифа, поэтому человек, назначивший себя спасателем, обычно совсем не удовлетворен эмоциональным состоянием своих отношений с моделью. Ему хочется постоянного признания его заслуг, еще большего восхищения и чего-то «особенного», что невозможно получить дистанционно, в принципе.

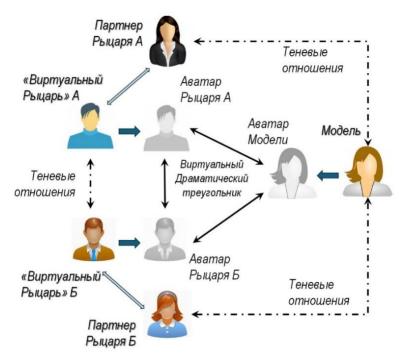

Рис. 1. Схема виртуального драматического треугольника

В свою очередь, не имея возможности удовлетворить постоянно растущие запросы спасателя в рамках виртуальных отношений, модель начинает отдалять его от себя, минимизируя общение. Растущий дисбаланс в отношениях ведет к эмоциональной неудовлетворённости и накоплению агрессии с обеих сторон, и рано или поздно спасатель превращается в преследователя. В этой роли он предъявляет обвинения модели, требует от нее особого отношения, претендуя на ее личное время без ограничений, хотя и не понимает, как будет его использовать и чем занимать. Роли в треугольнике на короткое время меняются, спасателем становится другой рыцарь, происходит неизбежная эмоциональная разрядка.

Каждый участник виртуального драматического треугольника удовлетворяет свои глубинные потребности и получает своеобразное удовольствие от игры, сохраняя при этом привычный и удобный ему образ жизни. ВДТ также удобен и настоящим (реальным) партнерам виртуальных рыцарей, потому что последние могут направить свою скрытую агрессию на модель, которую можно безнаказанно обвинять и ненавидеть.

Накал страстей в ВДТ ничем не уступает переживаниям в реальном любовном треугольнике, а настроение и гормональный баланс модели принадлежат ее виртуальным рыцарям, которые буквально распоряжаются ее эмоциями, осуществляя пожертвования, проводя с ней многие часы общения вне сайта и расточая несбыточные обещания.

Выход из ВДТ осуществляется через уничтожение одним из участников треугольника своего аккаунта на социальной платформе и прекращением дальнейшего общения с остальными его участниками за пределами сайта. Быстрая потеря интереса к видеотрансляциям при отсутствии аккаунта убедительно показывает, что виртуальные отношения на социальных платформах для взрослых — это, по сути, отношения не между реальными людьми, которые их посещают, а между некими их виртуальными аватарами, которые существуют временно и лишь в условиях виртуальной реальности.

Отношения виртуальной созависимости (OBC)

В основе отношений созависимости лежит глубокая неуверенность в себе — низкая самооценка, часто формирующаяся в результате

психологических травм и неудач, пережитых в ходе прошлых отношений. Очевидно, что негативный опыт, полученный в реальной жизни, сказывается на ситуациях, складывающихся в виртуальных отношениях, и наоборот. Человек, испытавший предательство или разрыв романтических отношений не по своей инициативе, перестает верить в свою способность снискать чью-то любовь, саму любовь путает с эфемерной похотью и впоследствии строит отношения исключительно с теми, кого он способен полностью контролировать. Возникающие отношения, хотя и основаны на подарках, заботе и вежливости, не равноправны, а поляризованы - в них созависимый человек подчиняется психологическому влиянию партнера [4].

В большинстве случаев инициатива в созависимых отношениях принадлежит мужчине и модель, работающая на социальной платформе для взрослых, может показаться ему идеальной кандидатурой для создания «виртуальной семьи». В некоторых случаях отношения виртуальной созависимости, в которых клиент-мужчина играет главную роль, заканчиваются реальным браком. Можно выделить три возможных сценария такого союза. Во-первых, поскольку виртуальные партнеры обычно живут далеко друг от друга, порой даже в разных странах, и переезд может быть затруднен, то самый распространенный вид брака у моделей – гостевой. В этом случае и модель, и ее избранник остаются на сайте, общего хозяйства не ведут, но время от времени приезжают друг к другу в гости или встречаются на нейтральной территории, например, на курорте. Такой брак зачастую не оформляется официально и мало отличается от эскорта. Неудивительно, что в течение нескольких сезонов гостевой союз обычно прекращается, поскольку узнать и полюбить друг друга заочно практически не удаётся никому.

Второй вариант сценария сетевого знакомства, в котором забота, любовь и привязанность виртуального кавалера выражаются в его регулярных подарках и пожертвованиях модели, может закончиться реальным, хотя и неравным браком. При этом модель чаще всего остается работать на сайте, потому что не может

преодолеть психологической изоляции, например, войти в социальный круг мужа и быть признанной обществом. Бывший клиент остается абсолютным хозяином, решает проблемы супруги и осуществляет полный контроль над ее жизнью.

Встречается и третий сценарий, когда модель после знакомства в сети уже в реальном браке приобретает агентность в результате рождения ребенка. Девушки часто используют вебкам вместо службы знакомств, преследуя цель создания семьи, например с иностранцами. Однако такие браки редко оказываются стабильными [5].

Отношения виртуальной созависимости, в которых ведущую роль играет женщина-модель, а ее клиент-мужчина является виртуальным альфонсом, безвозмездно узурпирующим время модели, реальным браком чаще всего не заканчиваются — такие случаи не получают широкой известности.

Виртуальный партнёр всегда становится для созависимого человека «барометром», определяющим его чувства и поведение, потому что для созависимости характерно размывание личных границ [13]. В итоге, искренне жалея и пытаясь «спасти» виртуального партнера, созависимый человек лишь укрепляет его саморазрушительное поведение путём отражения незрелых механизмов психологической защиты [4].

Заключение

Современные семейные и романтические отношения, особенно в западном обществе, старающемся быть слепым к различиям между мужчинами и женщинами, жестко кодифицированы. Времена «Странников в ночи» Фрэнка Синатры канули в лету — теперь женщине недостаточно взгляда мужчины, чтобы «дать ему согласие на танец». В равноправном браке все больше тем для разговоров табуированы, а взаимоотношения строго функциональны. В этих условиях сайты для взрослых предоставляют уникальный шанс, компенсируя недостающее общение, особенно если человек выпал из привычного расписания по обстоятельствам жизни.

Вебкам становится все более известной сферой деятельности. С молниеносной скоростью развиваются цифровые технологии в этой сфере, и уже никого не удивить моделью, созданной нейросетью – пока их, конечно, единицы, но они пользуются большим успехом у клиентов. По прогнозам специалистов в течение ближайших 10 лет таких ИИ-ботов будет в разы больше, и многие живые модели не смогут выдержать конкуренции. Однако очевидно и то, что живое человеческое общение не исчезнет, и нейросети не смогут полностью заменить живых моделей. По статистике если еще 5 лет назад на одном сайте одновременно вели трансляции две или три тысячи моделей, то сейчас их насчитывается 10-12 тысяч, а зрителей – миллионы. И как было сказано выше, появляется опасность, что развитие виртуального мира может привести к массовому снижению традиционных брачных союзов и, как следствие, к снижению рождаемости.

Трансформация и изменения отношений в реальных парах под влиянием использования вебкам зависит от многих факторов, например, от мотивации человека - зачем он туда ходит, какие потребности там удовлетворяет, сколько тратит на это денег из семейного бюджета.

Как показывает анализ, существует значительная группа пользователей сайтов для взрослых, которым просто не хватает реального общения. Они заходят туда «поболтать» в рабочее время, потому что им скучно сидеть в офисе, но много и таких, которые имеют особые сексуальные фантазии, которые не могут реализовать со своими реальными партнерами. И это целесообразно рассматривать как фундаментальную научную и прикладную проблему, поскольку природа человеческого сознания сложна и изучена недостаточно.

Литература:

- 1. Кон И.С. Сексология. Учебное пособие. М.: АСАДЕМА, 2004.
- 2. Полеев А.М. Другая сторона секса. Большинству о меньшинстве. СПб.: Питер, 2005.
- 3. Полеев А.М. Как сохранить SEX в супружестве. М.: Эксмо, 2013.
- 4. Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости / Перевод с англ. А.Г. Чеславской. М.: Независимая фирма "Класс", 2002.
- 5. Цитович Л.В., Никишов А.Б. Брак и иные виды семейных союзов в зарубежных странах // Новый юридический вестник. 2019. № 2(9). С. 23–26. URL: https://moluch.ru/th/9/archive/123/3813/ (дата обращения 19.03.2024).
- 6. Эксперты Всемирного банка оценили полезный потенциал соцсетей // Новости ООН: Глобальный взгляд. Человеческие судьбы. 23 января 2021. https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395032 (дата обращения 10.03.2024)
- 7. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1978.
- 8. Berne E. What Do You Say After You Say Hello? London: Bantam Books, 1973.
- 9. Eser A. OnlyFans User statistica reveal platforms explosive growth and earnings // ZIPDO. 25.07.2024. URL: https://zipdo.co/statistics/onlyfans-user/ (доступ 11.03.2024)
- 10. France A. Police investigate virtual rape of girl in metaverse // The Standard. 2 January 2024. URL: https://www.standard.co.uk/news/crime/metaverse-rape-case-police-daily-mail-internet-npcc-b1129844.html (доступ 12.03.2024)
- 11. Karpman S.B. Fairy tales and script drama analysis // Transactional Analysis Bulletin. 1968. V. 7(26). URL:https://www.karpmandramatriangle.com/pdf/DramaTriangle.pdf
- 12. McArthur N., Twist M. The rise of digisexuality: therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. 2017. V.32(3-4). Pp. 334-344.
- 13. Morgan J.P. What is codependency? // Journal of Clinical Psychology. 1991. V.47 (5). Pp. 720-729.

VIRTUAL REALITY AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF COMMUNICATION BETWEEN PEOPLE ON ADULT WEBSITES

© Olesya Shilova

Moscow Institute of Psychoanalysis, Russia, Moscow twixel@mail.ru

© Dmitry Volchenkov

Texas Tech University, Lubbock, Texas, USA dimitri.volchenkov@ttu.edu

The rapid penetration of digital technologies into all areas of human life, including the intimate sphere, sharply raises the issues of building and maintaining relationships between people in virtual reality. We discuss the psychology of virtual relationships on adult social platforms, which has not been considered in the Russian literature before. Our main conclusion is that virtual relationships between avatars do not correspond to relationships between real people, so decisions made based on the experience of building real relationships do not always lead to the desired results in virtual reality. Virtual relationships need to be learned in order to protect yourself from falling into psychological traps.

Keywords: communication in virtual space, virtual relationships, virtual dramatic triangle, virtual codependency relationships

REFERENCES

- 1. Kon I.S. (2004). Seksologiya. Uchebnoe posobie [Sexology. Textbook]. Moscow: ACADEMA.
- 2. Poleev A.M. (2005). Drugaya storona seksa. Bol`shinstvu o men`shinstve [*The other side of sex. To the majority about the minority*]. St. Petersburg: Piter.
- 3. Poleev A.M. (2013). Kak soxranit` SEX v supruzhestve [How to save SEX in marriage]. Moscow: F`ksmo
- 4. Weinhold B., Weinhold J. (2002). Osvobozhdenie ot sozavisimosti / Perevod s angl. A.G. Cheslavskoj [Liberation from codependency / Translated from English by A.G. Cheslavskay]. Moscow: Nezavisimaya firma "Klass" [Independent firm "Class"].
- 5. Citovich L.V., Nikishov A.B. (2019). Brak i iny`e vidy` semejny`x soyuzov v zarubezhny`x stranax [*Marriage and other types of family unions in foreign countries*] // Novy`j yuridicheskij vestnik [*New Legal Bulletin*]. 2019. № 2(9). Pp. 23–26. URL: https://moluch.ru/th/9/archive/123/3813/ (date of reference 19.03.2024).
- 6. E`ksperty` Vsemirnogo banka ocenili polezny`j potencial soczsetej [World Bank experts assessed the useful potential of social networks] // Novosti OON: Global`ny`j vzglyad. Chelovecheskie sud`by` [UN News: A global view. Human destinies]. 23 January 2021. https://news.un.org/ru/story/2021/01/1395032 (date of reference 10.03.2024)
- 7. Ainsworth M.D.S., Blehar M.C., Waters E., Wall S. (1978). Patterns of attachment: A psychological study of the strange situation. Hillsdale, N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates.
- 8. Berne E. (1973). What Do You Say After You Say Hello? London: Bantam Books.
- 9. Eser A. (2024). OnlyFans User statistica reveal platforms explosive growth and earnings // ZIPDO. 25.07.2024. URL: https://zipdo.co/statistics/onlyfans-user/ (доступ 11.03.2024)

Shilova O., Volchenkov D. Virtual reality and psychological problems of communication between people on adult websites. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2024, Vol. 4, No. 3, Pp.96-104. DOI:10.38098/proceedings_2024_04_03_09

- 10. France A. (2024). Police investigate virtual rape of girl in metaverse // The Standard. 2 January 2024. URL: https://www.standard.co.uk/news/crime/metaverse-rape-case-police-daily-mail-internet-npcc-b1129844.html (доступ 12.03.2024)
- 11. Karpman S.B. (1968). Fairy tales and script drama analysis // Transactional Analysis Bulletin. V.7(26). URL:https://www.karpmandramatriangle.com/pdf/DramaTriangle.pdf
- 12. McArthur N., Twist M. (2017). The rise of digisexuality: therapeutic challenges and possibilities // Sexual and Relationship Therapy. V.32(3-4). Pp. 334-344.
- 13. Morgan J.P. (1991). What is codependency? // Journal of Clinical Psychology. V.47 (5). Pp. 720-729.